

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

10 10
10 ЗАГОРОДНЫЙ

КУ-КУ!

1
РУБЛЬ
1993

ТИГР

С

ПОЧТА

Адрес: ...
...
...

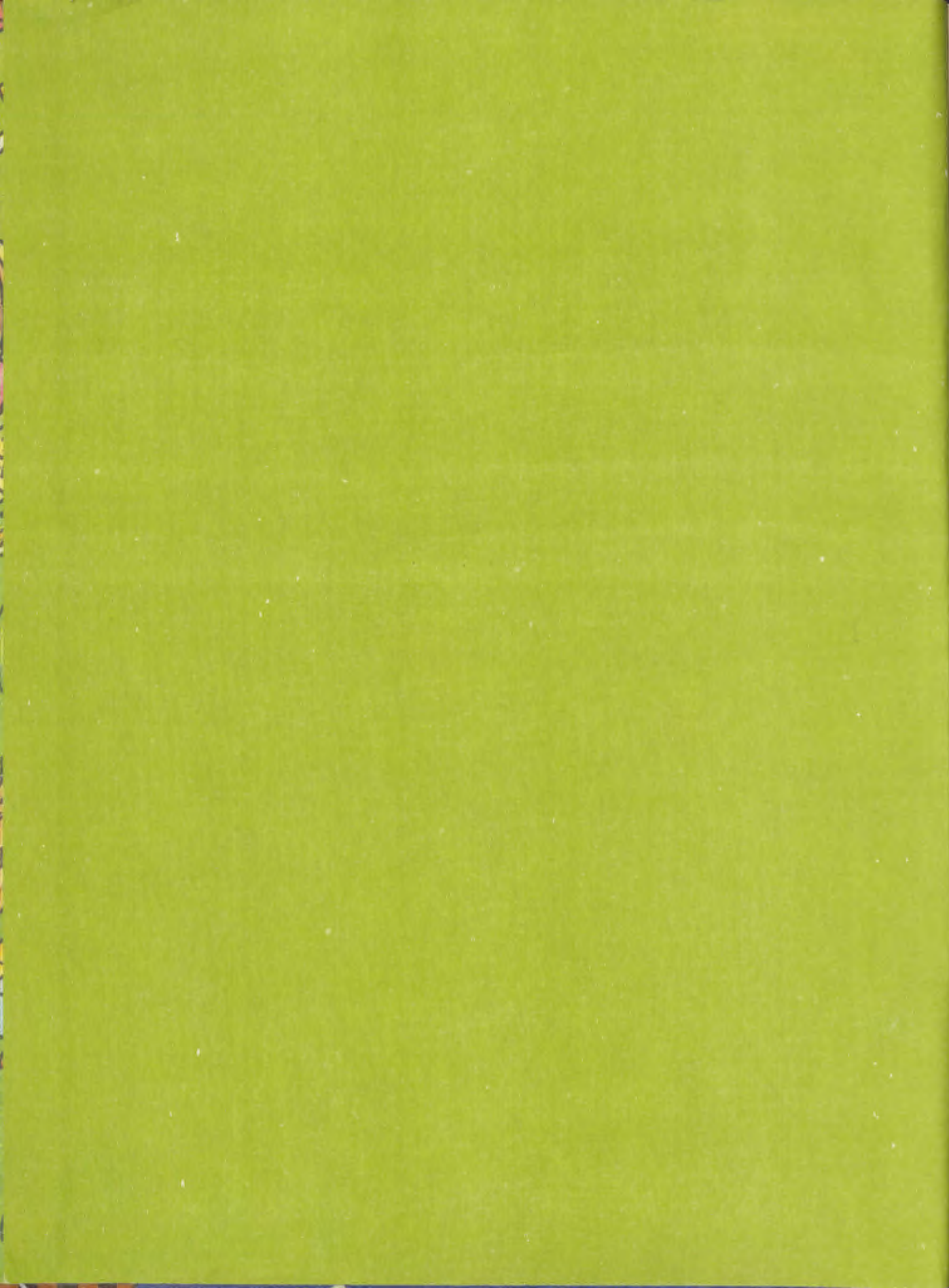
ПРОСТОКВАШИНО

Люблю
мармелад

III - 22-44

III - 22-44

III - 22-44

ЭДУАРД
УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ
СОБРАНИЕ
ГЕРОЕВ
ПОВЕСТЕЙ,
РАССКАЗОВ,
СТИХОТВОРЕНИЙ
И ПЬЕС

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГЕРОЕВ

TOM 8

**Лекции
профессора Чайникова**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1994

ББК 84Р7
У77

Ответственный за выпуск серии
Неонилла Самухина

Художественное оформление
Геннадия Никеева

Успенский Э. Н.

Полное собрание героев повестей, рассказов, стихотворений и пьес в десяти томах, том 8. Илл. Н. Воронцова, А. Гусарова, оформл. Г. Никеева С.-Петербург, Торгово-издательское товарищество «Комета», 1994, 208 стр., илл. В переплете.

ISBN 5-7116-0018-4

В восьмой том десятитомного собрания сочинений вошли повести, разнообразные по тематике и содержанию — «Пластмассовый дедушка», «Лекции профессора Чайникова», пьеса-повесть «Остров ученых». Первая повесть — фантастическая, вторая — приключенческая, где рассказывается, как научиться понимать законы физики. А третья — веселое представление, из которого ясно, что глупые, недалекие, неграмотные люди ничего в жизни не добьются.

- © Э. Успенский, 1993.
- © Иллюстрации Н. Воронцова, А. Гусарова, 1993.
- © Оформление Г. Никеева, 1993.
- © Торгово-издательское товарищество «Комета», 1993.

У 4803010201-0018-4 без объявл.-93
ОБ7(03)-93

ПЛАСТМАССОВЫЙ ДЕДУШКА

Повесть для школьников
и их родителей
Что родителям непонятно,
школьники им объяснят

Художник Николай Воронцов

Город
Москва

ВСТУПЛЕНИЕ

Человек из космоса

(набирается мелким шрифтом
и читается в основном
родителями)

В ту самую секунду, когда у станции Перхушково ночь переходила в утро, там приземлилась космическая ракета. Причем не наша. Из другой цивилизации.

Это из созвездия Брошенные Шарики прибыл космический дедушка — профессор Константин Михайлович — главный специалист по планете Зеленая Юла.

Зеленая Юла — так жители Брошенных Шариков звали нашу Землю.

В свою очередь Брошенные Шарики по-земному означает Стожары.

В этот ранний час зеленоюльцы, то есть земляне, спали.

Профессор спустился по трапу, достал из кармана плоскую коробочку, раскрыл ее, вытащил несколько пилюль золотого цвета, проглотил их и отошел в сторону.

И с ракетой стали твориться странные вещи. Кто-то невидимый разбирал ее на отдельные части и блоки.

Которые разделялись на совсем мелкие детали. Ракета таяла на глазах.

Это была научная фантастика!

Мелкие детали складывались сами по себе.

Металл к металлу. Стекло к стеклу. Винтик к винтику.

А профессор в это время гудел. Так гудят трансформаторные будки.

Несметные дивизии комаров слетались на этот гуд.

Из ракеты между тем получился склад.

Возникли бетонные столбы с табличками:

Ни один нормальный человек не решился бы подойти к этому складу. (Если он умел читать.) И довольный собой Константин Михайлович неторопливо зашагал в сторону ближайшего города. Не будем скрывать, это была Москва.

И не будем затуманивать: через три дня от ракеты Константина Михайловича не осталось ничего, кроме столбов и табличек. Потому что две старшие группы двух детских садов двух ближайших поселков включились в сбор металлолома.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Происшествие в столичном метрополитене

Это случилось на станции «Киевская». На одной из стеклянных дверей висела записка:

**НЕ РАБОТАЕТ
НЕТ ХОДА.**

Записка держалась, прижатая с обратной стороны длинной метровой щеткой. И всем было ясно, что дверь не работает и что надо бежать в соседнюю. Только одному человеку было неясно. Он думал, что это щетка не работает. Что у нее нет хода.

Непонятливым человеком был дедушка. С одной стороны, пожилой и старенький. А с другой — какой-то совсем новенький, модный, нарядный. Как будто чуть-чуть пластмассовый.

«Это же космический вездеход! — думал он. — В палке набор батареек. Ворс — это дым из движков. На щетку надо садиться, палкой надо рулить».

Дедушка увлекся. Достал коробочку с таблетками. Проглотил одну и загудел.

Дедушка был необычный. Он был специальный. Он прилетел на Землю в командировку. И как всякий космический человек он умел делать то, чего не умеют земляне.

Например, любой из нас может взять карандаш и написать слово «чашка» или может эту самую чашку нарисовать. А космический дедушка, проглотив золотую таблетку, мог создать такую чашку. Прямо у нас на глазах. Вместе с блюдцем.

Он мог создать чашку, ложку, трансформатор, моторный катер, кос-

мический везделет-щетку, троллейбус, электричку, авианосец, стадион «Динамо», космическую ракету, автомат для продажи газированной воды и шесть вагонов канцелярских кнопок. Мог разобрать все это на мелкие части, раскидать по всему городу, растворить в воздухе. Только нужно было проглотить золотую таблетку и сосредоточиться. Или десять таблеток.

Дедушка проглотил золотую таблетку и сосредоточился. И через две минуты «щетка» работала. На ней можно было летать, а в ближайшем радиомагазине с прилавка исчезли вдруг все микрорадиодетали и вся медная проволока. Впрочем, это не страшно. Ведь сейчас радиотовары в нашей стране чрезвычайно дешевые. Но вернемся к щетке.

Как у нас в каждой деревне или рабочем поселке ребята и подростки постоянно шастают в разные стороны на мопедах, так и у них, в Брошенных Шариках, все жители с жутким треском носились на таких щетках по своим делам. И по магазинам.

Закончив работу, космический пришелец пошел дальше. А к дверям метро «Киевская» подбежал начальник станции.

— Тетя Паша! — закричал он начальническим голосом. — Слетайте-ка вы в управление и передайте им заявку на пять километров перил. Наши-то совсем износились.

Начальник любил свое метро. И думал, что все должны жить точно так же. Но у тети Паши свои соображения. Она считала, что уборщица в рабочее время обязана разговаривать с дежурной, глазеть на народ, жутко отругивать приезжих с семечками. В крайнем случае, уж в совсем... может подмести пол... Но летать в управление... Уж избавьте. Это уже нахальство!

— Как же! — закричала тетя Паша. — Вот прямо сейчас сяду на щетку и полечу!

Тетя Паша была склочная и вредная женщина. И она любила демонстрировать свою скандальность. Она действительно тут же села на щетку... чтобы придать весомость своим словам, и... немедленно взвилась под потолок.

Нельзя сказать, чтобы тетя Паша была опытным летальщиком на щетках. Ее бросало и вправо и влево, от люстры к люстре и из одного конца станции в другой. В конце концов она врезалась в начальника, и они оба шлепнулись на пол.

— Караул! — сказал начальник. — Уборщицы летают! — Он подобрал свою начальническую фуражку и тихо-тихо вышел из помещения своей любимой станции.

Тетя Паша была цела, а щетка была сломана. Из нее посыпались на пол батарейки и проволочки.

Самая центральная
Гостиница города

ГЛАВА ВТОРАЯ

Телеграмма от индийского раджи

Тем временем пластмассовый дедушка Константин Михайлович подходил к самой центральной гостинице города.

Он прошел через огромный прохладный вестибюль и встал около дежурной за барьером.

— Вы не видите? — сказала она. — Я занята.

Хотя она ничем не была занята.

— Я подожду, — согласился дедушка. — Вы делайте, делайте.

Хотя дежурная, ну ровным счетом, ничего не делала.

— Можете ждать. Только мест все равно нет!

В ответ на это в руках у дедушки что-то затикало. Это он достал из кармана плоский такой приборчик доброметр и включил его. При помощи доброметра про человека можно было узнать все. Надо было только переключатель ставить в положение «Смелость», «Эгоизм», «Гордыня», «Мудрость», «Трудолюбие» и др. и смотреть за отклонением стрелки. И слушать его тикание.

Ни мудростью, ни трудолюбием дежурная не отличалась. А жадность показала самую большую. Приборчик даже задержался в руках.

Тогда дедушка уронил на каменный пол серебряную монетку. Она задребезжала на весь вестибюль.

Женщина сразу встрепелась.

— Ах, вы еще здесь?! Я же сказала — мест нет.

— Эва! Уважаемая! — удивился дедушка. — А двадцать четвертый номер? На шешнадцатом этаже? С окнами на шассу? Он же пустой!

— Да, сейчас он свободен. Но он забронирован для индийского раджи. Мы ждем раджу с месяца на месяц.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дома у тети Паши

Вечером тетя Паша — уборщица из метро со станции «Киевская» — пришла домой со свертком.

— Вот, — сказала она своим домашним, — любуйтесь.

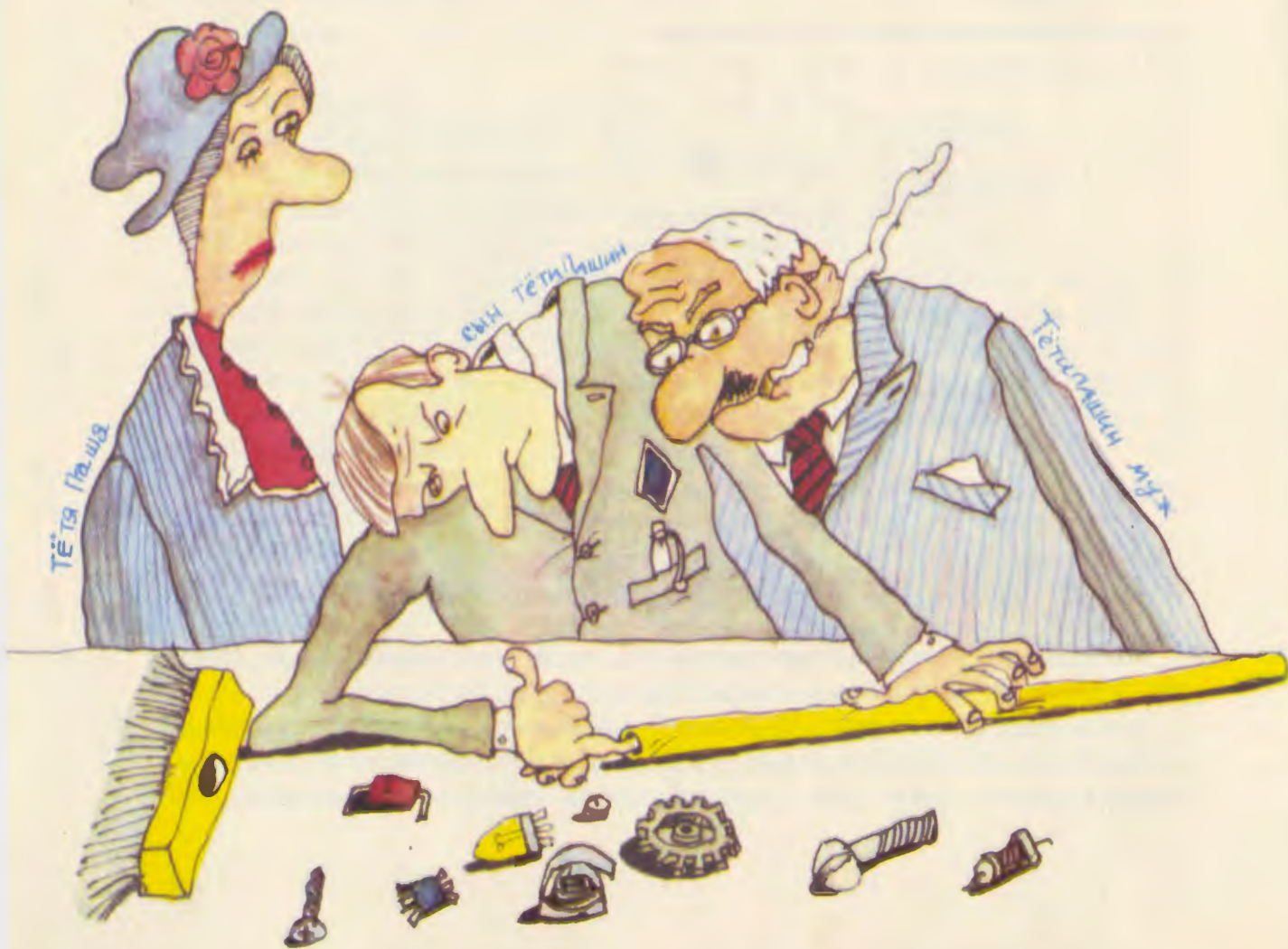
Домашних было двое — муж и сын. Муж помалкивал, а сын сказал:

— Ну, и чем тут любоваться? Отдельные сотрудники воруют отдельные орудия производства — щетки и палки.

— Щетки и палки! — возмутилась тетя Паша. — Где это вы видели такие щетки? И такие палки? — Она затрясла свертком — и в стороны посыпались батарейки, лампы, проволоочки и всякая прочая радиомелочь.

Муж ничего не сказал, а сын тети Паши был поражен.

Он работал инженером на заводе секретной радиоаппаратуры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Володя Удинцев и собака Астра

Начнем с того, что Володей Удинцевых было два: Володя Удинцев-отец и Володя Удинцев-сын. Нас пока интересует Володя Удинцев-сын, т. е. Володя Удинцев-мальчик.

Он учился в четвертом классе, но вполне мог бы сдать экзамен за восьмой.

Учение давалось ему легко и без труда. Впрочем, как и музыка, спорт, мытье посуды, хождение по магазинам и воспитание огромной собаки Астры — черного терьера. (А главным образом ее пропитание.)

Все это Володя делал сам, в гордом одиночестве, потому что его папа и мама ежегодно уходили в кругосветное плавание на корабле «Витязь» с научной экспедицией.

Они целый год кругосветно плавали на своем корабле, битком набитом научной радиоаппаратурой, искали радио- и всякую другуйную связь с иными космическими мирами, а Володя за них все делал. И учился, и за квартиру платил, и собаку воспитывал, и на кооперативные собрания ходил.

В эти дни он готовил Астру к осенне-летнему сезону — учил собирать белые грибы. Он давал ей понюхать сушеный белый гриб и говорил:

— Астра, голос!

— Бах! — говорила Астра.

Сначала Володя научил Астру искать полезные ископаемые: золото, бриллианты и нефть. И она очень быстро отыскала ему в городе все бензоколонки, все ювелирные магазины, а также двух студентов иностранной негритянской державы, с ног до головы увешанных кольцами и драгоценными перстнями. Поэтому сейчас он ее срочно переучивал. Давал понюхать сушеный белый гриб и говорил:

— Астра, голос!

— Бах! — говорила Астра.

Потом он прятал пять грибов в разных местах: под кроватью, под столом, на телевизоре, в шкафу и на книжной полке — и командовал:

— Астра, ищи!

— Бах! Бах! Бах! Бах! — говорила Астра под кроватью, под столом, у телевизора, у шкафа и: — Бах! Бах! — говорила она, встав на задние лапы около полки с книгами.

Хотя грибы, как правило, не растут на книжных полках, Астра должна была понять основной принцип — грибы могут быть в самых неожиданных местах. И на них надо лаять.

Бах!
говорила Астра

ГЛАВА ПЯТАЯ

Утро в интуристовской гостинице

...Двадцать четвертый номер «на шестнадцатом этаже» был, наверное, самым удобным в гостинице. Окна его выходили на три разные стороны. Солнце влетало сюда в первые утренние секунды, а уходило, когда на улице внизу была уже поздняя ночь.

Дедушка спал. Вдруг внутри него зазвенел будильник. Он раскрыл глаза и нажал кнопку на груди. Звон прекратился.

Константин Михайлович проснулся, соскочил с кровати и стал делать зарядку. При этом он сам себе не нравился, потому что скрипел.

Дедушка быстро соорудил себе масленку с машинным маслом и смазал коленки. Для этого он открыл маленькие пластмассовые лючки на ногах. Скрип прекратился.

Дедушка сел к письменному столу. Взял блокнот и составил список дел. Он был таков:

1. Отметить командировку.
2. Ознакомиться с городом.
3. Установить контакты с лучшими людьми.
4. Подготовить их к тому факту, что в космосе есть разумная жизнь.

5.

Пятый пункт был не заполнен. Вернее, он был заполнен, но специальными невидимыми чернилами. Потому что он был секретный. Если бы его осветили специальным секретным фонариком, то он выглядел бы так:

5.

ТЬфу ты! Лампочка перегорела!

Никак не прочтешь этот проклятый пункт. Только очень умные и дальновидные люди, умеющие смотреть вглубь и видеть все насквозь, могут прочесть его. (Вглубь смотреть надо страниц на пятнадцать.)

Составив список, Константин Михайлович нажал на кнопку с надписью: «Вызов горничной». И сразу началось удивительное. Во-первых, вошла не женщина-горничная, а мужчина. В черном костюме и белом накрахмаленном переднике. Он был средних лет, ближе к пожилым. Толстоватый и совершенно седой.

Во-вторых, на столе сам собой затикал доброметр.

И, в-третьих, что самое удивительное, это был не просто случайный мужчина, это был муж тети Паши. Уборщицы из московского метрополитена.

— Что хотите? — спросил горничный.

— Уважаемая... то есть уважаемый, можно мне поесть чего-нибудь? К примеру, батерброд, щи или чего там.

Мужчина поклонился.

— А еще мне нужны газеты. «Сельская жисть» у вас бывает?

Мужчина в переднике поклонился еще раз и вышел. Скажу сразу... то есть сразу, что это был не простой горничный. Муж тети Паши — товарищ Карцев был начальником отдела кадров гостиницы. Был начальником над горничными, лифтерами, швейцарами, поварами, администраторами и старшими администраторами. Он мог спокойно сидеть у себя в кабинете и смотреть телевизор. Но его очень заинтересовал новый постоялец. Постоялец был явно неправильный. И муж тети Паши сам решил подежурить на «шешнадцатом этаже» и все разузнать. А настоящую горничную он отпустил:

— Идите домой, милая. Вам надо отдохнуть. Как-нибудь в выходной отработаете.

Итак, он поклонился и вышел. А доброметр все равно стрекотал. Очевидно, человек был неподалеку. Пластмассовый дедушка насторожился. Поднял голову от стола, взял прибор в руки и пробежался по шкалам «Жадность», «Завистливость», «Ум». Показатели везде были высокие.

Константин Михайлович вытащил золотую таблетку, проглотил ее и устался на входную дверь. Дверь постепенно стала проясняться и делаться все прозрачнее. Наконец, она стала совершенно невидимой.

И наоборот, стал совершенно ясно виден горничный — муж тети Паши. Он стоял согнувшись и внимательно глядел в номер через замочную скважину. Своими совиными глазами.

С его стороны дверь оставалась все такой же. Это явление в учебниках называется поляризация.

Продолжение утра в интуристовской гостинице

Скоро горничный принес завтрак на подносе и газету «Сельская жизнь».

Дедушка позавтракал, прочитал новости с полей и из-за рубежа. Он сделал зеркальный пульверизатор и напылил себе зеркало на внутренней стороне шкафа. Побрился. Спустился вниз в озелененный вестибюль.

За стойкой администратора сидела вчерашняя кипящая ненавистью дама. За прошедшую ночь она не стала очаровательнее.

— Уважаемая, — обратился к ней дедушка. — Вы не отметите мне командировку?

«Уважаемая» даже не подняла на него глаза.

— Мне только надо печать поставить здесь. Что я прилетел вчера.

— Не знаю, когда вы прилетели... И к кому прилетели. И никакой печати «здесь» ставить не намерена.

«Если бы злость притягивала пыль, из этой дамочки получился бы отличный пылесос», — решил про себя дедушка и вышел на улицу.

Солнце заливало город прохладным золотом. Прохожие никуда не торопились. Все были веселые и добродушные. И доброметр в кармане дедушки не тикал, не верещал, а весело так позванивал:

— Дзинь! Дзинь! Дзинь! Дзинь!

И каждый раз дедушка останавливался на звонок и расспрашивал прохожих:

— Что это за здание, уважаемые?

— Это родильный дом. Дети рождаются.

— Дзинь! Дзинь!

— А что здесь расположено за зеленью?

— Здесь детский сад пивоваренной фабрики. Вон дети прыгают. К ним машина пришла с мороженым.

И снова:

— Дзинь! Дзинь! Дзинь!

— А это что за здание такое, уважаемые?

— Это сама пивоваренная фабрика.

— А вот скажите: чему здесь так радуются?

— Здесь зарплату дают... А ты что, дед, интурист, что ли? Из Рязанских Соединенных Штатов? Или ты, дед, с луны упал? Откуда ты?

Дзинь!
Дзинь!
Дзинь!

— Да почти што с луны, можно сказать. А как вы, уважаемые, дога-
дались?

— Да все ты звенишь да спрашиваешь. Звенишь да спрашиваешь.
И тут пластмассовый дедушка закричал сам себе: «Стой! Стой!».
Прямо перед ним стояла огромная доска с фотопортретами:

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ ГОРОДА

Константин Михайлович подошел и стал внимательнейшим образом
изучать всю доску. Он запоминал лица лучших людей, фамилии и места
их работы. Люди были такие:

Владимир Удинцев
Кандидат технических наук—
научный руководитель кругосветной
экспедиции на корабле "Витязь".

Академики Булкин и Бутылкин
Преподаватели Московского
государственного университета.

Товарищ Бетономешалкин
Контролёр-испытатель Цент-
рального кефирного завода.

Гладков Геннадий Игоревич
Член Союза Композито-
ров СССР.

Сергей Залогуб
Комсомолец, сборщик высшего
разряда Завода Секретной
Радиоаппаратуры.

Инженер Завода
Секретной Радиоаппаратуры
Григорий Борисович Карцев.

Это был сын тёти Паши. Уборщицы
из Московского метрополитена.

Инженер Карцев ломает голову (при помощи комсомольца Сережи Залогуюева)

На заводе секретной радиоаппаратуры все знали инженера Карцева. Он был молодым специалистом-общественником. Что-нибудь организовать, возглавить, на что-нибудь отозваться — он умел лучше всех. Он обожал в едином строю выходить на сбор металлолома или делать так, чтобы рабочие все как один осваивали садовые участки.

А в секретной радиоаппаратуре он не больно шибко разбирался. Еще в институте, когда он был студентом, он не столько учился, сколько занимался общественной работой. Организовал концерты художественной самодеятельности, походы за бесценной макулатурой, массовые протесты «против» или наоборот единодушные одобрения «за». И на изучение техники и аппаратуры времени не оставалось.

Вот сейчас сидел он в своем общественном кабинете на заводе и ломал голову над этой загадочной щеткой. Как она летает? Почему? И можно ли ее починить?

Видел он радиопередатчики, радиолокаторы, радиолампы, но радиолетающих щеток не видел никогда.

Сын тети Паши — Григорий Борисович снял телефонную трубку и позвонил в сборочный цех самому молодому и способному сборщику Сереже Залогуюеву:

— Слушай, Залогуюев. Дорогой мой человечек! Дело есть, чрезвычайной государственной важности. Зайди ко мне.

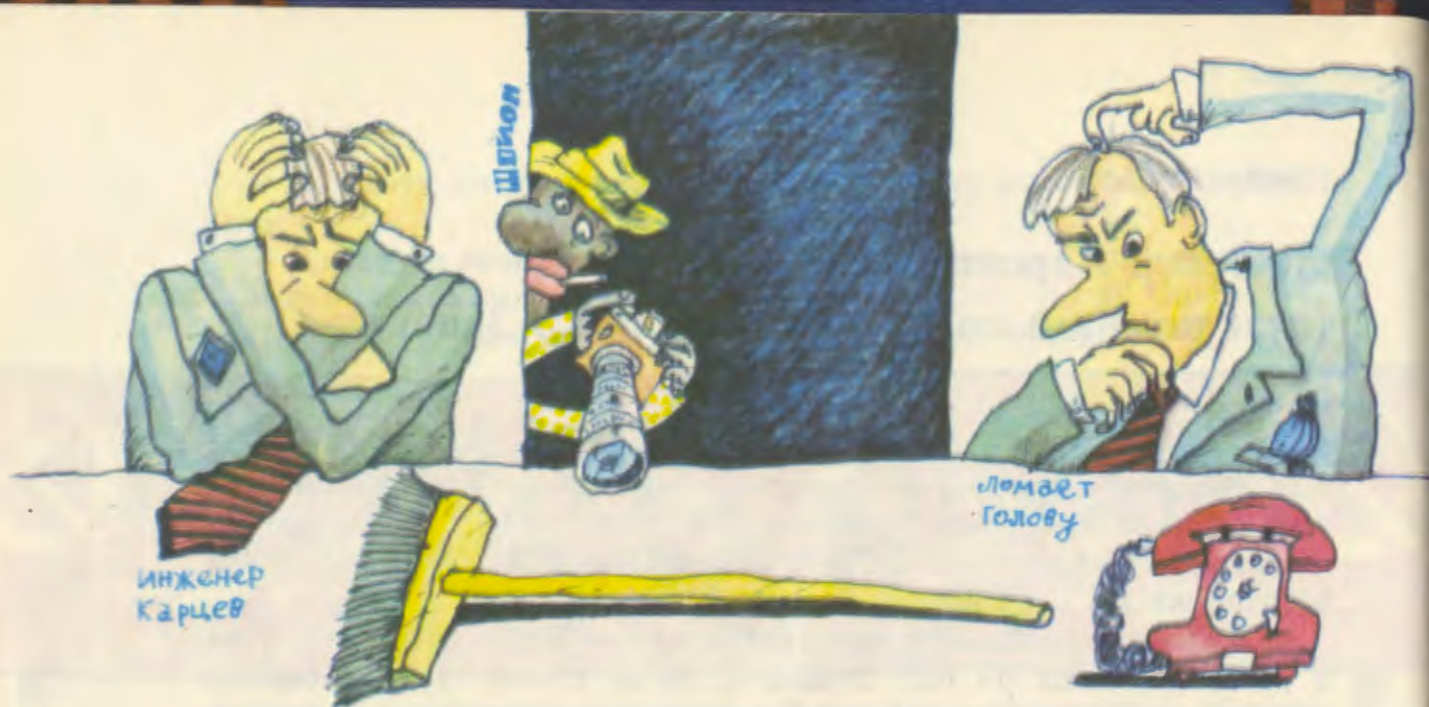
Залогуюев быстро пришел. Григорий Борисович встретил его на пороге:

— Дорогой мой человечек! Славный мой Залогуюев. Вот это нам из генерального штаба передали. Захватили у империалистов. Летающее устройство для шпионов. Год над ним в генеральном штабе бились — не могли починить. Теперь по общественной линии нам передали. Чтобы мы в нерабочее время в порядке шефской работы щетку отремонтировали.

Залогуюев внимательно слушал и на щетку смотрел. В отличие от те-типашинского сына, он отлично разбирался в технике. И абсолютно ничего не понимал в общественных линиях и империалистах.

— Ну что, Загогулин, сделаем? — спрашивал Карцев. — Выручим генеральный штаб нашей славной генеральной армии?

— Попробуем, — сказал Залогуюев. — Можно я ее в цех заберу?

— Ни в коем случае. Там среди комсомольцев могут оказаться шпионы. Будем работать здесь. В послерабочее время и совершенно секретно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Почему Володя Удинцев не хотел брать ведро транзисторов

Почему? Почему?

Да потому, что он считал, что эти транзисторы краденые!

Только не надо шуметь. Надо все по порядку. А то скоро все запутаются. В ведрах, транзисторах и Володах.

Дело в том, что Володя очень нуждался в деньгах. Ему необходимо было заплатить за два месяца за квартиру, плюс за кооперативный гараж, плюс за телефонный разговор с Островами Зеленого Мыса, плюс за пять телеграмм в пять разных зарубежных портов о том, что у него все в порядке, плюс выделить деньги на ремонт цветного телевизора «Юность-707». Телевизор проработал недолго, но зато стоил дорого.

На Володином карманном компьютере все это выглядело так:

	156.80
+	8.00
+	227.30
+	8.50 × 5
+	225.00

А у Володи в наличии было всего 200.00. Родители на этот срок вообще-то оставили ему 250.00. Но Володя купил незапланированную оранжевую майку, чтобы можно было без опаски ездить на велосипеде по вечернему шоссе. Да и сам незапланированный велосипед в комиссионном магазине. А тут еще объявился незапланированный ремонт телевизора «Юность-707».

Володя включил компьютер на столе в кабинете отца и изложил ему свои проблемы. На экране компьютера появился ответ:

«Возьмите деньги в банке!»

После этого Володя взобрался на раковину в кухне и снял с верхней полки большую стеклянную банку с надписью «Деньги». В банке был один рубль.

Выход для Володи Удинцева был только один — самому починить цветной телевизор.

Это был хороший выход. С одной стороны. А с другой — нехороший. Для ремонта нужны были транзисторы. И они были. Сосед Удинцевых по лестничной площадке Иосиф Сергеевич Залогеев принес Володе их целое ведро. Кажется, все прекрасно... Но дело в том, что транзисторы он унес с Завода Секретной Радиоаппаратуры. (Где он работал вместе со своим сыном комсомольцем Сережей Залогеевым.) И они были краденые, ворованные, что ли... Поэтому собака Астра сердито косилась на Залогеева.

— Чудак ты! — успокаивал мальчика старый сосед. — Эти штучки не ворованные.

— Как не ворованные?

— А так. Там их целая свалка на заводе. Когда приборы испытывают на долговечность, на температуру, их после испытания разбирают на части и смотрят, как что работало. А потом разобранные части на заводскую свалку везут. Я их на свалке и подобрал. Так что, они не ворованные, милоч. Это ведро ворованное. Я с завода все время ведра выношу.

— Почему ведра? Как ведра?

— А так. Я или краски наберу полное ведро и иду как маляр. Или земли с цветами возьму и шагаю будто я садовник, милоч. Сторожа меня и пропускают. А потом я краску вылью, а ведро продам. Я ведь, милоч, пьяница.

Взгляд у собаки Астры смягчился.

Во время этого сложного психологически-воспитательного разговора раздался звонок.

Володя открыл дверь и увидел пластмассового дедушку.

— Здравствуйте, уважаемые, — сказал Константин Михайлович. — Скажите, уважаемые, Удинцев В. здесь проживает?

— Здесь, — сказал мальчик. — Это я.

— Мне, наверное, нужен ваш родитель. Взрослый Удинцев.

— Это мой папа. Они с мамой в плавании. Еще не скоро вернутся. Но вы проходите.

Увидев, что пришел гость, Залогиев Иосиф Сергеевич тихонько удалился, высыпав транзисторы из ведра на журнальный столик.

— Эва! Да тут есть неисправные! — сказал дедушка. — Сейчас мы их отсеем. — Он стал отбрасывать плохие триоды в сторону. При этом определял неисправность на ощупь, без приборов. — Бывалишные проводники. Стариனுшка, — добавил он. — У нас такие только на раскопках находят.

— А вы кто? — спросил мальчик. — Вы откуда?

— Я с космоса, — ответил дедушка. — Прилетел по делам. Охота познакомиться. Мы в Брошенных Шариках живем.

Володя сразу притащил большой звездный атлас.

— А где ваши Шарикки расположены?

— Вот здесь, по соседству.

— Так это же Стожары. Такое созвездие.

— По-вашему выходит Стожары, по-нашему Брошенные Шарикки.

— Вам никто не поверит, что вы оттуда, — заявил мальчик.

— Почему еще?

— Потому что даже свет оттуда идет несколько тысяч лет.

— Так он, может, не спешит никуда. А я, может, очень торопился, к примеру.

— А почему вы так разговариваете странно?

— Как странно?

— Будто вы — деревенский.

— А я и есть деревенский. Брошенные Шарики — это ж деревня такая в космосе. Городского типа.

— И там все так разговаривают?

— Нет, мы разговариваем не так. У нас ультразвуковое наречие. Тр... тр.....!!! Ясно?

— А где вы учились по-земному разговаривать? По-русски?

— По-русски? В селе Троицком под Переславом. Я там был на практике. Я будто бы студент заграничный был. Из булгахтерского института. И два месяца картошку собирал.

— И никто не догадался, что вы из космоса? — спросил Володя.

— Никто. Я еще окрашен был в синий цвет. Будто я из Африки булгахтер. Меня туды на летающем блюде забросили. А после через два месяца в обрат взяли.

— А можно спросить?

— Спрашивай, не жалко. Меня от этого не убудет.

— Зачем вы в этот раз на Землю прилетели?

— Я же толковал. Познакомиться охота. Дружбу установить с населением местности. Чтобы вы знали, что мы рядом живем. Что — соседи.

— Хорошо, — сказал мальчик. — Только мой папа вам ни за что не поверит. Он всю жизнь сигналы из космоса ловит. У него весь корабль «Витязь» радиоаппаратурой набит. И радиотелескопы есть, и электронные ловушки. Он любой сигнал заметит. Но если к нему домой придет гражданин и скажет: «Здравствуйте, я из космоса. Из Стожар», — он будет считать, что его разыгрывают.

— А что, если я сделаю так? — спросил дедушка.

Он замер на стуле, уставил глаза в стенку и загудел. Из его глаз, как из кинопроектора, полились на стену два пучка белого света. На стене

они слились в одно овальное пятно. И как на экране телевизора стали возникать четкие-пречеткие картины.

Сначала вид на Стожары из космоса. Потом постепенный наезд. Вид одного из ста жарких стожаровских солнц. Дальнейший наезд. Вид одной из планет. И все цветное...

Планета из шарика превращается в глобус. Из глобуса в громадный шар. Вот один из материков в зеленом океане. Вот один из городов...

И все цветное. Двигающееся, куда-то торопящееся...

Вдоль и поперек, вверх и вниз двигались разные машины. Всюду ша- стали прохожие на космических вездельных щетках. Странные летающие звери паслись на зеленых летающих клумбах. Велись грандиозные спортивные соревнования. Стояли очереди за газированной водой. Люди, звери, птицы, деревья, цветы, грибы. Как только появились грибы, собака Астра сказала: Бах! Бах! Бах-бах!

Никакой «Клуб кинопутешествий» не смог бы сравниться с этим зрелищем. И я, ребята, оставляю одну ~~чистую страничку~~, чтобы вы сами, а еще лучше, чтобы ваши знакомые взрослые художники нарисовали бы вам это потрясающее и любопытное зрелище.

— Ну что? — спросил гордый пластмассовый дедушка. — Какое впечатление?

— Изумительно, — ответил Володя. — Я такого никогда в жизни не видел. Только ученые вам все равно не поверят.

— Почему?

— Потому что они чудики. Они решат, что вы гипнотизер, парапсихолог, кто угодно. Только не космический пришелец.

— Не понимаю.

— Они уже взрослые. Они уже все знают и обо всем по-своему судят. Даже о том, чего вовсе не знают.

— Изумительно! Действительно чудики!

Володя Удинцев увидел, что космический гость не очень ему верит, и поменял тему.

Он накормил дедушку обедом. Потом они оба взялись за цветной телевизор «Юность-707». Просто мигом починили его. Обменялись телефонами и расстались.

— Спасибо, уважаемый! Спасибо, молодой юноша! — говорил Константин Михайлович, спускаясь по лестнице.

— Звоните в любой день! Приходите! — кричал сверху владелец и исправленного телевизора «Юность-707», и большей половины целого ведра транзисторов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Муж тети Паши лично убирает номер

Ж-ж-ж-ж-ж!

«Этот клиент из двадцать четвертого номера не иначе как колдун! — думал начальник отдела кадров тов. Карцев, он же муж тети Паши, он же горничный на шестнадцатом этаже. — Вот здесь в ковре была дырка. Сейчас ее нет».

Ж-ж-ж-ж-ж!

«В ванной раковина отваливалась. Теперь стоит как влитая. Диван не скрипит. И радио, и вентилятор, и шторы — все работает».

Ж-ж-ж-ж-ж!

«Ну просто нечистая сила здесь поселилась!»

— Ж-ж-ж-ж-ж!

И под жужжание пылесоса он принял решение быть очень и очень осторожным!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Про лучшего человека товарища Бетономешалкина

Тов. Бетономешалкин — работник кефирного завода — был хороший человек. Его все любили — дети, лифтерши, сотрудники.

Он был такой глазастый, толстый, приветливый. До тех пор, пока его не назначили лучшим человеком города. Вот тогда-то и начались его неприятности. Его все стали узнавать.

Стоило ему чуть-чуть опоздать на работу, вахтерша говорила:

— Что это? Товарищ Бетономешалкин, вы — лучший человек, а опаздываете.

Дочь Катерина постоянно делала замечания:

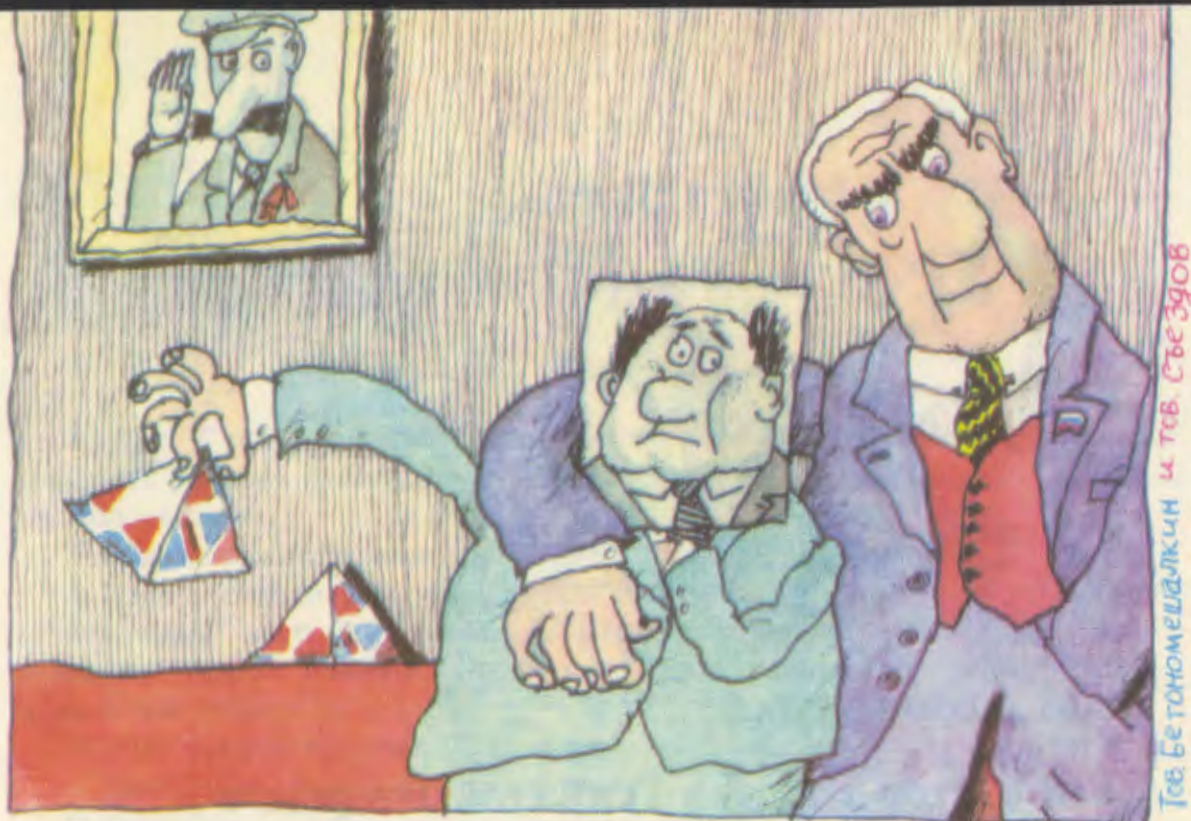
— Папа! Вот ты — лучший человек, а ботинки не почистил!

И даже соседка по дому сказала однажды:

— Очень странно! Вот вы — лучший человек, на доске висите, а ваша собака мою Пальму искусила!

В конце концов Бетономешалкин взорвался и прилетел в горсовет. К самому председателю горсовета:

— Снимите меня с этой проклятой доски!

— Не имеем права! Это решение коллектива.

Председатель горсовета был железный человек. Он решений не менял. Тем более решений коллектива. И фамилия у него была такая современная: товарищ Съездов.

— Я не лучший человек! — бушевал Бетонмешалкин. — Я ботинки не чистил. Я деревья не посадил. Я маму из деревни не выписал. Моя собака Пальму покусала.

Председатель горсовета обнял Бетонмешалкина и сказал:

— Ну, что же это вы? Лучший человек города, а так на себя наговариваете.

— Ах, так! — закричал Бетонмешалкин. — А это вы видели?

Он вытащил из карманов бутылку кефира, четыре пакета молока и пять новеньких творожных сырков с изюмом.

— Это я с производства унес! Утащил! Мне их дали испытывать, и я забрал!

— Сегодня?

— Вот именно. Сегодня, когда мы все должны воспитывать нового человека!

— Стало быть, кефир сегодняшней, — продолжил председатель горсовета. — Свежий. Вы не возражаете, если я его у вас отниму? Жена велела купить, а у меня ну ни минуты свободного времени нет. В магазин выйти.

У Бетонмешалкина пошли шары перед глазами. Он повернулся и вышел из горсовета, проломив собою дверь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Композитор Гладков Геннадий Игоревич играет на гитаре

Известный композитор Геннадий Игоревич был в это время в жутком настроении. Он лежал на жутком диване под жутким пледом с жуткой температурой 45°C , но не расстраивался. Он играл на гитаре жуткий старинный гусарский романс против французов. Тем, кто не знает историю войны 1812 года, его слушать нельзя. Потому что там есть много непонятного. А кто знает историю, тот знает и романсы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Секретный пункт в списке дел пластмассового дедушки

Со временем секретные чернила меняли свои свойства. Секретность из них выветривалась, а текст проявлялся. Он был таким:

5. Выяснить, не появлялись ли на Земле агенты из злого черного созвездия Минус Миллиард? Или все неприятности, которые случаются на Земле, имеют земную основу?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Теория относительности иногда действует

— Эва как! — кипел пластмассовый Константин Михайлович. — Прилететь сюда из космосу невозможно! Быстрее света ничего не летает! Забили им головы!

Это он переживал после разговора с Володей Удинцевым.

— Теория относительности! Ерунда какая-то! Быстрее света, к примеру, летает яркий свет! А как быть с антисветом? А кто скажет, с какой скоростью летает темнота? Она в этом смысле поповаднее будет. Устарела ваша теория.

Тут он увидел горсовет.

— Эва! Надо отметить командировку!

Он прошел к кабинету председателя горсовета товарища Съездова. Секретарша бросилась к нему наперерез.

— Вы к кому?

— К вашему начальнику, уважаемая. Охота командировку пометить. Он здесь?

— Нет, его здесь нет. Он на совещании в министерстве.

Дедушка вытащил коробочку и проглотил пилюльку. Посмотрел на дверь кабинета, и она в минуту прояснилась. Стала прозрачной. Стало видно, что за столом сидит крепкий дядька лет шестидесяти и что-то пишет.

— Уважаемая, — сказал дедушка, — вы сообщили, что его нет. А он здесь находится.

— Понимаете, относительно кабинета и стола он здесь. А относительно посетителей его нет. Он на совещании в министерстве.

— Почему?

— Чтобы ему не мешали работать. Ему надо решить, что делать с карандашной фабрикой. Видите, как коптит небо. Всем нам жить мешает. И вам тоже, дедушка.

Константин Михайлович посмотрел в окно. Труба дымилась.

— Так что никому не говорите, что его видели. А вы, наверное, фокусник, иллюзионист?

— Относительно вас я фокусник, — согласился дедушка. — А вообще-то, относительно космосу деревенские мы. Аккурат сельские.

Он раскланялся и вышел.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Комсомолец Сережа Залогеев ломает щетку (при помощи инженера Карцева)

Комсомолец Сережа Залогеев все удивлялся на империалистов — как далеко ушли! У него от одной маленькой батарейки пять часов работал микропаяльник, а батарейка и не думала садиться. (То есть ослабевать.)

— Ну что, дорогой мой человечек? Скоро полетим, милый ты мой Загогулин? — говорил инженер Карцев. — Из генерального штаба все звонят. Спрашивают.

И действительно все время раздавались звонки. Один важнее другого.

— Слушаю, товарищ генерал. Так точно, товарищ генерал. Еще не обедали. Все трудимся. Колбасы купил, товарищ генерал. Любительской 300 грамм и сыра. А вы мне на картошку денег не давали, товарищ гвардии генерал. Это пусть маршал покупает... А я тут при чем? Если ваш маршал по вечерам не является, вы ему на работу в генштаб жалобу накатайте. А то и просто мокрой тряпкой его, товарищ генерал, пару раз огрейте. Это дисциплинирует.

— Ну как, починим? — спрашивал он после разговора у комсомольца.

— Раз из генерального штаба спрашивают, — отвечал Залогуев, — значит, починим. Я пока не понимаю, как она устроена. Я только чувствую, что это хорошая вещь. И все присоединяю, как было.

Он паял. Младший Карцев приводил в порядок справки про металлолом. И время шло.

Когда работаешь, время незаметно летит и ничего не помнишь. Час прошел, еще час... Еще сколько-то времени, не помню сколько. Еще чего-то прошло. За окном высунулись и обратно засунулись звезды, и тут комсомолец сказал:

— Все готово. Будем пробовать.

Он взял щетку, как берут деревянного коня, нажал выключатель и немедленно перекувыркнулся в воздухе. Потом рванул вверх и выскочил из пиджака. И носило его и мотало по комнате не хуже, чем тетю Пашу в свое время.

— Стой! — кричал тов. Карцев. — Стой, чертов комсомолец! Я сейчас тебе руки-ноги пообломаю, дорогой мой человечек!

— Не могу! Не умею останавливать! — кричал в ответ Залогуев.

— Не надо было включать! — вопил Григорий Борисович, бегая за ним.

— Куда?! Куда?! — завопил он во весь голос, когда увидел, что Сережа нацеливается вылететь в окно.

— В генеральный штаб! Работу показать!

— Я тебе покажу показать! Какой такой штаб?! Не дам! — он ухватил Сережу Залогуева за пролетающую штанину. — Назад!

Но получилось не назад, а вперед. Неведомая страшная сила подхватила его, вытащила в окошко вместе с комсомольцем Сережей и понесла над крышами города...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Куда девался тов. Бетономешалкин и откуда взялся тов. Батономахалкин

Пластмассовый дедушка отошел от справочного бюро, держа в руках бумажку с адресом тов. Бетономешалкина:

«ПРОЛЕТАРСКИЙ РАЙОН,
УЛ. ИМЕНИ ОБРАБАТЫВАНИЯ МЕТАЛЛОВ,
ДОМ 1100, КОРП. 1200, КВ. 1350».

Константин Михайлович сел в такси и отправился на эту улицу. Найдя среди всех домов дом 1100, а среди всех корпусов корпус 1200, он позвонил в квартиру 1350. Дверь открыл глазастый упитанный мужчина.

— Здравствуйте, уважаемый. Мне охота увидеть товарища Бетономешалкина. Он кефир испытывает.

Глазастый мужчина сказал:

— Это я.

Он открыл дверь, стоя на четвереньках. Так он и стоял, чуть-чуть приподнявшись. На нем верхом сидела девочка. В руках он держал тряпку. Очевидно, он протирал пол. Работал телевизор. Что-то патриотическое играл приемник. Что-то народное лилось из проигрывателя.

Из квартиры так и плеснуло теплом и уютом. Нет, не зря все так любили товарища Бетономешалкина. Очень он был родной и обаятельный.

— Мы живем по соседству, — сказал дедушка. — Я из космоса. Давайте знакомиться.

— А почему вы ко мне пришли?

— Как же. Вы ведь, к примеру, — лучший человек города.

— С чего вы это взяли?

— С доски Почета.

— Вы все перепутали, — возразил Бетономешалкин. — На этой доске Почета меня нет.

— Как так нет?

— А так как нет. Проходите в квартиру.

Он провел дедушку в дом.

— Куда мне одежину повесить? — спросил дедушка.

— Никуда. Вы ненадолго.

Он вывел дедушку на балкон в кухне и снял большой бинокль с гвоздика.

— Смотрите.

Космический делегат взял бинокль и провел по панораме города, пока бинокль не уперся в доску Почета.

Волосы на голове пластмассового дедушки встали дыбом. Вместо веселого глазастого Бетономешалкина на доске висел мрачный дядя с усами, выходящими за рамки. С бородой. И фамилия у него была другая — Батономахакин.

И работал он уже не на кефирном, а на кофейном заводе. Ничего себе!

Константин Михайлович растерялся, раскланялся и ушел.

— Ну, что? — спросил товарищ Бетономешалкин у дочки Катерины. — Правильно мы сделали, что все перерисовали? Теперь нам никто замечаний делать не станет.

— Папа, — сказала верховая девочка, — вот ты — лучший человек в городе, а по ночам по клумбам ходишь и к портретам усы подрисовываешь, и бороды, и фамилии исправляешь.

— Караул! — тихо сказал Батономешалкин, нет — Бетономешалкин с кефирного, вернее с кофейного завода.

— А он сказал, что он из космоса, — продолжала дочка. — Это откуда?

— Наверное, пионерлагерь такой. Или кинотеатр. Выступать для них надо.

— Некогда нам выступать, — сказала девочка, — у нас полы не везде еще достаточно сверкают!

Обед раздраженного космического гостя

Пластмассовый дедушка был раздражен.

— Они не доверяют, что я из космоса. Они думают, что я обманщик какой.

Он позвонил по телефону Володе Удинцеву:

— Алло, это кто? Кто разговаривает?

— Это я — Володя.

— А это я — Константин Михайлович беспокоит. С космосу. Больно поговорить есть охота.

— А вы приезжайте, — пригласил Володя.

— Лучше вы приезжайте. Мы здесь пообедаем. Поедим, то есть.

Володя расспросил поподробнее — где они собираются обедать. Надел оранжевую майку и выехал в сторону центральной гостиницы.

Дедушка сидел за столиком и ждал. Никто к нему не подходил. За соседним столом сидели два толстых господина и обедали. Им все время что-то подавали. На столе у них стояли полувялые астры. У дедушки на столе ваза была пустая.

Константин Михайлович достал таблетку из папочки, проглотил и внимательно посмотрел на вазу. И постепенно в ней стали прорисовываться темные прутья. Потом зеленые листья и красные бутоны.

В вазе появились сверхсовершенные полиэтиленовые розы. Совершенно как настоящие. Не отличишь. Только лучше.

Когда картина была дорисована, к столику подошла строгая заведующая и спросила:

— Постоялец, вы откуда приехали?

— Сюда?

— Ну да, сюда. К нам в гостиницу.

— С Переславу-Залесского.

— Вам цветы не положены.

Она взяла вазу и понесла на другое место. Но чем дальше она отходила от дедушки, тем больше розы теряли цвет. И когда она поставила вазу на отдельный маленький спецстолик, розы совсем исчезли. Ваза стояла, а роз не было.

Заведующая вытаращила глаза и пошла обратно. Цветы стали появляться. Она поставила вазу на место, бросила на стол к дедушке меню и ушла, ничего не поняв, но оставшись очень раздраженной.

Вошел оранжевый Володя Удинцев. Он сел к дедушке. И оба стали ждать.

А вокруг маленького спецстолика кипела жизнь. Туда принесли салфетку, вилки, ложки. Поставили разные тарелки.

— Быстрее, быстрее! — говорила заведующая официанткам. — Сейчас он придет.

— Он сейчас придет, а мы уже здесь! — сказал Константин Михайлович.

И вот, когда очередная официантка бежала к столику с очередным подносом, одна тарелка затормозила, остановилась в воздухе и приземлилась на дедушкин столик. И каждый раз то бутылка с водой, то жареная картошка с мясом, то подливка задерживались на месте, словно спотыкались и прыгали на стол к Володе и к пластмассовому Константину Михайловичу.

«Охота узнать, — думал дедушка, — кто это придет? И что так ему служат?»

— Здесь, наверное, будет обедать какой-нибудь важный иностранец, — сказал Володя. — Посол или президент. А может быть, африканский вождь.

Но вошел небольшой очкастый Карцев. (Начальник над кадрами гостиницы, тетипашин муж.) И все еще больше забегали. Даже Володя заметил:

— Такой маленький, а все его боятся.

Все боялись Карцева, а он совершенно ясно опасался пластмассового дедушку. Он даже поклонился ему два раза издалека. И один раз на всякий случай Володе.

Тотчас же официантка бросилась к их столику.

— Что будете заказывать?

— Уже ничего, милая. Уже благодарствуем. Разве мороженое для мальчишки.

— Какое будете брать — апельсиновое, шоколадное, клубничное, сливочное, фруктовое, молочное, пломбированное, крем-брюле?

— Вот это, — остановил ее дедушка. — Крем в руле.

Через минуту «крем в руле» был водворен на стол.

— Слушайте, молодой юноша, что я вам растолкую.

— Константин Михайлович, — попросил Володя, — можно, я мороженое съем. Оно меня отвлекает.

— Ради бога! Ради бога! Вы ешьте. Кушайте. Я погожу.

Пока он ест мороженое, можно прочитать главу № 17.

ГЛАВА НОМЕР СЕМНАДЦАТЬ

Необитаемый остров в центре города

Летающая щетка несла комсомольца Залогуюева и инженера Карцева над городом. Они пролетели мимо спящего небоскреба гостиницы для интуриста. (Слава богу, что мимо!)

Их пронесло над широкой трубой карандашной фабрики. Оттуда шел густейший черный дым. Из струи дыма они выбрались как два самых черных трубочиста.

Врезались они в стаю воюющих галок и ворон. И вылетели с карманами, набитыми воронами и галками.

И вдруг их швырнуло на какую-то огромную зеленую поляну.

— Ура! — закричал Карцев. — Да здравствует! Приземлились!

Но радовался он рано. Лужайка была нарисована на крыше какого-то чрезвычайно массивного высокого здания. Именно нарисована для маскировки.

И тогда Карцев понял, что это было за здание. Это и был генеральный

штаб. На крыше стояли зенитки, замаскированные под яблони. Лежали ящики со снарядами, замаскированные под ящики с яблоками.

Все чердачные двери были заперты и опломбированы.

А сами Карцев и Залогоев сильно смахивали на двух негритянских шпионов из Америки. Им даже не очень хотелось кричать и привлекать к себе внимание.

— Все ясно! — сказал Григорий Борисович Карцев. — Это необитаемый остров. Я — Робинзон. А ты — мой Пятница.

Комсомолец Залогоев изучал пломбы и ящики.

— Но если судьба не выкинула сюда несколько бочек с провизией, людоедом буду я, — закончил свою тираду Карцев.

А вокруг закипел город. Ходили маленькие автомобильчики, и в опломбированные бинокли можно было видеть окна всех домов.

В том числе окна гостиницы для иностранных туристов.

Продолжение после того, как Володя съел мороженое

— Итак, слушайте, молодой юноша, что я вам растолкую, — сказал Константин Михайлович... И он растолковал буквально по буквам Володе следующее.

На свете есть созвездие Стожары. Жители этого созвездия несут в мир добро. Их знак «+».

Но в космосе есть Черная Дыра. В ней живут существа со знаком «-». Иногда они вылезают из Дыры, сеют кругом зло, зависть, гордыню, эгоизм.

Если встречаются два космосца... нет, космосчанина... или космича... в общем, если встречаются два жителя космоса с разными знаками, получается грандиозный взрыв. Какой произошел в 1911 году на Тунгусской межкосмической конференции.

Теорию Черной Дыры на Земле разработали два академика — Булкин и Бутылкин.

По-научному теория сводится к одной формуле:

$$Ж = Q^Q.$$

А по-простому формулируется так:

— Добро тянется к добру, а зло к злу.

(Например, противный и вредный человек Карцев собрал в своей гостинице очень вредный обслуживающий персонал. Проще говоря, негодаев. А хороший человек капитан Б. Удинцев (Володин папа) собрал у себя на корабле просто самых замечательных ученых и матросов.)

В задачу созвездия Брошенные Шарики входило оттаскивание Зеленой Юлы, то есть Земли, от Черной Дыры.

Для первых контактов и разъяснений и был на нее брошен пластмассовый дедушка Константин Михайлович.

Володя Удинцев был потрясен.

Маршал получает тряпкой по шее

В этот вечер Карцев-старший — «маршал», с одной стороны, и Карцев-младший — «шеф генерального штаба», с другой стороны, во все глаза следили за пластмассовым дедушкой. Тетипашин муж — в замочную скважину, тетипашин сын — в бинокль (военный, ночной, 120-кратный).

Константин Михайлович не подозревал о слежке. Он был занят важным делом — выходил на связь с родными Стожарами.

Достал коробочку-папку, вынул золотую таблетку, проглотил и стал вырисовывать в пространстве перед собой контуры радио-свето-темнотопередатчика сверхдальней связи.

На голове у него возникли наушники с короткими дырчатыми антеннами, перед ним выстроился пульт настройки со всякими стрелками и лампочками, сбоку постепенно возник из ничего платино-серебряный трансформатор для преобразования электрической энергии в космическую.

«Ну и техника! — думал Карцев-младший, лежа на животе на крыше генерального штаба и глядя в 120-кратный бинокль. — Чистый космос! Фантастика!»

«Ну и бесовщина! — считал Карцев-старший, стоя на четвереньках и глядя на выросшие рога через замочную скважину. — Просто бесовщина какая-то. Нечистая сила!»

Константин Михайлович сосредоточился, включил ручки пульта и стал передавать в космос сигналы. Это был почти свист, почти вой. Звуки понеслись над городом.

«Точно! Космическая связь!» — понял Карцев-младший, инженер, на своей крыше.

«Вот и завыл по-бесовски!» — решил Карцев-старший за своей замочной скважиной.

И в это время сначала в гостинице, а потом во всем городе погас свет.

Вид
снаружи

Когда снова стало светло, можно было подвести итоги. Они были таковы:

1. Трест Горэнерго недосчитался многих тысяч киловатт электроэнергии.

2. В гостинице перегорели все предохранители, и очень многие постояльцы в темноте перепутали свои комнаты. А многие долго сидели в лифтах.

3. Тетипашин муж в темноте надел чужое женское пальто. За что и схлопотал мокрой тряпкой по шее от разгневанной тети Пашни.

4. Константин Михайлович из космоса получил выговор за то, что он до сих пор не отметил на Земле командировку. В Брошенных Шариках дисциплина была строгая.

5. Все телевизоры в районе 10 минут не работали.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ночь, полная решений

В эту темную ночь было принято много важных решений.

Карцев-старший и Карцев-младший по отдельности решили во что бы то ни стало раздобыть эти чертово-космические пилюли.

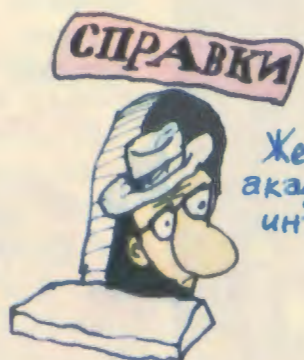
Космический дедушка Константин Михайлович принял решение закончить пребывание на Земле и начать отбывание в холодную родную бесконечность.

Железный человек — председатель горсовета принял решение убедить горсовет закрыть к чертовой матери карандашную фабрику, чтобы она не коптила город и народ. А все грамотное население перевести на авторучки или пишущие машинки.

Такое решение скоро и было принято горсоветом.

Володя Удинцев принял решение готовиться к поездке в Брошенные Шарик. А отсюда вытекло решение усилить занятия математикой. А отсюда еще одно — принять участие в главной городской математической олимпиаде.

А автор этой книги принял решение начать жизнь заново и стать другим человеком. Хватит!

Женщины и шпионы
академиками очень
интересуются

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Где зимуют академики

Константин Михайлович ходил от одного киоска «Горсправки» до другого и «сумлевался»:

— Я так про себя думаю, что я за человек? Всю жизнь протрудился, а толку никакого нет. Особенно здесь, на Земле. До сих пор дружбу не наладил. Командировку не отметил. Про ненавистников из Черной Дыры ничего выведать не сумел.

В первом же киоске он получил адрес композитора Гладкова Геннадия Игоревича. С адресами академиков Булкина и Бутылкина выходила какая-то ерунда. Их категорически не выдавали.

— Ну почему?

— Такая инструкция.

— Дайте мне ее посмотреть, уважаемая.

— Ни в коем случае. Она закрытая. Для сотрудников. Клиентам ее читать нельзя. Можно только соблюдать.

Но дедушка уперся. Он ходил от ларька до ларька и добивался правды.

— Нам не рекомендуют, — ответил пятый пожилой ларек.

— Уважаемый, почему?

— Из-за того, что женщины академиками очень интересуются. И шпионы.

— Какие женщины? Какие шпиёны?

— Женщины наши, а шпионы иностранные.

— Почему? Для чего? Зачем? — сыпал дедушка, как пятилетний малыш на экскурсию.

— Потому что они очень много знают и очень много зарабатывают.

— Я, уважаемый, не шпиён и не женщина, — доказывал Константин Михайлович. — Я, может, просто ихний сродственник.

Интеллигентный пожилой ларек пошелестел бумажкой:

— Про родственников ничего не сказано. Но раз вы родственник, вы и так должны знать адрес.

Константин Михайлович был сражен этим доводом. Он и отошел бормоча: «может, мы потерялись сызмальства», «дескать, нас какая-то сила развела», «а что если, к примеру, нас война разбросала».

Тут человек из ларька закричал вслед:

— Товарищ Булкин! Товарищ Бутылкин!

Дедушка сообразил, что это ему, раз он «сродственник». И вернулся.

— Я вам вот что посоветую.

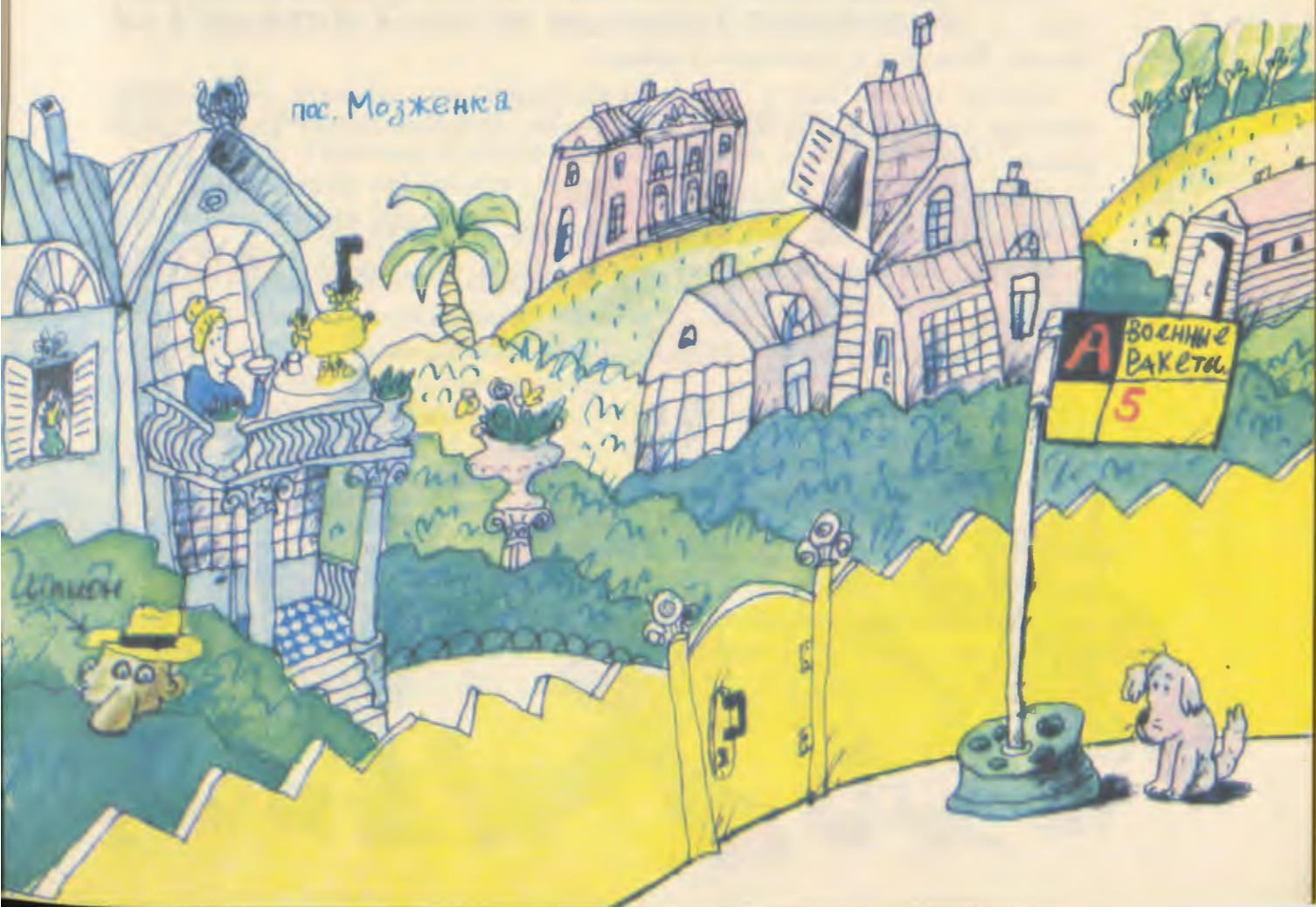
И пенсионный ларек объяснил дедушке. Что все академики, простые и военно-секретные, летом живут за городом. В академическом поселке Мозженка около Звенигорода. Ехать на пятом автобусе от станции Перушково до остановки Военные ракеты.

— Поезжайте туда в субботу или в воскресенье. Обязательно застанете.

— Благодарствую, уважаемый. Чего мне надо заплатить?

— Десять копеек. Потому что адрес областной.

Человек взял у дедушки гривенник и дал бумажку с адресом. Любой шпион иностранной державы дал бы за эту бумажку много иностранных денег. Потому что остановка Военные ракеты наводит на размышления.

Карцев-старший подбирается к...

Пока пластмассовый дедушка доставал адреса лучших людей, начальник над кадрами гостиницы искал человека со стороны для одного очень важного дела.

Товарищ Карцев-старший задумал пробить из подсобного помещения шурф в стенной шкаф Константина Михайловича. Чтобы можно было ночью просунуть в шкаф руку и пошарить по карманам загадочного постояльца. До этого шкафа был метр бетона. Своих звать не следовало. И нужен был человек со стороны.

Он должен был обладать следующими качествами. Первое — быть прекрасным мастером. (Надо разобрать панель. Пробить ход шлямбуром. Не разворотить всю стенку. Заштукатурить края. И снова поставить панели на место.)

Второе. Человек должен плохо соображать. Дело чреватое и странное — дыра в соседний номер и прямо в шкаф?!!! К чему бы это?

Третье. Человек должен дешево стоить. Карцев не любил сорить деньгами. С каждым рублем он расставался как с жизнью. (Или как с любимой. Или как с любимой жизнью.)

Где же можно найти такого необыкновенного человека — хорошего мастера, глупого как пробка и не берущего больших денег? Только среди пьяниц.

И Карцев вышел в поиски на улицу.

«Чем краснее нос, тем нужнее человек!» — считал он.

И надо же! Прямо на него шел с работы сам Иосиф Сергеевич Залогуев.

Сразу было видно, что он умелец. Большой красный нос, возраст и общая доброжелательность в лице.

Старший Карцев ринулся навстречу ему в потоке и взял за руку.

— Кошмар! Наш отель строили югославы. Они забыли в дымоходе две бутылки водки. Рядом. Они дребезжат. Что с ними делать? Разбить кирпичом сверху?

— Нет! — закричал пожилой Залогоев голосом Бориса Годунова из такой же оперы. — Ни в коем случае!

— Но до них почти метр бетона!

— Ну и что? Достанем. Я сейчас за зубилом сбегаю.

И он побежал. А Карцев бросился в магазин. Надо было в шкафу у бесовского постояльца поставить две посуды. Чтобы к ним пробивал микрометрополитен тов. Залогоев-старший.

Карцев решил сэкономить. Поставить две четвертинки.

— А то выпьет литр и отравится. Человека жалеть надо. Даже пьяницу. Человек — это звучит гордо.

А литр стоит дорого!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

К. Геннадий Гладков не любит церемоний

Почему К. Геннадий Гладков? Да потому что композитор.

Так вот К. Геннадий Гладков открыл дверь и увидел дедушку.

— Вы на меня не сердчайте, что я к вам не позвонивши пришел, — сказал Константин Михайлович. — Я давеча хотел ваш телефон узнать, а они не дали.

— Кто они? Враги? — спросил Гладков.

— Нет, эти. Со справочного киоску.

— Ну и бог с ними. Со звонками. Давайте без церемоний. Запросто. Я их не люблю. Вы на гитаре играете?

— Нет. Не доводилось мне.

— А из дерева рубите? Предметы культа?

— Тоже не доводилось.

— Ну и не расстраивайтесь. Чепуха! Я вас научу.

— Может быть, после? — неуверенно сказал дедушка. — Потому что я не просто так пришел. Я ведь с космосу. Приехал познакомиться. Дружбу наладить. У нас созвездие Брошенные Шарика. Понимаете?

— Конечно, понимаю. Что ж тут непонятного? Ну и как у вас там в Шариках, все в порядке? Все здоровы?

- Здоровы. Слава богу.
- А как дела со снабжением?
- Ничего, не жалуемся. Снабжают, Геннадий Игоревич.
- А как у вас с нотами, с песенками? С книжками?
- У нас нет книжек. У нас книжки в таблетках все.
- Дрын-дрын-трень. Это гитара выпала.
- Как долго аккорд держит! До ужина будет звенеть. Ничего, пусть лежит. И что, их в аптеках продают?
- Кого в аптеках продают?
- Таблетки книжные.
- Зачем в аптеках? В магазинах таких таблеточных. Чай не за деньги. Просто бери сколько хошь.
- А что? Это неплохо. Таблетку проглотил и все стихи Пушкина у тебя в животе. Сиди и переваривай «Бориса Годунова», например. Так, что ли?
- Выходит, что так.
- Как аккорд держит! Мы уйдем, а она звенеть останется. А музыка тоже в таблетках?
- Почему в таблетках? Музыка в шариках. В горошинах то ись. Их надо в уши положить.
- Как в уши положить?! — вскричал К. Гладков.
- Просто. Положишь в уши и слушаешь. Эта горошина поет.
- Танцевальная музыка в горошине, я понимаю. Но Бах!
- К. Гладков поднял гитару и взял несколько аккордов:
- Белая гвардия всех сильнее!.. Алгебра в таблетках, ради бога! Геометрия — сколько угодно! Поэзия — с трудом, но понимаю. Но музыка в горошинах!.. Что-то вы, папуля, не дотумкали. Не додумали, проще говоря.
- Вишь, это вы не додумали. Я, уважаемый, вот уже целый день не могу адреса двух людей получить.
- Каких же людей?
- Обнакновенных. Академиков Булкина и Бутылкина.

— Зачем же говорить, что они академики? Надо быть, ненормальным, вы бы еще, папуля, сказали, что они из правительства. Нет, так у нас не пойдет. Так мы к коммунизму не придем.

— А как пойдет? — спросил Константин Михайлович.

— А так. Надо спрашивать адрес двух товарищей — Булкина и Бутылкина. Без титулов. Обычные рядовые граждане. Можно даже через справочное по телефону. Вот, попробуйте.

Дедушка стал набирать номер справочного.

— Что-то фамилии знакомые, — сказал Геннадий Игоревич. — Где-то я встречал эти созвучные имена. Они в футбол не играют?

Пока Константин Михайлович бился с телефоном, Гладков вспоминал — откуда он помнит эти фамилии.

Вскоре выяснилось, что гражданин Булкин живет на улице имени Академика Бутылкина. Дом 15, квартира 3. А гражданин Бутылкин живет на улице имени Академика Булкина. Дом 3, квартира 15.

И еще выяснилось, откуда композитор Гладков знает эти столь удачно сочетающиеся фамилии.

— Вот, смотрите, — он протянул гостю серую бумажку. На ней было напечатано:

«Уважаемый К. Геннадий Игоревич!

К сожалению, не знаем Вашего отчества. Просим Вас принять участие в торжественном заседании в честь закрытия городской олимпиады города. В награждении победителей Вашими пластинками и песнями.

На встрече будут присутствовать академики Булкин и Бутылкин.

Встреча состоится в любое удобное для вас время в четверг в 16.00, в университете.

Исполняющий обязанности ученого секретаря — электрик Василий Васильев».

На билете еще стоял штамп: «На два лица».

— Хотите быть вторым лицом? — спросил Геннадий Игоревич.

— Благодарствую. С охотой посмотрю на молодое поколение города. Они договорились о встрече через четыре дня.

К. Геннадий Гладков пошел провожать пластмассового дедушку до остановки.

— Уважаемый Игоревич, — спрашивал дедушка, — как же мне отметить командировку. Никто не желает отмечать!

— Да, суньте вы ее в этот ящик! И все! — сказал Гладков.

Константин Михайлович сунул бумажку в автомат, пробивающий путевки шоферам автобуса. Автомат клацнул. И на командировке появилось число, месяц, год и точное городское время — 15 часов 49 минут.

Дедушка ахнул и записал это в свой огромный космический опыт.

О Залогуеве-старшем

...Товарищ Залогуев показал себя, как настоящий ударник. Он со страшной силой врубался в югославский бетон. И продвигался вперед миллиметр за миллиметром.

А товарищ Карцев-старший в это время открыл дежурным ключом номер Константина Михайловича и поставил на полку стенового одежного шкафа две «югославские» четвертинки водки.

Скоро товарищ Залогуев пробьется к ним.

И заберет их с собой.

Об Удинцеве В. — мальчике

У него раздался телефонный звонок и пластмассовый дедушка сказал:

— Если вам, к примеру, надо поехать в Звенигород для какого-то дела, как вы поедете?

— До станции Перхушково на электричке, а там на велосипеде. Я там часто бываю, — ответил Володя.

— Мне не больно хорошо ехать одному. Я бы вас попросил поехать туды со мной. Можно это?

— Конечно, — сказал Володя.

Они договорились назавтра встретиться утром на Белорусском вокзале. Оба должны были приехать «туды» на велосипеде.

О Карцеве Григории Борисовиче и Залогуеве-младшем комсомольце

...Григорий Борисович целыми днями наблюдал в бинокль за всем, что происходит. И чуяло его сердце: что что-то важное может пройти мимо, а он так и просидит на засекреченном необитаемом острове, питаясь засекреченными консервами и залетными голубями.

— Загогулин, дорогой ты мой человечек, придумай что-нибудь.

— Давайте в консервные банки

Про академиков Булкина и Бутылкина

...Академик Булкин, исполняющий обязанности ректора университета, и академик Бутылкин, исполняющий обязанности председателя ученого совета, сидели на даче в Мозженке и думали. Ломали головы. (В конце-то концов за это им и деньги платят.) Потому что капитан Удинцев прислал с корабля «Витязь» сведения о неизвестном космическом теле, пролетевшем над океаном с небывалой скоростью в направлении Тихий океан — Перхушково.

записки класть, — придумал комсомолец.

Но высотный сильный ветер подхватывал секретные банки и уносил их далеко за город. К остановке «Военные ракеты».

И там удивленные военные читали:

«Мы сидим на крыше генерального штаба. Снимите нас».

— Кто-то с ума сошел! — думали суровые военные.

Велосипедная поездка пластмассового дедушки

Володя Удинцев в оранжевой майке прикатил вовремя и стал высматривать велосипедного Константина Михайловича. Черная собака Астра была у ноги.

Константин Михайлович пришел велосипедами не охваченный.

— А где же ваш велосипед? — спросил мальчик.

— Вот здесь, — показал Константин Михайлович плоскую коробочку-папку.

Володя подумал, что в этой коробке деньги. А велосипед дедушка купит в магазине на станции. А что? Вполне разумно. И они поехали.

За окном менялись потрясающие сертификатные пейзажи. Иногда и просто валютные. Туристы пели песни и обнимались.

Станция Перхушково приехала очень быстро. Наша спецгруппа в составе двух человек, велосипеда и собаки Астры высыпала на перрон.

— Подождите здесь минутку, — попросил Константин Михайлович. — У меня в лесу секрет схоронен.

Володя с удовольствием уселся на лавке и стал смотреть на солнечный день. Собака Астра мотала по сторонам красным языком. Велосипед бросал во все стороны блики.

Вдруг из леса выскочил потрясенный Константин Михайлович.

— Караул! — кричал он. — Ракету украли.

Володя и Астра пошли на место происшествия.

Велосипед остался сверкать.

— Здесь я ракету свою оставил космическую. И вот чего! — Он показал пустую поляну со строгими табличками:

— Астра, ищи! — приказал Володя.

Астра стала нюхать воздух. Потом подошла к ближайшей березе и громко сказала:

— Бах!

Там стоял потрясающий, коллекционный, как из «Березки», белый гриб.

— Не те! — закричал Володя. — Ищи металл.

Он подобрал с земли какой-то золотой винтик и дал собаке понюхать.

Астра взяла след. Володя и дедушка бросились за ней.

Через километр они остановились около прекрасного летнего особняка на краю поселка. У ворот висела табличка:

Он детского сада с веселым рокотом отходила грузовая машина, с верхом нагруженная ржавыми изделиями и сверкающими почти самолетными деталями. На борту машины висел лозунг:

«ВСЕ НЕНУЖНОЕ НА СЛОМ! СОБЕРЕМ МЕТАЛЛОЛОМ!»

— Вот она, ваша ракета! — сказал Володя Удинцев. — Ее собрали.

— Но как же так! — шептал растерянный Константин Михайлович. — Там были такие сурьезные таблички!

А вокруг кишели веселые ребятята. Они как муравьи тащили из разных мест разные сверкающие предметы.

— Они же маленькие, — сказал Володя. — Они читать не умеют. Им сказали — тащи все блестящее и ржавое. Они и тащат. Хорошо еще, что таблички оставили.

— Благодарствую за это!

Спецгруппа вернулась на станцию. А велосипед, оставленный у скамейки, там уже не сверкал.

— Все ясно! — сказал дедушка. — Собрали!

Володя Удинцев решил, что в этот раз поработали не пионеры. Но разочаровывать космического пришельца не стал.

— Что мы будем делать? — спросил он у дедушки.

— Поедем к академикам, молодой юноша. К ученым.

— А на чем?

— На валасипедах.

— Где же мы их возьмем?

— Сработаем!

И дедушка достал плоскую коробочку-папку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Пятнадцатая армия идет спасать генеральный штаб

Карцев-младший не отрывался от бинокля. И понимал, что давно уже пора вниз на землю.

— Ну, что делать? Отвечай, дорогой ты мой Загогулин!

— Да не Загогулин я, а Залогув, — отвечал комсомолец. — А делать надо вот что. Сейчас мы из этой чертовой щетки смонтируем радиопередатчик.

— Ух, ты! — воскликнул Карцев. — Ну и молодец ты, дорогой мой За... то есть Га... то есть, дорогой ты мой человек!

Именно поэтому в эту ночь с крыши генерального штаба полетели в пространство сигналы: SOS! SOS! SOS!

То есть, в переводе с языка радио на обычный, это значило: СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ! И побыстрее!

Такой сигнал люди подают на море или на суше, когда они попадают в беду. Когда им грозит опасность. И все армейские передатчики, направленные на генеральный штаб, приняли этот сигнал и поняли, что генеральному штабу грозит опасность.

Значит, его хотят захватить враги. И надо немедленно спасти штаб. И как следует вдарить по врагу. (Который то ли прорвался, то ли высадил десант.)

Поэтому пятнадцатая ударная особого назначения армия сняла с аэродрома все свои самолеты и бросила их вперед. Вернее назад. (В данной ситуации трудно понять, что считать «вперед», а что «назад». Поэтому скажем, что от европейской границы армия кинулась к Москве.)

За самолетами помчались танки и мотоциклетные соединения.

Продолжение велосипедной поездки пластмассового дедушки

— Как мы их сработаем? — озабоченно спросил Володя про велосипеды. — Купим?

— Зачем купим? Сработаем.

Константин Михайлович проглотил одну таблетку и загудел. И прямо на глазах изумленного Володи в пространстве стал вырисовываться потрясающий «валасипед».

Он проступал из воздуха, как переводная картинка. И весь был сделан из разных металлов — золотые спицы, черные колеса, белая молочноватая рама и руль.

— А где же насос? — спросил мальчик.

— Он не нужен. Колеса цельносплошные.

Володя был потрясен. А собака Астра сказала: «Бах!». Потому что велосипедный звонок напоминал небольшой белый гриб.

Велосипед весил не больше портфеля.

— А второй? — спросил Володя.

— Счас будет второй. Куды он денется!

И точно. Второй не делся «никуда». И возник рядом. Такой же красавец. Просто как с выставки авиационной техники.

Между прочим с машины, везущей космический металлолом, кое-что исчезло.

— Как это у вас получается?

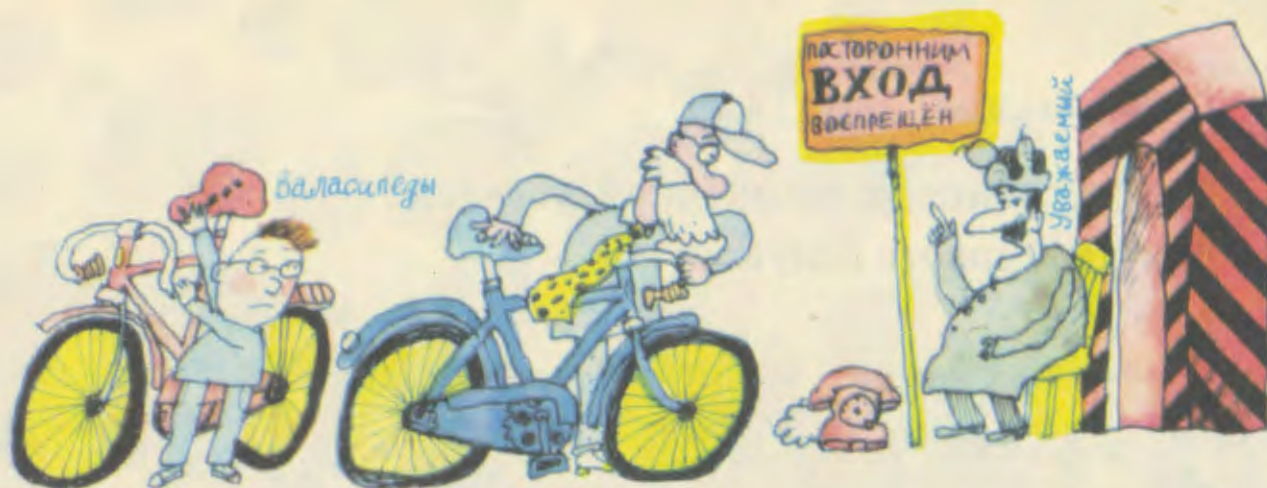
— Эва. Вот эти таблетки, — объяснил пластмассовый дедушка. — Съешь ее и делаешь чево надо.

— Можно я попробую? Я бы сделал себе телескоп, — сказал Володя. — В нашей школе очень слабый. Я бы сделал большой... с фотоприставкой.

— Не выйдет. Ты конечно умственный. Только таблеток мало. Этому еще научиться следоват. Чтобы так вот делать. Покуда выучишься, скоко времени пройдет. Вот ведь, чтобы написать како-то слово, надо сперва грамоту выучить. Так и тутти. Первоначала надо физику знать, алхебру, математику высчую. Вишь скоко. Потом уже и повадно будет, что хошь и делай.

Володя понял эту не слишком «шибко» научно высказанную мысль. И отстал.

Они сели на «валасипеды» и тронулись. (Тронулись в смысле поехали.

Потому что от космических «изделиев» можно ждать, что хошь.) Причем дедушка ни капельки не отставал. Шел и шел за Володи́ей. Километр за километром.

Володя Удинцев, легкий как пружина, не уставал поражаться дедушке. С виду старый, а внутри как новенький.

А «валасипеды» так и цеплялись за дорогу. Легко шли по песку и гравию. И будто бы даже приспособлялись к силе ног. Сами меняли обороты.

Вот и Мозженка. «Поселок академиков Академии Наук СССР». Будка. «Посторонним вход воспрещен».

Под запрещенным входом на стуле сидел старичок в ушанке. Рядом на земле стоял телефон.

— Уважаемый, — обратился к старичку Константин Михайлович. — Мне бы моих сродственников повидать.

— Это каких сродственников?

— Академиков Булкина и Бутылкина, — сказал Володя.

— Пал Андреича и Андрей Палыча, — сказал ушаночный дежурный. — Счас.

Он поскреб по телефону:

— Алле? Шешнадцатый участок? С проходной звонют. Тут Пал Андреича и Андрей Палыча мушщина спрашивает — сродственник.

Пауза.

— Спасибо. Так и передам. — Он повесил трубку. — Они говорят — выехачи. Их прислужница говорит. В Москву собрались по делам. Счас здесь будут.

И верно. Послышался легкий шорох шин. Показалась черная «Волга».

— Это академик Булкин будет? — спросил дедушка.

— Нет. Это его жона поехачи, — ответил сторож.

Показалась вторая «Волга».

— А это академик Бутылкин?

— Нет. Тожи хозяйка поехачи. Жона его.

Следом вылетели легкие белые «Жигули».

— Стало быть, это Булкин? — спросил дедушка.

— Это сынок ихний. Лейтенант военный.

Вылетел еще один белый «жигуль».

— Это, значит, академик Бутылкин?

— Это дочка евонная. Лена. В институте преподает.

И тут раздался жуткий треск мотоцикла.

— А это, стало быть, внук академика Булкина? — спросил дедушка.

— Почему? Это и есть сам академик Булкин. Пал Андреевич. Вона.

И в ворота вынесся человек на мотоцикле, очень похожий на поэта Некрасова. В светлом хорошем костюме с галстуком.

Опять послышался треск. Еще один мотоцикл подступал.

— А это внук академика Бутылкина?

— Почему? Это и есть сам академик Бутылкин, Андрей Палыч.

Вслед за первым вылетел второй мотоциклист. С носом бульбочкой, очень похожий на писателя Тургенева Ивана Сергеевича.

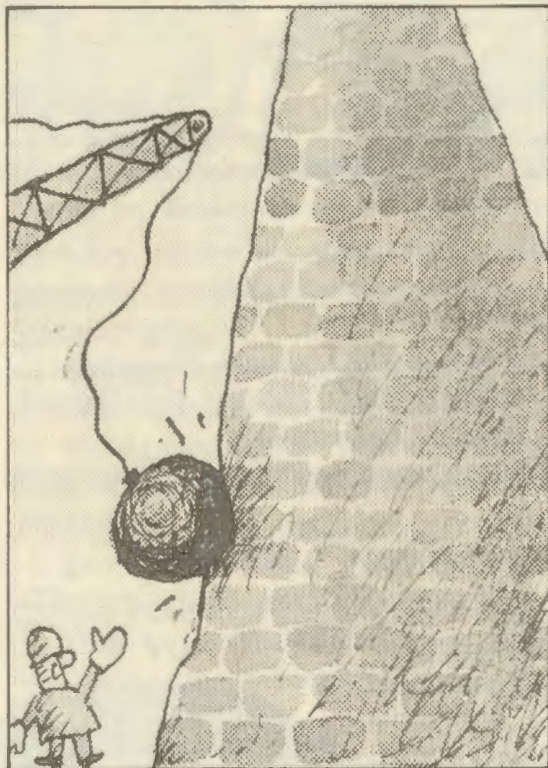
Константин Михайлович и Володя Удинцев ни с чем поехали в сторону дома. Прозевали.

Понемногу обо всех

Внутренняя газета типа последних известий

ВЫПУСК II

О железном человеке — председателе горсовета

Ему доложили, что с карандашной фабрикой дела плохи. Никак она не сносится. Не желает. Особенно труба. Строили фабрику давно и чрезвычайно крепко. Отбойные молотки от нее отпрыгивали, а чугунные бабы разбивались в порошок.

— И вообще, проще построить два новых здания, чем снести одно старое. Это будет лучше всего, — сказал председателю заместитель.

— Будет лучше всего, если мы, наконец, научимся сдерживать свои слова и решения, — ответил железный председатель своему рассыпчатому заместителю. — Фабрика будет сломана, а небо будет чистым.

О том, почему в университете все исполняли обязанности работников, а не были работниками

Однажды университет из одной старой лаборатории сделал спортивный зал.

А тренеры университету не положены. Тогда взяли и двух тренеров оформили исполняющими обязанности лаборантов.

Когда же понадобились лаборанты, их места были заняты. Но были свободны места истопников — дело было летом. И лаборантов взяли как исполняющих истопнические обязанности.

Зимой ушел на пенсию профессор и срочно нашли человека на должность профессора, чтобы он исполнял обязанности истопника.

И вот так, чем дальше в лес, тем больше все запутывалось. В конце концов все перестали понимать кто есть кто. Кто академик, кто истопник, кто плотник и кто какие обязанности исполняет.

Окончание велосипедной поездки пластмассового дедушки

Вечером в вагоне сильно бушевал один пьяный хулиган. Он приставал к женщинам. Ругался. Курил. И клал грязные ноги на противоположную лавку.

— Уважаемый, прекратите буянить! — сказал ему Константин Михайлович.

— Ах ты, древность! Антиквариат! Село! — возмущался пьяный. — Я сейчас тебе начищу. Будешь сверкать. А твоему велосипеду ножки приделаем!

— Ему самое место за решеткой! — сказал Володя.

Константин Михайлович проглотил таблетку и...

И вокруг буяна стала вырисовываться отличная решетка. Крепкая и напоминающая попугайскую клетку.

— Караул! Замуровали! — кричал хулиган, бегая внутри. — Пройти невозможно стало!

Так его в этой клетке и вынесли милиционеры на перрон.

Про Карцева-старшего

В эту ночь пластмассовый дедушка спал крепко. Притомился.

В соседнюю комнату вошел Карцев-старший и просунул руку в бетонную залоговскую дыру. Покрутил кистью в шкафу и вытащил золотую папочку с таблетками.

Высыпал на ладонь три таблетки, закрыл коробочку и сунул ее назад во внутренний карман пиджака пластмассового Константина Михайловича.

Доброметр в шкафу верещал отчаянно. Но после свежего воздуха и велосипедов дедушка ничего не слышал.

Про Карцева-младшего

Он со своей крыши смотрел на интуристовскую гостиницу через специальный бинокль ночного видения.

— Во папаня дает! Хитрый бес. В карман залез! Никуда не денется, а со мной поделится!

Это, наверное, от большой луны его потянуло на большую поэзию. А пятнадцатая армия уже была близко.

Самые толковые дети города

В зале сидело сто человек ребят — победителей городской математической олимпиады. Хотя они были и победители, но шумели и вертелись, как ненормальные. (То есть они шумели, как все нормальные дети. Но когда нормальные дети шумят, про них всегда говорят, что они шумят, как ненормальные.)

Был четверг, 16 часов 00 минут.

На сцене находились представители общественности.

Это были преподаватели, руководители города. Корреспонденты. Композитор Гладков с «папулей». (Константин Михайлович проходил здесь как представитель сельской интеллигенции.) Космонавты. И, конечно, учителя.

Слово предоставили заместителю председателя горсовета.

— Дорогие ребята, математики! Горсовет и Управление торговли совместно с руководством университета приняли решение наградить каждого из вас памятным подарком. Это такой набор. В него входят — линейка математическая пластмассовая с бегунком. Будильник электрический со знаком качества. Набор цветных карандашей с формулами. И самое ценное — телевизор «Юность-707», цветной переносной малогабаритный транзисторный... — Это он произнес по нарастанию, торжественно, как диктор Левитан... В зале поднялся радостный шум на грани ликования. А заместитель продолжал: — Транзисторный учебно-развлекательный... А проще говоря, с дефектом.

Радость несколько затихла.

— Здесь сидит главный инженер завода. Если мы отберем у них сто нормальных телевизоров, они разорятся. А с бракованными у них дела обстоят легче. Их завались... А находить в них неполадки некогда и сложно. Вам же, дорогие будущие ученые, будет и учеба и игра! И знакомство с передовой, самой лучшей в мире радиотехникой.

— Ура! — завопили математики. И побежали хватать столь редкостные наборы. Специально учебно-развлекательные.

Потом сказали космонавты:

— Ребята! Мы вас очень любим. Мы приглашаем вас всех в воскресенье в космический городок. Сюда будут присланы автобусы. Постарайтесь за эти дни не заболеть.

Ребята стали кричать «ура!» как ненормальные. Потом все представители и руководители извинились и ушли. На сцене остались трое: ведущий, сельский дедушка и композитор Геннадий Игоревич Гладков.

Ему и предоставили слово:

— Ну, что, ребята, я не очень огорчен тем, что я здесь увидел. Даже более того, я просто обрадован.

Он взял со стола пачку работ.

— Прямо скажем, ребята математику знают и жутко в ней разбираются. Вот, к примеру, работа Вити Приходова. Это же просто быстрый и решительный Лагранж. А вот задачки, выполненные Юликом Бакировым. Смотрю и вижу — безупречный Коши. Листаю расчеты Мицельского Юрия и вспоминаю неторопливого Гаусса. За страницами Славы Леонова встает аккуратный Лобачевский. За Мариной Давыдовой я ясно вижу Ковалевскую. За Вячеславом Качаловым встает сам Лев Гушин. Короче, здесь есть и собственные Платоны и быстрые разумом Ньютоны.

— Вы так хорошо знаете математику? — спросил Константин Михайлович.

— Понятия о ней не имею.

— А как же вы всех называете? Неясно мне. Всех знаменитых?

— А вон кругом на стенках портреты висят. Я и шпарю. — Он снова обратился к детям: — Все, ребята. Я кончил.

— А пластинки? — спросил ведущий. Это был электрик Васильев, исполняющий обязанности ученого секретаря. — Вы должны награждать ребят. Своими пластинками и песнями.

— Так давайте их скорее. Мои пластинки и песни. Будем награждать. Чего мы зря время теряем?

— А у нас их нет.

— И у меня нет.

— А как же быть? — потускнел секретарь. — Что же делать?

— Да, действительно. Как же быть? — почему-то радостно кричал Гладков. — Что же нам теперь делать?

Секретарь побежал к начальству выяснять. А композитор спросил:

— Вы знаете, ребята, кто это?

— Знаем, — сказал Володя Удинцев. — Это Константин Михайлович. Он из космоса. Из созвездия Стожары.

— А знаете ли вы, темные и отсталые дети, что на Стожарах нет книг, а есть таблетки? Что всю Большую Советскую Энциклопедию можно прочесть, а по-нашему, съесть за обедом?

— Нет! — закричали ребята.

— А что народ там летает на щетках? Слышали?

— Не слышали!!!

— А что в Черной Дыре живут мерзавчики? Подозревали?

— Нет! — бушевали математики.

— Куда мы идем?! — сказал К. Гладков. — Ничего не знают! И так, слово космическому гостю Константину Михайловичу! Просветите их, уважаемый дедушка!

— Молодые юноши! Я прилетел с космосу. Привез вам приветы от своих. Мы хотим жить в дружбе.

Когда дедушка говорил, он вдруг пошел по воздуху вверх. Словно перед ним образовалась легкая невидимая лестница. Он подошел к высокому окну и задернул откуда-то появившуюся штору. Прошел через весь зал над головами ребят к противоположному окну и зашторил его. В зале стало темно. Константин Михайлович включил свои глаза-прожекторы и стал показывать на доске фильм, который показывал Володе Удинцеву.

Вид на Стожары из космоса. Наезд на отдельный материк. На город. Светлый летний квартал. Веселые люди на щетках. Разные дикийвинные звери, птицы, деревья, ягоды, грибы.

В этот раз собака Астра не сказала «Бах!». Потому что она сидела на улице около Володи Удинцева космического велосипеда. Охраняла.

Как только видеолекция кончилась, дедушка сказал:

— Счас я дам вам открытки. Каждому. Их надо собрать. Налепить на стену, что ли. Тогда будет все видать про нас. Но вам придется потрудиться. Много время затратить. Эти открытки не простые. Их еще можно на патефон ставить там или радиолу. Они со звуком.

Дедушка подошел к окну по невидимой лестнице и сказал:

— Усе. Бывайте!

И исчез в окне.

Открытки были непростые. Если их собрать вместе, получилась бы картина школьного городка из Стожар. И очень многое можно узнать по этой картине.

Сложенные вместе, они протянутся и оживут. И спортивный двор, и школьные классы проявятся и выступят цветными из небытия.

И можно будет рассмотреть все от антигравитационных ботинок на

ногах ребят до различных формул, написанных на школьных досках. И, конечно, главную формулу

$$Ж = Q^Q.$$

Этими простыми буквами была записана главная Брошенская теория, смысл которой сводился к тому, что всегда добро тянулось к добру, а зло — к злу.

Отыскался след Константинов Михайловичевский. Не совсем он исчез из университета. Он бросился искать академиков Булкина и Бутылкина.

У входных дверей сидел вахтер — дежурный. С красной повязкой.

— Уважаемый, — обратился к нему дедушка, — где здесь можно найти товарищей-граждан академиков Булкина и Бутылкина?

— Вы у меня не спрашивайте.

— Почему? Вы же здесь дежурите.

— Я не дежурю. Я исполняю обязанности дежурного. Я вообще-то повар. Это моя профессия.

— А настоящий дежурный куда делся? Он где?

— Он никуда не делся. Он за электрика работает. Он сейчас территорию обходит. На столбы лазает.

— А электрик-то где? Почему он сам не обходит? На столбы не лазает?

— Потому... Он тока боится. В электричестве не понимает. Зато он организатор хороший. Его у нас ответственным секретарем зачислили.

— А тот сиклитарь, который настоящий? Его куда дели?

— Его срочно в столовую поставили. Потому что там место было свободное. Он исполняет обязанности повара.

— А где же тот повар? Что с ним? Он заболел никак? Или чего?

— С им ничего. Жив, здоров. Перед вами сидит. Тот повар и есть я.

— Благодарствую, уважаемый.

Железное слово председателя горсовета

Пластмассовый дедушка был счастлив. Все-таки он установил контакт с лучшими людьми города. Оставалось немного. Только рассчитаться с гостиницей, отправить посылку Володе Удинцеву, увидеться с академиком Булкиным и евонным другом академиком Бутылкиным, подобрать себе материал для ракеты и кое-что еще сделать по мелочам...

И все, можно двигать домой. В родные Шарики.

За столом дежурного по этажу сидела строгая женщина. Она немедленно выписала счет за номер. Где было написано:

«Дырка на ковре — ремонт десять рублей. Разбитая раковина — замена — пятнадцать рублей. Испорченный вентилятор — 3 руб.»

— Уважаемая, — сказал Константин Михайлович, — где ж вы видели дырку на ковре?

— Как где? В вашем номере. Вы небось напились и дырку сделали.

— Нет у меня никакой дырки.

— Ишь чего говорит. Нет у него дырки! Пошли посмотрим.

В номере ковер был цел.

— Где же дырка? — спросила растерянная горничная. — У всех была, а у него нет.

— А у меня нет. А у меня все чинно-блинно. До свидания, уважаемая. Благодарствуйте!

В номере действительно все работало. Все было чинно-блинно. От раковины до вентилятора. И это испортило настроение дежурной на несколько долгих дней.

Сам Константин Михайлович отправился на почту и отправил Володе Удинцеву странный подарок — два не самых новых ботинка. Почтовая работница не хотела их принимать. Она кричала, что это позор. Кому такие нужны? И показывала ботинки очереди. Но очередь единогласно решила, что ботинки добрые и что их надо обязательно отправить. Что было сделано.

Потом он кинулся домой к академику Булкину. Ему сказали, что Булкина нет. Уехал к своему другу академику Бутылкину.

Дедушка метнулся туда. Но выяснилось, что Бутылкина нет. Отправился на одноименную с собой улицу к Булкину.

Короче, дело было неясное, и дедушка понял, что не судьба. Надо было вылетать в Шарики.

А двадцать восемь подъемных кранов с чугунными чушками двигались в сторону карандашной фабрики. Ох, достанется ей! Прошел час.

Двадцать восемь подъемных кранов со страшной силой колотили трубу. Но без толку. Им не успевали подвозить чугунные бабы. Потому что труба стояла, а бабы разлетались вдребезги. И никто не решался позвонить председателю горсовета и сказать ему, что его железное слово до сих пор еще не выполнено.

— Сердечные, что это вы делаете? — спросил дедушка.

— Трубу рушим.

— И как рушится?

— Да никак не рушится. Сорок чушек разбили.

— А ну, дайте я встряну!

— Как встряну? Как встряну? Туда нельзя! — закричал крановщик.

— Отойди, милой! — сурово сказал дедушка. И пошел к основанию трубы.

Крановщик включил сирену.

Константин Михайлович зашел внутрь через низкую дверку и проглотил таблетку. Трубу стало шатать и гнуть в разные стороны. А в радиомагазинах в округе стали на глазах изумленных продавцов исчезать конденсаторы, триоды, пентоды, выпрямители, усилители, генераторы высокой и низкой частоты и всякая прочая радиорадость.

Труба изменялась с каждой проглоченной таблеткой и с каждой секундой все больше. Дедушка аж покраснел от напряжения.

Но что-то не взлеталось Константину Михайловичу. Не хватало энергии. Не было еще пары таблеток для взлета.

Тем временем один из двадцати восьми подъемных кранов озверел, тоже включил сирену и пошел на трубу в психическую атаку.

— Уууу, — выла сирена.

— Аааа, — кричал машинист.

Непонятно как, но он раскрутил ядро вокруг крана и что было сил шлепнул трубу.

И тут она поднялась. И к удивлению всех окружающих, медленно ринулась в воздух.

В чистое космическое небо.

Ядро психического крановщика сообщило ей недостающую энергию. Не стало карандашной трубы. Межгалактическая ракета уходила вдаль на наших глазах.

Железное слово железного председателя было выполнено. Все было чинно-блинно.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Карцева-младшего снимают с крыши, а Володя Удинцев получает по почте антигравитационные ботинки

В заглавии этой главы собственно все и написано. Только добавлю, что то и другое произошло тихо и скромно. Надо еще добавить, что Володя Удинцев был счастлив, а Карцев-младший не очень.

И еще.

Володя Удинцев понял, откуда взялись ботинки-скороходы в русских народных сказках. И как они работают.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Таблетки в семье Карцевых

— Ну-с, папочка, — сказал Григорий Борисович, когда вернулся домой из-под расследования, — давай их сюда.

— Кого их? Куда сюда? — завращал белесыми глазами Карцев-старший.

— Космические таблетки, папочка. Из шкафа на шестнадцатом этаже.

— Не дам. Нос не дорос.

— Да я из тебя, дорогой ты мой человечек, душу вытрясу. Вместе с таблетками.

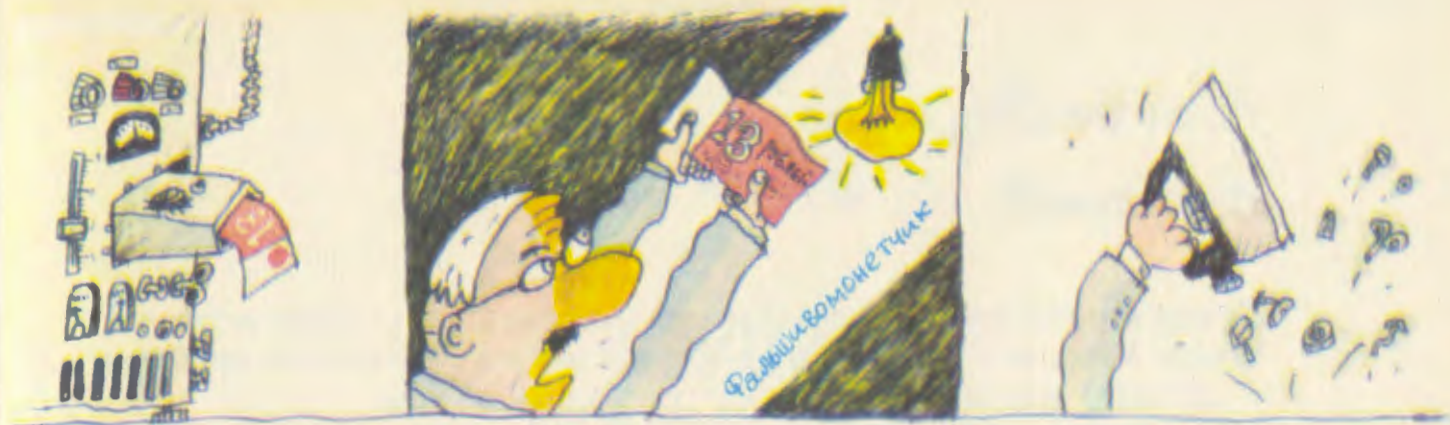
Дорогой человечек понял, что это будет сделано. Он быстро схватил из кармана валидольную капсулу и проглотил одну золотую пилюлю. Карцев-младший схватил вторую. И каждый задумался о своем.

Карцев-старший мысленно стал конструировать машину для печатания денег. Карцев-младший стал конструировать свою карьеру. Свои успехи по служебной линии.

Но, как уже говорилось, мало проглотить таблетки. Наглотаться таблеток каждый может. Надо было еще уметь конструировать.

У Карцева-старшего выросал посреди комнаты блестящий металлически-пластмассовый аппарат. Кривобокий и хромоу. Но хромированный. Вот он готов. Впереди яркая красная кнопка. Так и просит: «Нажмите меня!».

И нажал Карцев на нее. Затрещал аппарат. И вот она в руках конструктора, долгожданная тринадцатирублевая бумажка. Она выскочила легко и просто, как билетик из загородного автомата.

Увидев цифру, Карцев позеленел. А когда он увидел портрет на этой денежной единице, он покрылся изморозью. Портрет был его — Карцева.

— Кто же это я получаюсь? — спросил он сам у себя. И сам же себе ответил: — Я получаюсь фальшивомонетчиком.

И еще он спросил сам себя:

— Чем же мне это грозит? — И сам же себе ответил: — Тюремным заключением на очень долгие годы. Вплоть до расстрела.

Он взял утюг и стал превращать фальшивомонетную машину в утиль.

Карцев-младший, Григорий Борисович, размечтался о должностях, кабинетах и правительственных автомобилях. И стали вырастать на разных столах и подоконниках необычные телефонные спецаппараты. И синие, и белые, и зеленые, и красные, и хромированные. И стали они звонить и разными голосами приглашать на совещания в самые важные места: в Верховный Совет, в Политбюро, горono и даже в райжилкомиссию.

И еще голоса задавали срочные и чрезвычайно опасные вопросы:

— Григорий Борисович, как быть? Америка настаивает на том, чтобы мы уменьшили военную мощь. Что будем уменьшать?

Или:

— Григорий Борисович, есть мнение, что надо всю пшеницу в стране заменить сахарной свеклой. А в средней полосе выращивать верблюдов. Какие будут указания?

Младший Карцев перепугался. Отнял у отца утюг и тоже занялся избиением ни в чем не повинной техники.

И тут вошла метрополитеновская тетя Паша. И стало ей плохо. Она увидела валидолную трубочку и сунула таблетку под язык, чтобы сердце не остановилось. И стала думать: «Как же я это все уберу? Господи боже, помоги мне!».

И ее вдохновение, озарение и многолетняя мечта осуществилась. В комнате возник блестящий робот с веником и пылесосом. Он посмотрел вокруг и сказал усталым голосом:

— Бога нет, мамаша. Но мы вам поможем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Финальная

Гитара композитора Гладкова Геннадия Игоревича очень хорошо держала аккорд. Когда он в это утро вернулся домой, она все еще тихонько звенела.

Люди в городе спали. И все улыбались во сне.

Все было чинно-блинно!

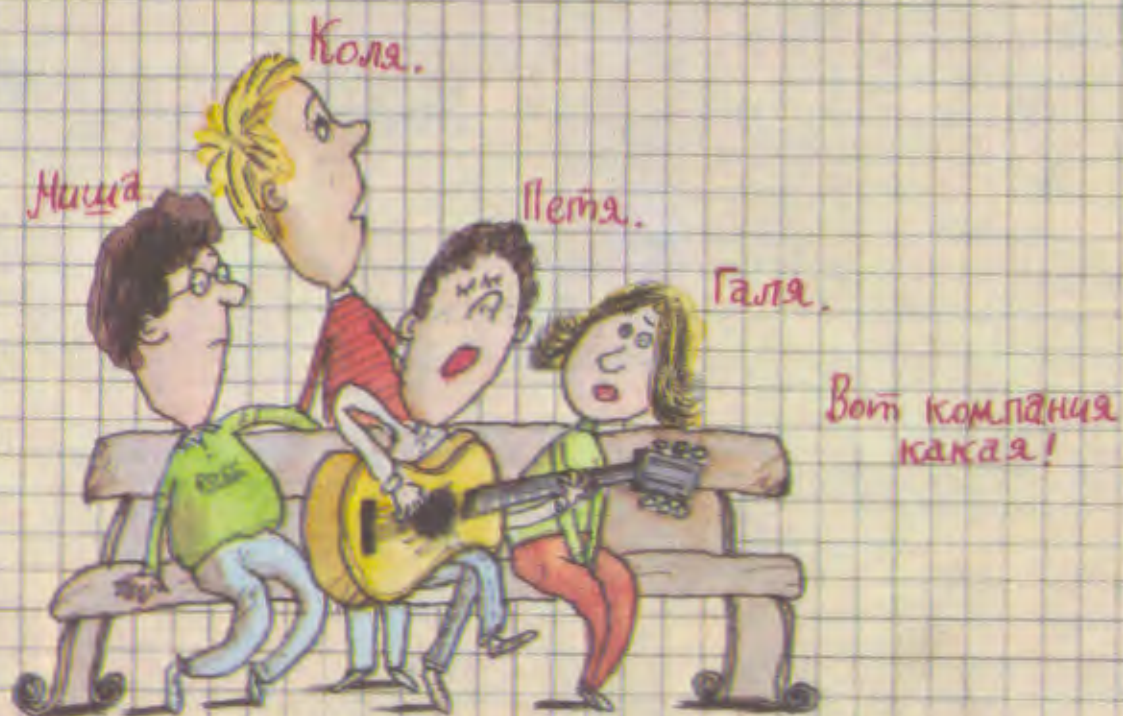
Хорошо!

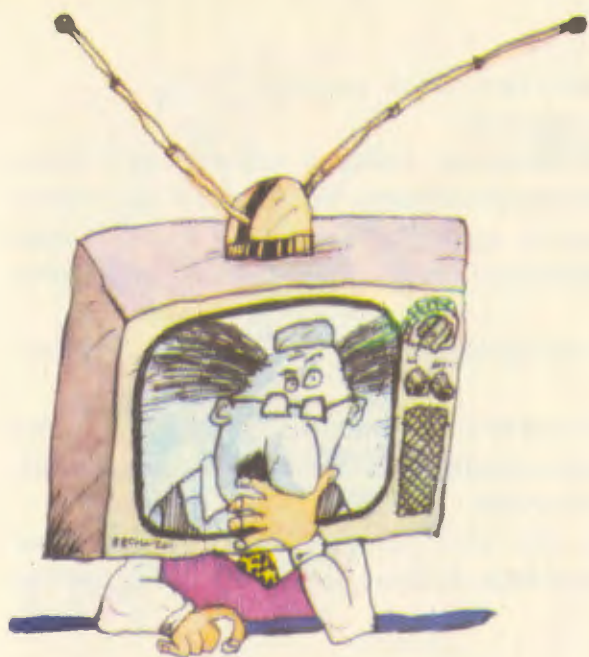

ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА ЧАЙНИКОВА

Художники
Николай Воронцов
и профессор Чайников

ВСТУПЛЕНИЕ

Кто, кто в телевизоре живет?

Каждый, кто хоть раз включал телевизор в веселые перестроечные годы, знает профессора Чайникова. Он — крупный научный специалист.

Любую свою новую лекцию он начинает радостно и очень убежденно:

— Дорогие друзья! Сегодня я расскажу вам о том, о чем вы все давно хотите узнать — **О ПРОИЗВОДСТВЕ ШИФЕРА В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ.**

Он как никто другой в мире знает интересы непростых **ПРОСТЫХ** советских телезрителей.

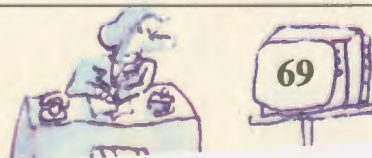
— Дорогие мои, все вы обожаете котлеты с капустной начинкой. А знаете ли вы, сколько тонн йода и железа содержится в одной тонне необработанной моркови? Этот вопрос, безусловно, вас сильно волнует и занимает. И сегодня мы на него непременно ответим. Приготовьте карандаши, весы и таблицу Менделеева... Мы начинаем!

Никто и никогда в Центральном телевидении не знает, чем сегодня будет заниматься профессор Чайников.

— Милые мои товарищи телевизоры! Каждый из вас давно уже хочет разобраться в устройстве холодильника. Сегодня мы этим займемся: мы разберем холодильник на составные части.

И вся страна под руководством профессора изготавливает шифер, разбирает холодильники и производит чернила домашним способом.

А через некоторое время он снова на экране. Отвечает на настойчивые вопросы телезрителей — что можно полезного сделать из монолита твердого бетона, как сохранить продукты в жаркое время без охлаждающих устройств и чем отмывать от чернил детей, принимавших активное участие в их домашнем изготовлении.

Однажды профессор Чайников получил такое письмо:

«Уважаемый товарищ ученый профессор!

Моя пятилетняя дочка Милочка, которой недавно исполнилось пять лет, часто спрашивает: „Если телевизор разобрать, человечки у нас останутся?“ По правде говоря, этот вопрос глубоко волнует не только мою дочку, но и меня саму, и весь наш районный отдел народного образования одного из районов г. Москвы.

Начальник сектора контрольных по арифметике — старший педагог-воспитатель Каблукова М. Ф.»

Как только профессор Чайников получил это письмо, он сразу принял решение начать на Центральном телевидении цикл лекций о радиоволнах, радиоприемных устройствах и электронике.

Он сразу и бесповоротно понял, что этот цикл нужен телезрителям как воздух. И что без него Центральное телевидение (в дальнейшем просто ЦТ) просто погибнет.

Как распространяется звук и кто ему мешает распространяться

— Дорогая Милочка! Дорогая М. Ф. Каблукова! Дорогие все остальные товарищи телевизоры! То есть телезрители! Вы думаете, что вы живете в пустом пространстве. Что между вами и, допустим, окном ничего нет. Ан, нет! Между вами и, допустим, окном, между Милочкой Каблуковой и ее Каблуковой мамой есть воздух. Что же такое есть воздух? Воздух — это такая жидкая вода... То есть такая разбавленная вода, что ее почти не видно... Нет, все не так... Вы когда-нибудь видели чайник?... Видели. Ну слава богу! Так вот, сначала в чайнике есть вода. Потом она кипит и превращается в пар. То есть была вода, а потом ее нет... Нет, то есть она есть, но она уже не вода, она уже пар. Так вот, воздух этот тоже такой пар, только совсем прозрачный. Он повсюду вокруг нас летает. Например, в виде сквозняка, бури, урагана, то есть в виде ветра. Ветер — это воздух, бегущий нам в лицо... Возьмите в руки любой учебник. Лучше всего учебник физики. И помахайте... то есть помажите... нет, помажите им около себя. Вы почувствуете легкое сопротивление воздуха. Помажите около своего лица, и вы почувствуете его слабый поток. А давайте мы сделаем так...

Профессор забежал по студии... В это время все телезрители, которые как загипнотизированные слушали его лекцию, на некоторое время отлипли от экранов.

Профессор побегал, побегал, поискал вокруг себя и нашел чьи-то сигареты.

— ...Давайте закурим и пустим дым... Правда, курение очень вредно. И те из вас, кто не привык курить, могут задохнуться и не дожить до

конца лекции. Но для всех остальных пускание дыма будет полезным. Потому что дым откроет им глаза. Он своим никотином подкрасит воздух, и воздух станет видимым и понятным... Так, я пускаю дым... Вам теперь видно, что меня почти не видно... Это дым плавает в воздухе... хе... хе... кхе... кхе...

Профессор дико закашлялся и объявил:

— Перекур... то есть перекашль... то есть перерыв на пять минут.

Ровно пять минут экран был небесно синим и оттуда доносился художественный кашель профессора. Постепенно кашель перешел в продолжение лекции:

— Уважаемые охотники за знаниями, теперь вы окончательно поняли, что такое воздух. И особенно, что такое свежий воздух. Переходим к следующему понятию — звук. Итак З-В-У-К! Вы готовы переходить?

Судя по всему страна была готова. Потому что профессор решительно начал:

— Давайте мы все как один покричим «А-А-А!». Покричали? Очень мило. Когда мы с вами кричим, у нас в горле колеблется гортань. Она толкает воздух, то есть его отдельные частицы. Они толкают другие частицы, и эта толкотня летит по воздуху от одного человека к другому. Залетает к нему в уши и толкает барабанные перепонки. Они начинают колебаться и передают в голову сигналы. Так мы услышали и поняли, что нам кричат или говорят.

Профессор посмотрел пронизывающим взглядом на всю страну и продолжал:

— Вы когда-нибудь бросали в пруд старые ботинки?.. А? А консервные банки?..

Страна молчала.

— Никогда не следует этого делать. Но если вы бросите в воду, например, корочку хлеба для рыбок, вы увидите круги, которые расходятся от центра падения.

Вдруг профессор Чайников закричал:

— Ба! Да у нас рядом с Центральным телевидением есть Останкинский пруд. Немедленно все туда — будем бросать!!!

Он открыл тяжелую дверь телестудии и побежал вниз по лестнице. И все осветители со своей аппаратурой, все операторы с камерами сломя голову помчались за ним, хотя еще секунду назад никто из них никуда бежать не собирался. Вот как умел увлечь народ знаменитый профессор!

Лестница была крутая, и один оператор с телекамерой полетел вниз через шесть ступенек и налетел на осветителя с фонарем. Осветитель был с одним фонарем, а стал с двумя фонарями.

Хорошо, что он не стал давать сдачи своим осветительным прибором,

а то бы количество фонарей здорово увеличилось. А это ни к чему, потому что на дворе стоял ясный день.

Вся телебригада подбежала к Останкинскому пруду, и профессор Чайников стал бросать в воду корочки хлеба. Он бросил вверх одну корку и закричал:

— Смотрите, какие сейчас будут круги!

Но кругов не было, потому что корку в воздухе подхватила чайка и корки кончились. Профессор Чайников послал в буфет молодого редактора — Марину Рубинову купить еще пять корочек. Она прибежала через пять минут и сказала:

— Корки кончились, есть только пирожные. Я купила пять штук.

— Давайте! — яростно закричал Чайников. Ему позарез нужны были круги. Он стал кидать в воду пирожные.

Но чайки еще больше обрадовались. Их налетело столько, что никаких пирожных не хватит.

Профессор еще больше рассердился. Он снял ботинок и бросил в чаек ботинком. Ботинок чайки перехватывать не стали, и он спокойно шлепнулся в воду. От него пошли долгожданные круги. Но профессор забыл о кругах. Он сердился на чаек:

— Вот я вам, бестолковые птицы! Безмозглые летающие существа! Всю лекцию мне сорвали!

Он кинул в них второй ботинок. А среди бестолковых чаек летала одна бестолковая ворона. Она подхватила второй ботинок и стала летать, брезгливо держа его в клюве.

— Отдай! — кричал кипящий профессор. — Отдай. Я тебе сейчас!

Ворона полетела на самый центр пруда и там бросила ботинок в воду. От него пошли ровные круги, и все поняли, что хотел сказать профессор про звуковые волны.

На этом первая лекция профессора Чайникова о звуковых волнах закончилась.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

С какой скоростью летит звук и куда

Кажется, лекции профессора Чайникова заинтересовали народ. Потому что на другой день о летающих пирожных и звуковых ботинках говорило пол-Москвы. И у экранов на следующий раз собралось уже вдвое больше «товарищей телевизоров».

Профессор Чайников появился в телестудии в тапочках, но как всегда в галстуке и в беспуговичной жилетке. Он сказал:

— Напомню вам содержание предыдущей лекции. Пространство вокруг нас наполнено молекулами воздуха. То есть такими невидимыми частицами. Когда мы кричим «А-А-А!», или «У-У-У!», или «ТЫ ЧТО?!», частицы толкают друг друга, и звук бежит во все стороны, как круги по воде. Вам всем понятно, дорогие мои добыватели знаний?

Тут на столе у профессора запрыгал телефон. Это звонил один из добывателей:

— Товарищ Кофейников, а с какой скоростью распространяется звук во все стороны, когда мы кричим «А-А-А!», «У-У-У!» или «ТЫ ЧТО?!».

Профессор Чайников очень обрадовался:

— Это очень интересный вопрос! Видно, что моя лекция будоражит и тревожит умы, заставляет людей мыслить и думать. Отвечаю. Звук распространяется в воздухе со скоростью 330 метров в секунду.

Если в начале лекции профессор был несколько закован из-за тапочек, то сейчас он разогрелся окончательно.

— Друзья, распахните свое воображение. Представьте себе, что я стою на одном берегу великой русской реки Волги, а моя бабушка Серафима Евлампиевна — на другом. Ширина Волги в этом месте 990 м. То есть

почти километр. Я кричу: «Бабушка! Плыви ко мне!». Мой крик достигает бабушки за три секунды, и она ко мне плывет. Через пятнадцать минут она у меня. Вам ясно?

Снова зазвонил телефон. Это был все тот же добыватель знаний. Он сказал всего лишь два слова: «Не верю». Но от этих двух слов профессор Чайников немедленно вскипел:

— Некоторые сомневаются. Эх! Фомы Неверующие! Значит, проведем эксперимент. Докажем им все это опытным путем. Волги у нас под рукой нет, но есть Останкинский пруд. Ширина у него такая же, как у Волги, 990 метров. Ассистенты, вперед!

Профессор Чайников, как и в прошлый раз, не теряя ни секунды, с места в рысь помчался к Останкинскому пруду.

Режиссеры с пультами, операторы с камерами, звукооператоры с микрофонами, осветители с фонарями и молодая редактор Марина Рубинова полетели следом.

Им некогда было собираться и укладываться, поэтому они на каждом шагу путались в проводах и аппаратах, налетая друг на друга.

По дороге, как и в прошлый раз, осветитель с фонарем скатился с лестницы и стал осветителем без фонаря. Зато звукооператор с микрофоном был без фонаря, а стал с микрофоном и с фонарем. Жалко, что на улице было светло и фонари не понадобились.

Профессор Чайников встал на одном берегу пруда, а молодую Марину Рубинову послал на другой берег:

— Я взмахну рукой и закричу «А-А-А!». Как только вы увидите мое махание... то есть машение... то есть как только вы увидите мой взмах, сразу пускайте вот этот старинный секундомер. А как только до вас долетит «А-А-А!», остановите секундомер. Вы увидите, что «А-А-А!» будет лететь до вас ровно три секунды. И те, которые не верят, сразу поверят.

Молодая Марина Рубинова побежала на тот берег. Когда она прибежала, опустился легкий туманчик, и ее не стало видно. А ей не стало видно профессора Чайникова и его взмахи. Поэтому Марина побежала обратно.

— Ничего не получается, товарищ профессор. Вас совсем не видно. Придется отменять.

Марина Рубинова была молодая и совсем неопытная. Она плохо знала профессора Чайникова. Если бы она была немолодая и опытная, она бы прекрасно знала, что профессор Чайников никогда и ничего не отменяет. Он спросил:

— А эту церковь видно?

— Видно, самый купол, — ответила Марина.

— Значит я не буду махать руками, а подброшу вверх какой-нибудь

предмет. В этот же момент я закричу «А-А-А!». Как только вы увидите предмет, сразу включайте секундомер. Как только услышите «А-А-А!», сразу же выключайте.

Молодая Марина снова побежала на противоположный берег.

Профессор Чайников подождал пока она прибежит, потом стал бросать вверх... А бросать-то было нечего. Кругом одна чистота.

Тогда он снял с ноги тапочек и что было сил бросил его вверх. При этом он вопил «А-А-А!».

Молодая Марина Рубинова в этот раз не прибежала, в этот раз она приехала на троллейбусе.

— Ну что? — спросил Чайников. — Получилось?

— Не совсем, — сказала Марина. — Тапочек видно, а «А-А-А!» не слышно.

— Это туман, — сказал профессор. — Он поглощает звук. Надо для звука найти что-нибудь посильнее. Будем стрелять.

— Из чего? — спросили ассистенты, режиссеры, операторы с телекамерами и молодая Марина Рубинова.

— Из милиционера!

Участники передачи бросились искать милиционера и скоро нашли. Но он стрелять отказался:

— У меня все патроны на учете. Я за них расписываюсь. Если я стреляю, я должен предъявить того, в кого стрелял. Давайте мне закоренелого преступника. Который вооружен и очень опасен.

— А мы скажем, что вы стреляли в закоренелого преступника и промахнулись, — предложила Марина Рубинова.

— Здравствуйте, — возразил милиционер. — Это еще хуже. Я же разрядник по стрельбе. У меня же разряд отберут.

— Будем отменять! — сказала молодая Марина, которая, как мы уже говорили, мало работала с профессором Чайниковым.

— Ни за что! — гордо воскликнул Чайников. — «Клуб кинопутешествий» нам поможет.

— Как он нам поможет?

— Очень просто. Сейчас у них передача идет про дикие джунгли и тигров-людоедов и выступает знаменитый охотник Вальдепарис Магедман. Зовите его сюда немедленно вместе с его ружьем.

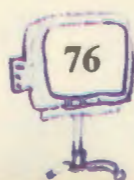
Молодая Марина Рубинова побежала в «Клуб кинопутешествий» и скоро вернулась вместе со знаменитым охотником и его ружьем.

Охотник плохо понимал по-русски. Но звукооператор, который плохо понимал по-испански, ему объяснил:

— Профессор бросит тапочек, а вы будете стрелять.

— Полфессор? Половина?

Милиционер

1. Профессор Чайников

Бабушка!
Плыви
ко мне!

3. Бабушка

Серафима
Евламиевна

Сейчас!

2. Коза

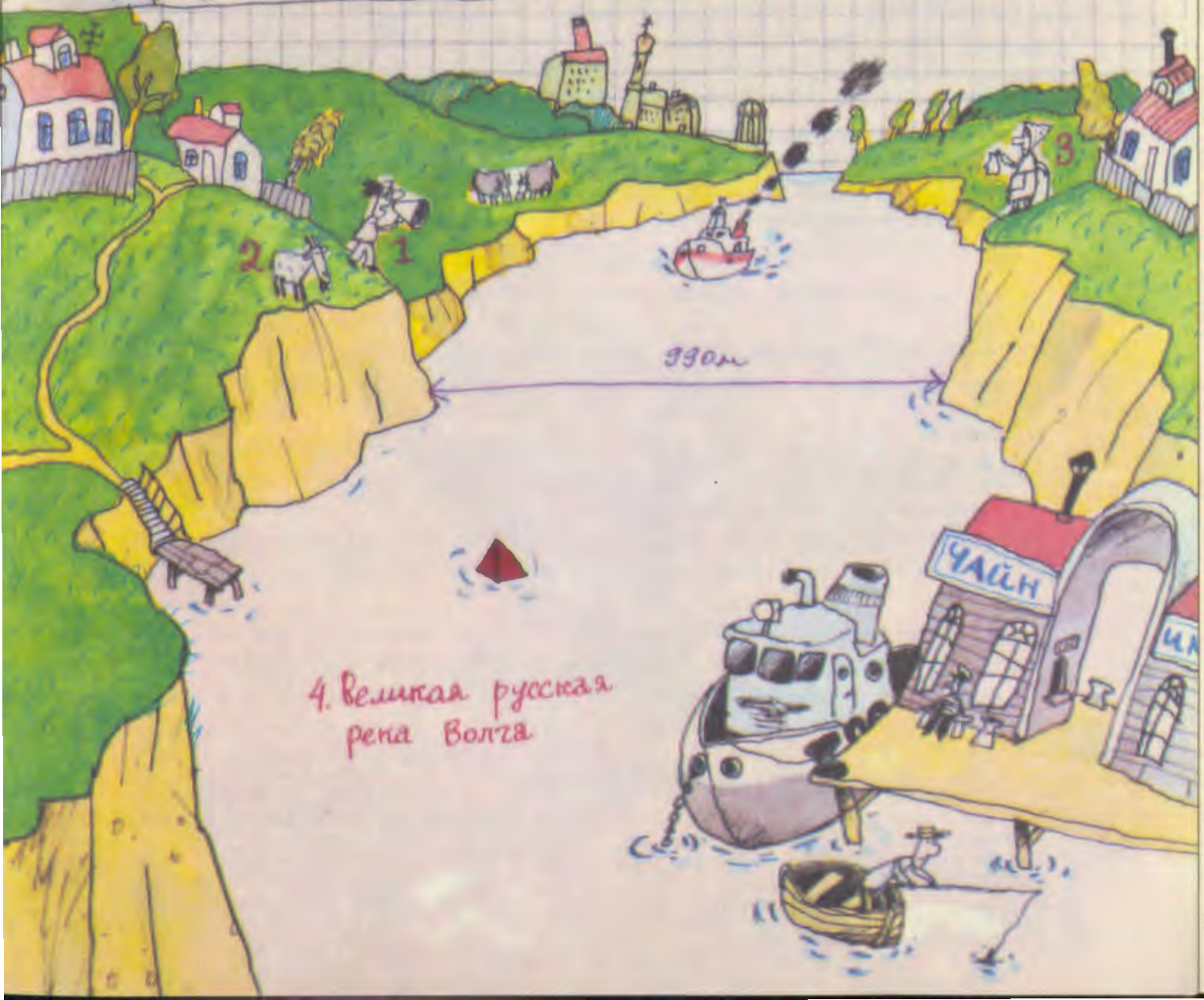

Бееее!

$$V = 330 \text{ м/с}$$

$$S = 990 \text{ м}$$

$$t = \frac{S}{V} = \frac{990}{330} = 3 \text{ с}$$

4. Великая русская
река Волга

— Нет, нет, целый профессор. Он бросает тапочек вверх, а вы ба-бах по рукам!

— По рукам?! — поразился знаменитый Магедман.

— В небо!

Знаменитый Вальдепарис все понял и встал с ружьем наизготовку. Марина Рубинова поехала на тот берег.

Когда она приехала, туман рассеялся. Но профессор Чайников ничего отменять не стал. Он закричал «А-А-А!!!» и бросил вверх тапочек.

Знаменитый охотник тоже закричал «А-А-А!!!» и как саданул в тапочек из двух стволов. Тапочек разлетелся в пух и шнурочки.

— Получилось! Получилось! — запрыгал на одной ноге профессор Чайников.

И все радостные пошли обратно в студию. Кое-кто шел, а кое-кто спортивно прыгал на одной ноге.

Когда пришли в студию, всем телезрителям показали секундомер из рук Марины Рубиновой. На нем было отсчитано ровно три секунды.

Снова зазвонил телефон.

— Теперь верите? — спросил профессор того самого Фому Неверующего, который заварил всю эту кашу своим недоверием.

— Не верю.

— Как не верите? — растерялся профессор. — Мы же вам доказали.

— Я не тому не верю, что вы доказывали. Я не верю, что ваша бабушка переплывала Волгу!

— Продолжение следует! — строго сказал на это профессор Чайников.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Электричество: кошковое, розеточное и в батарейках

На следующий день профессор Чайников пришел в студию в валенках. Но дух его не был сломен.

— В прошлую лекцию о звуке мы говорили о моей бабушке. И нашлись отдельные Фомы Неверующие, которые засомневались, может ли моя бабушка переплыть Волгу. Сейчас я научно посрамлю этих Фомов... то есть Фом. Смотрите!

Он достал из-за пазухи большую смутную фотографию и показал ее в экран. Телекамера стала бродить среди неявных пейзажей, людей и строений. А Чайников давал пояснения:

— Это Волга под Казанью. Это наше село Чайниково. Это берег. Пожилая женщина средних лет с ведром на берегу — это моя бабушка. Всем видно?

Всем почти ничего не было видно.

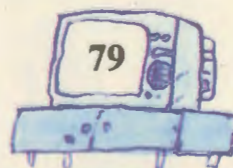
— Мальчик на противоположном берегу с козой — это я. Коза кричит «БЕЕЕЕ!!». Я кричу «ААААА!!». Моя бабушка кричит: «СЕЙЧАС!» и плывет. Она плывет в лодке доить козу. Вот так-то вот. Но вернемся к науке.

Профессор победно сел в кресло, заложил валенок за валенок и важно продолжил:

— Сегодня я расскажу вам, что такое электричество. Электричество обычно находится в розетках на стене, в батарейках для фонарей и даже в кошках. Если кошку ночью потереть тряпочкой, лучше всего шерстяной, из нее посыпятся искры.

Он прошелся по аудитории взад и вперед.

— Кошка у меня с собой есть. Тряпочку мы найдем. Сейчас мы

проведем с вами научный эксперимент. Мариночка, погасите, пожалуйста, свет.

Молодая Марина Рубинова нашла в углу телестудии рубильник и отключила его. Свет моментально погас. Профессор торжественно объявил:

— Начинаем эксперимент по получению кошкового электричества! Я беру мой портфель, запускаю в него руку и достаю... ой что это? Кажется, это женский лифчик и спицы. Кто-то мне подложил.

— Это мой портфель! — сказала в темноте Марина Рубинова. — Там полусвязанный купальник и клубок.

— Но почему он шерстяной?

— Это купальник для зимнего плавания, — сказала Марина в темноте и покраснела. — Я — морж.

— Вот и хорошо! — сказал профессор Чайников. — Сейчас мы найдем мой портфель, возьмем мою кошку и потрем ее вашим купальником. И будут такие искры!

Он пошелестел в темноте разными предметами и продолжил лекцию:

— Мурка, не царапайся! Дорогие товарищи, вы видите у меня в руке кошку. Нет, вы ничего не видите, потому что темно. Я беру в другую руку шерстяной купальник и начинаю тереть кошку купальником.

Все учел профессор Чайников, но не учел одного. Что шерстяной купальник был связан из шерсти собаки Громобой породы колли — любимой собаки Марины Рубиновой. Как только кошку начали тереть собачьей шерстью, началось такое! Она бросилась вверх, зацепилась за высоковольтные провода, попадали осветительные приборы на высоких стойках, посыпались искры... Началась чистой воды электросварка.

— Вот видите! — кричал профессор. — Видите! Получилось. Сколько искр! Даже я, известный физик, не ожидал такого. Как жаль, что прогорели мои валенки. Все, — закричал он ассистентам. — Прекращайте эксперимент. Продолжаем лекцию.

Но прекратить эксперимент удалось только с помощью пожарных. Никто не приносил так много убытков Центральному телевидению, как профессор Чайников. Может быть, за это его больше всего любили телезрители. Выступления профессора всегда были полны сюрпризов.

Пожарные из огнетушителей залили искры, и лекция пошла дальше.

— Кошковое электричество вы видели. Теперь о розеточном. Если взять две спицы из клубка Марины Рубиновой и вставить их в розетку...

Моментально зазвонил телефон. Это был завхозный директор Центрального телевидения тов. Клубникин. Он сказал:

— Дорогой профессор, переходите сразу к электричеству в батарейках. Не надо брать спицы. Может случиться несчастный случай. И не спорьте со мной. Это приказ.

Гофариш,
Клубникин

Профессор Чайников сказал телезрителям:

— Не дают работать! Нас очень вежливо, в форме приказа, просят положить на место эти самые спицы. Потому что может быть несчастный случай. Можно уколаться — тоже мне опасность! Ладно, не будем терять время на споры с руководством, переходим сразу к электричеству в батарейках. Товарищи ассистенты, продемонстрируйте, пожалуйста, батарейку.

Тотчас же двое здоровых рабочих сцены внесли в студию небольшую батарею парового отопления.

— Не то! — закричал профессор. — Не то! Марина Петровна, в чем дело?

— Небольшая ошибка, — сказала Марина. — Непереводимая игра слов. Исправляем.

Она порылась в своем портфеле с клубками и купальниками и подала профессору плоскую батарейку от фонаря и маленькую лампочку.

— Уважаемые люди-зрители! — важно произнес профессор. — Эта батарейка наполнена электричеством точно так же, как та батарея, которую внесли вначале, наполнена водой. И точно так же, как вода с высоты льется вниз, электричество течет от минуса к плюсу. Сейчас я сделаю чертеж.

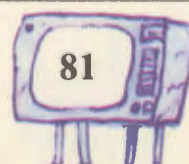
Он взял мел, подошел к длинной движущейся доске, вделанной в стену, и сделал такой кривоватый рисунок.

— Электрические заряды бегут от минуса к плюсу как угорелые. Бегут они по металлическим проводникам, как вода по трубам. И если на пути возникает электрическая лампочка с узеньким волоском, они в этом волоске устраивают такое трение, что он раскаляется и светит.

Профессор положил руки за спину и важно прошелся перед всей страной, собирая мысли в кулак.

— Конечно, я говорю упрощенно... для широких научных масс ребят шести-девяти лет и их прогрессивных родителей. На самом деле все

значительно сложнее. На самом деле, что такое электричество и электрический ток, в нашей стране не знает никто. Ни один ученый, ни один академик, ни один учитель средней школы, ни даже директор. Это сложнейший процесс, состоящий из движения электронов, ионов, протонов, нейтронов и других заряженных и незаряженных частиц. Впрочем, незаряженные частицы, кажется, не движутся, но об этом знать еще рано.

Тут профессор снова собрал мысли в кулак и сказал:

— А давайте сделаем так. Пусть тот в стране, кто знает, что такое электрический ток, позвонит сюда к нам по телефону и попытается объяснить.

— Давайте, — согласилась редактор Марина Рубинова. — Уважаемые телезрители, звоните к нам в студию... наш телефон... Наш телефон... А какой наш телефон?

Никто не знал. Операторы, звукооператоры, осветители и ассистенты стали рыться в записных книжках. Возникло неловкое молчание.

— Давайте позвоним в справочное, — предложил находчивый профессор Чайников. Он сам схватил трубку и позвонил по 09.

— Алло! Справочное? Скажите, как позвонить на Центральное телевидение.

— Записывайте, — сказала справочное.

— Записывайте, — сказал профессор Чайников телезрителям.

— Двести семнадцать сорок четыре сорок пять. Двести семнадцать сорок четыре сорок шесть, двести семнадцать сорок четыре сорок семь... — затараторило справочное.

— Не записывайте, — отменил свое распоряжение Чайников. — Невозможно догадаться, который наш.

— Я знаю, как быть, — сказала молодая Марина. Она подошла поближе и сказала:

— Дорогая моя мама Любовь Зиновьевна, ты очень часто звонишь мне на работу. Ты знаешь мой телефон в студии. Позвони мне, пожалуйста, сейчас и скажи нам номер.

Все в студии замерли, замерла и вся страна в ожидании звонка Любове Зиновьевны. Но звонка не было, телефон молчал.

— Наверное, на рынок пошла за капустой, — сказала Марина.

Тут подпрыгнул профессор Чайников.

— Ой! — закричал он. — Тот самый Фома Неверующий, который не верил в мою бабушку... Он знает наш телефон. Может быть, он заодно знает, что такое электрический ток. Я обращаюсь к нему... К вам, товарищ Фома, звоните немедленно.

Телефон немедленно затрещал.

— Ваш номер двести семнадцать семьдесят три семьдесят четыре, —

сердито сказал Фома и больше не произнес ни слова. Видно, лодкоплавающая бабушка его доконала.

— Я повторяю свое предложение, — сказал Чайников. — Если кто-либо из жителей СССР знает, что такое электрический ток, пусть он скорее позвонит нам, мы ждем.

Никто не позвонил. Жители СССР молчали.

— Я обращаюсь к жителям прилегающих стран, — сказал профессор Чайников. — Может, вы знаете?

И прилегающие страны не знали. Молчали как убитые.

— Вот то-то! — удовлетворенно сказал профессор Чайников. — На этом сегодняшнее занятие прекращаем. Продолжение завтра. К завтрашнему дню прошу всех слушателей приготовить одну плоскую батарейку, одну катушку с проводами и один маленький конденсатор. До свиданья, юные поглотители знаний.

Когда телекамеры выключились, Марина Рубинова подошла к товарищу профессору.

— Скажите, пожалуйста, товарищ профессор, а что такое маленький конденсатор?

— Как? — удивился Чайников. — Вы этого не знаете?

— Не знаю.

— Вот с этого мы и начнем нашу завтрашнюю лекцию.

Катушки, конденсаторы и, если успеем, диоды

Вот уже несколько дней вся научная страна с интересом смотрела по телевизору, как профессор Чайников сражается с электричеством. Смотрели академики, профессора, кандидаты наук, инженеры-практики. И у многих кое-что прояснялось. И не просто прояснялось, а явно сдвигалось с места. Такова была сила его ученого напора.

В этот раз профессор пришел в лыжных ботинках. Он очень стеснялся, прятал ногу за ногу. А зря, потому что ботинки редко показывают по телевизору. Только тогда, когда их усиленно прячут. Но скоро он успокоился и начал:

— Дорогие ребята, будущие ясные умы! В прошлый раз мы остановились на катушке с проводами и на конденсаторе. Безобразие! Я просил маленькую катушку. Я просил маленькую батарейку! Где все это?

Работники телестудии растерялись, потом сказали:

— Наверное, у Марины Рубиновой.

— А где Марина Рубинова?

Работники телестудии снова растерялись, потом снова сказали:

— Не знаем.

Тут в студии зазвонил телефон. Это была Марина.

— Профессор, вы меня ищете?

— Вас... и батарейку с катушкой.

— Я тоже ищу батарейку. Я вам звоню из радиомагазина. Нигде батареек нет. Все батарейки раскупили школьники. Вы же сказали им к следующему разу приготовить батарейку и катушку. Вот они все и приготовили так, что нам с вами ничего не досталось.

— Ладно, — сказал профессор, — возвращайтесь в студию. Мы проведем теоретическое занятие.

Он положил телефонную трубку и принялся за теорию:

— Если взять батарейку и подсоединить ее к концам провода, намотанного, допустим, на карандаш вот так...

...то по катушке побежит ток. Отрицательные электроны помчатся от минуса к плюсу. Они побегут приблизительно так, как вода по трубам. Ясно вам? — Он пронзил строгим взглядом своих слушателей. Этот взгляд многих заставлял буквально впитывать знания. Специалисты называли его чайниковым.

— Самое интересное это то, что ток, бегущий по катушке, создает вокруг катушки особую атмосферу — магнитное поле. Если мы сейчас на катушку с током положим листок бумаги и посыпем этот листок железными опилками, примерно как посыпают поросенка солью, то опилки на бумаге лягут в определенном порядке, такими расходящимися вытянутыми кругами.

К этому времени в студии уже появилась Марина Рубинова.

— Профессор, — громким шепотом сказала она на всю страну, — вы про опилки ничего не говорили.

— Да, не говорил. Ну и что?

— У наших домашних студентов их нет.

— Так пусть поскорее напилят. Возьмут напильник, гвозди и быстро создадут полкило опилок.

— А если у них нет полкило гвоздей?

— Тогда пусть приготовят компас с магнитной стрелкой. Он тоже может показывать, есть магнитное поле или нет.

— А мы что будем делать?

— Мы пока подождем.

Но подождать не удалось. Раздался длинный телефонный звонок из проходной Центрального телевидения:

— Товарищ профессор, тут к вам два человека рвутся с пальмой. Пропустить?

— Конечно. Это, наверное, слушатели-энтузиасты. У них возникли вопросы. — Но тут же он притормозил. — А зачем у них пальма? Может быть, они ошиблись? Может быть, им надо на передачу «Клуб служебного садоводства»?

— Пальма — это собака! — объяснили из проходной.

— Тогда это к нам, — сказала Марина. — Батарейки у нас нет, вот они и привели нам собаковое электричество.

— Нет, — сказали из проходной, — эта собака ученая. Ее катушка волнует. Она так к катушке и рвется.

— Ладно, — согласился профессор, — пусть они идут. А мы пока продолжим цикл лекций о радиоволнах и радиоприемных устройствах.

Но продолжить цикл столь нужных лекций ему не удалось. Дверь в студию выстрелила и внутрь влетела громадная длинношерстная собака. За ней на поводке ехал милиционер, тот самый, который в свое время отказался стрелять на берегу Останкинского пруда. Следом бежал маленький противеньный человечек в телогрейке и шапке-ушанке на босу голову. Хотя на дворе, впрочем, как и в студии, было лето. Собака, ни секунды не раздумывая, ухватила профессора Чайникова за конец ботинка и стала тянуть. Профессор забрыкался, схватился за какой-то кабель, поехал по полу и выключил в студии свет. Посыпался дождь сверкающих капель.

— Товарищи зрители, — не растерялась Марина Рубинова. — В про-

шлый раз вы узнали про кошковое электричество. Сейчас вы видите собаковое.

— Да ничего подобного! — кричал профессор Чайников. — Собакового электричества не бывает! Это бред! Сейчас вы видите нападение бешеной собаки на представителей широкой научной мысли.

— И не бешеной собаки! — кричал маленький противенький человечек маленьким противным голосом. — А служебной! И не на представителей науки, а на расхитителей государственного имущества.

— Какого ы-мущества?! — возмущался профессор. — Это у меня ботинок расхитили!!

Наконец-то зажегся свет, и все объяснилось. Дело в том, что катушка со свинцовым кабелем была ценным государственным имуществом с военным уклоном. Этим кабелем собирались соединить Генеральный Штаб с Комитетом Защиты Мира. И вдруг катушка пропала.

Прораб Самсонов в ушанке, как только увидел, что катушки нет, сразу позвонил в Генеральный Штаб. Из Генерального Штаба позвонили в милицию. Милиция прислала милиционера с собакой. Собака сразу напала на след катушки с кабелем, прибежала к профессору Чайникову и ухватила его за ногу. Сейчас она держала в зубах лыжный ботинок профессора и не собиралась его отдавать. А наоборот, со страшной силой его грызла.

— Жулики! — бегал вокруг них прораб Самсонов.

— Мы не жулики, — поправила его Марина Рубинова. — Мы — Центральное телевидение.

— Вот-вот. На Центральном телевидении самые центральные жулики сидят.

— Товарищ милиционер, — попросила Марина, — арестуйте этого, который Центральное телевидение оскорбляет.

Милиционер даже растерялся — кого тут арестовывать: то ли Центральное телевидение за кражу катушки, то ли ушаночного прораба Самсонова за оскорбление Центрального телевидения.

А вот служебная собака Пальма не рассуждала. Она жевала ботинок профессора со страшной силой и не собиралась его отдавать. И неизвестно, что ее к этому подхлестывало: то ли служебное рвение, то ли то, что ботинок был хорошо смазан гусиным салом, как положено всем лыжным ботинкам. Она уже стала доставать пальцы профессора Чайникова.

Профессор расстегнул ботинок и уступил настырной собаке.

Тогда все успокоились и все объяснилось. Марина Рубинова позвонила на проходную:

— Товарищи дежурные, выпустите поскорее с телецентра милиционера с собакой Пальмой и прораба с катушкой.

Государствен-
ное
имущество

В это время на пост заступил новый дежурный. Прораба с катушкой он выпустил быстро, а милиционера никак не хотел выпускать:

— Мне сказали, что милиционер будет с собакой и с пальмой. А вы без пальмы. Не пушу вас.

Милиционер был находчивый. Он поднялся на второй этаж, взял бочку с пальмой и снова пришел:

— Теперь я с пальмой?

— Теперь вы с пальмой, проходите.

Милиционер вышел, а пальму передал дежурному:

— Теперь вы тоже с пальмой. Так и стойте с ней.

И дежурный очень гордо стоял с пальмой на посту. Как старинный часовой со старинной винтовкой в старинное время.

Профессор Чайников сказал:

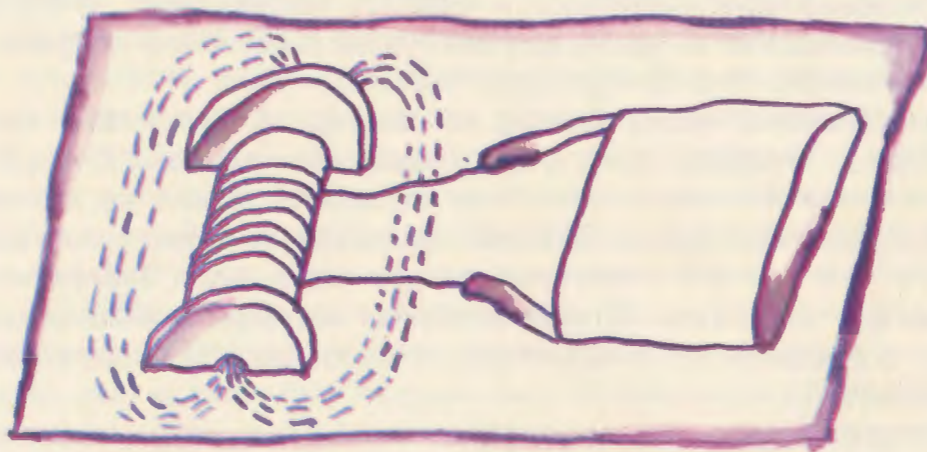
— Продолжаем лекцию. Если у вас есть опилки, посыпьте ими катушку с током, лежащую на бумаге. Если опилок нет, поднесите к катушке компас. Стрелка будет отклоняться в зависимости от того, есть ток в катушке или нет.

Профессор был очень озабочен электрическим током, магнитным полем, наличием опилок у заочных студентов, откусанным ботинком, и поэтому он имел очень сердитый вид. Он напоминал сурового надсмотрщика над русалками из русской народной сказки.

Он понял это и резко заулыбался, чтобы не пугать телезрителей. И от этого стал еще больше напоминать сурового надсмотрщика над русалками, который делает вид, что чему-то радуется.

Пока телекамера показывала рисунок кривоватой батарейки с кривоватой катушкой и с опилками, Марина Рубинова причесала профессора и поправила на нем галстук.

Вот он, этот кривоватый рисунок:

— Итак, вы сделали главный вывод, — сказал профессор, — вокруг катушки, по которой идет ток, образуется магнитное поле. Точно такое, какое бывает вокруг магнита.

Вдруг зазвонил телефон. Это звонил Фома.

— А я не сделал этот главный вывод. Я сделал другой.

— Какой? — спросил Чайников.

— Магнитное поле не образуется. Оно есть всегда. Просто оно собирается вокруг катушки с током, как грозовые облака вокруг Казбека. Оно притягивается к катушке.

— Интересная мысль! — сказал профессор. — Надо ее обдумать.

Он сморщил лоб, как грецкий орех, и ушел в себя. Но Марина живо вытащила его из этого состояния:

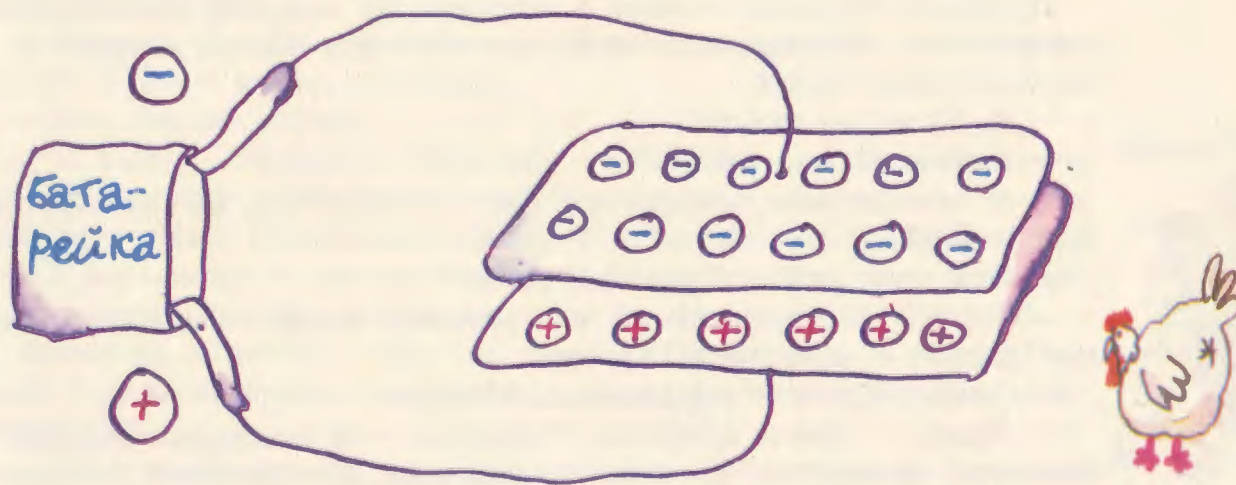
— Товарищ профессор, у нас еще конденсаторы. И, если успеем, диоды.

— Ах, да! — согласился профессор. — У нас еще конденсаторы. Немедленно переходим к ним. Товарищи операторы, вы готовы?

Товарищи операторы немедленно подхватили свои камеры, звукооператоры подхватили микрофоны, все собрались куда-то бежать. Но Чайников никуда переходить не стал, он стал рисовать.

— Если на пути у электрического тока поставить две большие плоскости, очень близко друг от друга стоящие, ток затормозит и никуда больше не побежит.

Он сделал такой рисунок:

— Понятно?

— Совсем непонятно, — сказала Марина Рубинова. — Что это за червячки и крестики?

Профессор скривился. Он сделал лицо похожим на куриную попку:
— Ой, не смешите меня. Червячки и крестики!!! Это же ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ЗАРЯДЫ!!!

— А что это такое?

— Вы даже этого не знаете?

— Не знаю.

— Может, вы и науку не любите, и технику?

— Терпеть не могу! — честно призналась Марина Рубинова.

Профессор Чайников схватился за сердце:

— Валидол, пожалуйста! — потребовал он. — И заявление об увольнении по собственному желанию.

— Валидол, пожалуйста, — сказала Марина. — А увольнения не будет.

— Почему?

— Собственного желания нет. Я люблю телевидение.

— Вы работаете в научной редакции. Можно сказать в самой научной на ЦТ и не любите науку. Позор! Просто можно утопиться в Останкинском пруду.

— А почему это я должна топить в Останкинском пруду? — спросила Марина. — А может быть, это вам надо топить в Останкинском пруду? Ведь это вы не приучили меня к науке. Вы — старшее поколение. И не только меня. Может, я не одна такая. Может быть, полстраны еще. Что же вы всех будете топить в Останкинском пруду? Тогда вам Останкинского пруда не хватит.

Профессор Чайников опешил и оторопел. Он никак не ожидал такого поворота. Он погрузился в себя на целую минуту. Потом выгрузился и примирительно сказал:

— А сказки вы любите?

— Люблю. Очень люблю.

— А те полстраны, которые мы вместе с вами чуть не утопили, они тоже любят?

— Они тоже любят. Сказки все любят.

— Тогда я расскажу вам об электрических зарядах и электрическом токе лекцию в виде сказки. Хорошо?

— Очень хорошо! — обрадовалась Марина.

— Ладно, — начал профессор Чайников. — В некотором царстве, в некотором государстве, а точнее в некоторой электрической батарее жили-были очень шустрые детишки-электрончики.

— А почему жили-были? — спросила Марина. — Они что померли, что ли?

— Ничего они не помирали, — возразил профессор Чайников. — Они и сейчас живут.

пекТрончики

— Так и рассказывайте.

— Ладно, — согласился профессор. — В каждой батареечке, в каждом аккумуляторе бегают большое количество шустрых ребяташек-электрончиков. Они такие худенькие, тощие, на коротеньких ножках и с сосками. Интересно?

— Очень, — сказала Марина Рубинова.

— Еще там есть другие существа — иончики, ионы. Они, наоборот, ленивые, круглопузые, добродушные, никуда не бегут, стоят на месте, разговаривают, прянички жуют. А электрончики вокруг них носятся, как дети вокруг своих нянь. Интересно?

— Захватывающе! — сказала Марина.

— А еще там живет один страшный и злой тип — волшебник по имени балбес Э. Дээс. Он такой зубастый, валенкообразный и с дубинкой.

— Почему он валенкообразный и с дубинкой? — спросила Марина.

— Потому что он похож на валенок в тапочках. Дубинкой он пугает электрончиков и собирает их в одно место. Они хотят к иончикам, а он их сгоняет в один угол батарейки и там держит. Смотрите.

Он нарисовал такой рисунок. Жутковатый с большими зубами балбес Э. Дээс толстой палкой сгонял в угол батарейки маленьких тощеватых электрончиков.

Тонкопузые электрончики, похожие на палочки на ножках, сбились кучей возле большого графитового столба внутри батарейки и со страшной силой дрожали там.

— Видите, — сказал Чайников. — Они стоят здесь, а очень хотят попасть к своим няням, иончикам.

— Мне так их жалко.

— И мне, — согласился Чайников. — Все это напоминает детскую игру: «Гуси, гуси!» — «Га-га-га!» — «Есть хотите?» — «Да, да, да!» — «Так летите!» — «Нет... Серый волк под горой не пускает нас домой!»

— Я все поняла, — сказала Марина Рубинова, которая делала грандиозные успехи в физике. — «Электрончики, электрончики!» — «Га-га-га!» — «К иончикам хотите?» — «Да, да, да!» — «Так бегите!» — «Нет... Под горой Э. Дээс, не пускает нас балбес!» Как же им помочь, бедным электрончикам?

— Надо проложить им дорожку, — объяснил Чайников. — Дорожкой для них служит любой металлический проводник — металлическая лента, проволока и даже спица. Эх, были бы у нас батарейка и лампочка, мы бы все ребятам показали.

И тут в студию вошел Миша Кувалдин — такой помощник... режиссе... нет звукоопе... неизвестно чей помощник. Он был неизвестно чей

балбес
Э д с

помощник вот уже двадцать лет. Он был совсем взрослый и важный и все время слушал музыку через наушники, как хиппи.

Его папа и мама были большими начальниками. Они очень баловали Мишу, покупали ему игрушки, делали за него уроки, все ему доставали. Когда еще у нас в стране не было битлзов и неизвестно еще были ли эти певцы в Англии, у Миши уже были их пластинки, и Миша слушал их с утра до вечера.

Родители устроили Мишу на Центральное телевидение, и он работал здесь уже двадцать лет. Ходил из студии в студию, из буфета в буфет и слушал свою музыку через наушники. Он носил длинные волосы и бороду. И про него можно было бы сказать: «Что, хиппуешь, клюшка?», если бы он был похож на клюшку, а он больше был похож на пенёк или бревно.

Профессор Чайников увидел Мишу и позвал к себе:

— Иди сюда, золотце. Это у тебя магнитофон?

— Да, — сказал Миша.

— Так. Давай вытащим из него батарейку.

— Зачем?

— Так нам нужно для передачи! — сказал Чайников.

— А там есть батарейка? — поразился Миша, глядя на свой прибор.

— Есть, — ответил Чайников.

— А мы сумеем вставить обратно?

— Конечно.

— Мы только покажем ребятам, как бегают электрончики, — успокоила Мишу Марина Рубинова.

— Они тоже там есть? — в ужасе спросил Миша, глядя на свой плеер. Он, очевидно, подумал, что электрончики это как тараканчики.

— Есть.

— А мы сумеем запихнуть их обратно? Они не убегут?

— Не убегут, — успокоил его профессор Чайников. Он вытряхнул батарейку из Мишиного магнитофона и показал телезрителям.

— У вас магнитофон с подсветкой?

— С подсветкой, — сказал Миша.

— Очень хорошо. Мы еще лампочку возьмем.

— Там еще лампочка есть? — поразился Миша. — Я думал только одна подсветка.

Профессор вытащил лампочку и обратился к зрителям:

— Ребята, здесь, у клеммы со знаком минус, собрались наши электрончики. Их сюда согнал балбес Э. Дээс. Они ходят с плакатами: «Хотим свободы!», «Да здравствует Ельцин!», «Пустите нас за кордон к иончикам!». У них есть одна возможность перебежать к иончикам —

Миша
Кузнецов

воспользоваться металлической дорожкой. Длинная клемма есть дорожка, короткая клемма тоже есть дорожка. В лампочке волосок — это тоже дорожка для электрончиков. Только она очень тонкая. Когда они по ней побегут большой толпой, они устроят такую толчею, такую толкотню, что волосок раскалится и будет светить. Смотрите.

Он подсоединил клеммы батарейки к лампочке, и она засверкала.

Больше всех был потрясен Миша Кувалдин:

— Я обязательно покажу это маме. Она будет этому так рада! — сказал он.

— А если вместо лампочки поставить маленький электромоторчик, — сказал Чайников, — то электрончики начнут его крутить.

Вдруг в студии что-то случилось. К профессору Чайникову подбежала Марина Рубинова и тихонько сказала на ухо на всю страну:

— Космонавты приехали.

— Молодцы, — похвалил их Чайников. — Тянутся к знаниям. У них что — вопросы есть по электричеству?

— Нет. У них встреча с молодежью Западного Берлина.

— И молодежь Западного Берлина здесь? Как быстро растет круг наших слушателей.

— Нет, — возразила Марина. — Они не наши слушатели. Они сами по себе. У них сейчас начинается своя передача: «Шире круг мира вокруг мира». И нам пора закругляться.

— Намек понял, — сказал Чайников. — Дорогие юные телезрители, в связи с тем, что наше время в эфире захватила молодежь Западного Берлина, мы заканчиваем лекцию. Я не скажу вам, что надо приготовить к следующему разу, а то вы раскупите в магазинах все диоды и конденсаторы, и мне нечего будет вам показывать с экрана. Потому что мне ничего не достанется.

**Опять катушки
и конденсаторы
и, если успеем, диоды**

На другой день профессор Чайников пришел в студию в тапочках. А чтобы это не так бросалось в глаза, он надел свой самый лучший зеленый выходной костюм с синим галстуком.

Он сразу перешел к делу:

— Что такое конденсатор? Это две большие металлические поверхности, близко стоящие друг от друга. Даже самые темные жители острова Сикоку прекрасно знают это.

— А почему даже самые темные жители острова Сикоку прекрасно знают это? — спросила Марина Рубинова.

— Потому что остров Сикоку — это японский остров. А все японцы прекрасно разбираются в радиотехнических устройствах.

Тут же раздался телефонный звонок. Это звонил Фома Неверующий:

— Не верю! — кричал он своим неверующим голосом.

— Почему? — спросил в трубку профессор Чайников.

— Потому что жители острова Сикоку не темные, а желтые.

— Принимается поправка, — сказал профессор Чайников и продолжил: — Даже самые желтые жители японского острова Сикоку прекрасно знают, что такое конденсатор. Я вам сейчас его нарисую.

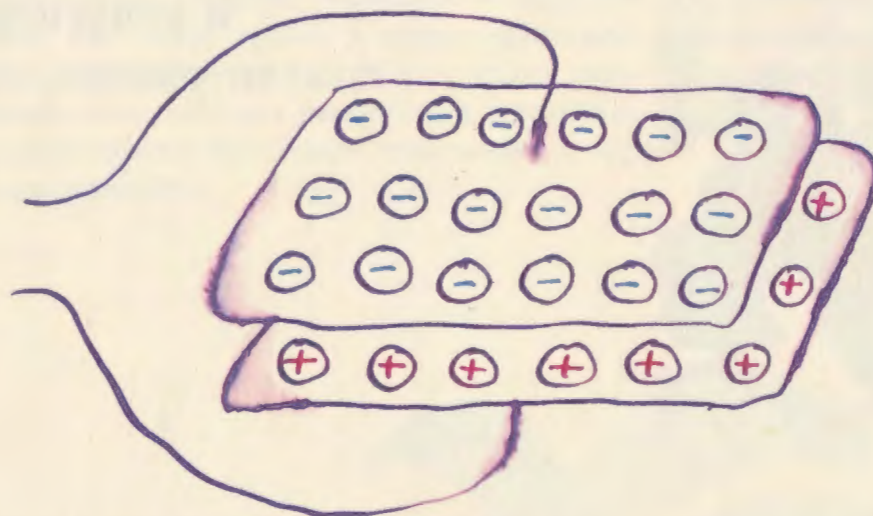
Он стал рисовать и рассказывать:

— Когда малыши электрончики бегут по проводам, подгоняемые балбесом Э. Дээсом, на их пути встречаются разные препятствия. В том числе конденсаторы. Все электрончики собрались на одном берегу, на одной металлической простыне, а иончики — на противоположной

стороне. Они друг к другу тянут ручонки... лапчонки... щупальчонки... что там у них есть, а встретиться не могут.

Вот такая картинка получилась у профессора Чайникова.

— А сейчас я покажу вам конденсатор в настоящем виде.

Профессор порылся в нагрудном кармане и вынул маленькую квадратную штучку.

— Вот он. Конденсатор у меня в руках.

— Профессор, — сказала потрясенная Марина. — Вы сказали, что конденсатор это две металлические простыни, которые находятся друг против друга. Как же они помещаются в этом маленьком ящичке?

— Эх, молодежь! — с кривой улыбкой сказал профессор. — А если эти простыни сделаны из очень, очень тонкой фольги. А если между ними тоненькая пленка? Разве нельзя скатать такие простыни в рулончик и запихнуть их в этот, как вы сказали, ящичек?

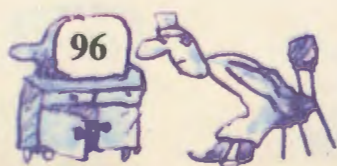
— Наверное, можно.

— Вот тот-то!

— Слушайте дальше. Электрончики бегут, бегут по металлической дорожке, и вдруг на их пути плоскость, а дальше нет металлической дорожки. Они накапливаются на этой простыне, накапливаются, тянут к иончикам ручонки-щупальчонки, переговариваются, а перепрыгнуть по воздуху к иончикам не могут. И все безумно страдают.

— Кошмар! — сказала Марина Рубинова. — Это как наши, которые в Америку уехали!

— Меньше политики, а больше смысла! — одернул ее лектор. — Не забывайте, у нас прямой эфир, а не вчерашний. Даже Миша Кувалдин вам объяснит, что с эфиром шутки плохи.

— Верно, — согласился Миша. — С кефиром шутки плохи. Я однажды купил три бутылки вчерашнего кефира, и они у меня взорвались.

Чайников поудивлялся на кефирные шутки Миши и продолжил рассказ:

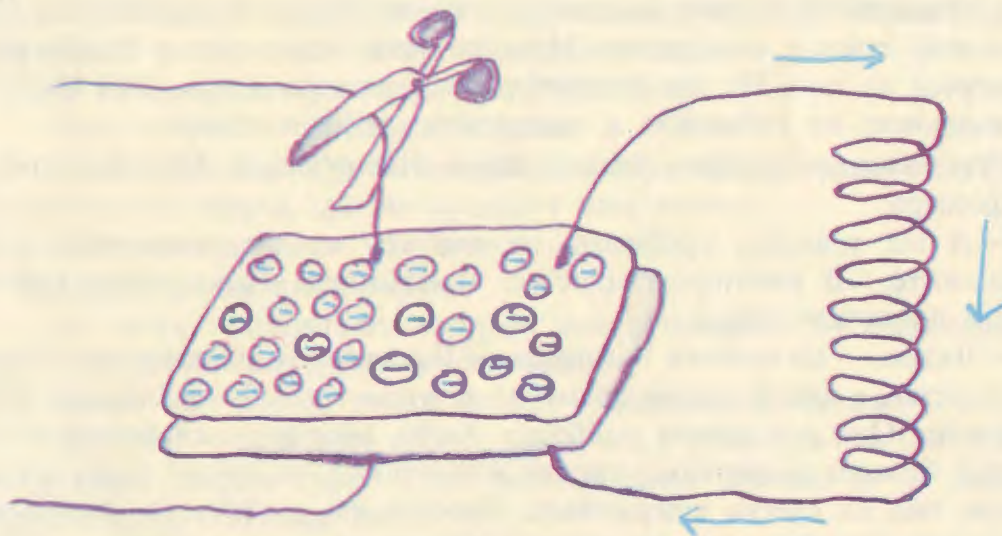
— Если сейчас мы к концам конденсатора подсоединим провода, создадим новую металлическую дорожку, наши электрончики со всех сил по ней побегут. Верно?

— Верно, — согласились Марина и Миша.

— А если мы поставим на их пути катушку, что произойдет?

— Они в ней запутаются бедные.

— Почти правильно, — согласился профессор и нарисовал такую картину.

— Это катушка из проволоочной дорожки. Электрончики бегут, бегут по катушке, бегут, бегут к иончикам... Сначала большой кучей, потом их поток ослабевает. И тут... А вы не забыли, что, когда по катушке идет поток электронов, вокруг нее образуется магнитное поле?

— Не забыли. Когда идет ток, все опилки встают кругами по стойке «смирно» из-за магнитного поля, — сказала Марина Рубинова.

— Так вот, когда поток электронов ослабевает, то это магнитное поле тоже ослабевает и исчезает. И что происходит?

— Я знаю! — сказал Миша Кувалдин. — Опилки встают по команде «вольно».

— Нет. Возникает такое интересное явление — самоиндукция. Оно заключается в том, что исчезновение магнитного поля усиливает затухающий поток электронов. Понятно?

— Абсолютно непонятно, — сказала Марина. — Если магнитное поле

исчезает, значит, оно полудохлое. И как это полудохлое поле может усилить поток полудохлых электронов. Не понимаю.

— Вы тоже не понимаете? — спросил Чайников Мишу Кувалдина.

— Понимаю! — ответил тот.

— Что вы понимаете?

— А то, — многозначительно сказал Миша. — Судороги!

— Какие еще судороги? — закричал профессор Чайников. — Чьи судороги?

— Как чьи? — ответил Миша. — Судороги поля. Поле дергается, и электрончики с него стряхиваются.

Профессор Чайников схватился за голову и заплакал. Из его глаз выкатывались большие глицериновые слезы и падали на пол. На такой скользкой лужице немедленно поскользнулся телеоператор с камерой и грохнулся на пол. Из его аппаратуры посыпались искры. Это было уже не кошковое, не собаковое, а человеческое электричество.

Тут зазвонил телефон. Звонил Фома Неверующий. Он стал утешать профессора:

— А вы, товарищ профессор, не плачьте, вы все опять через сказку расскажите: «В некотором царстве, в некотором государстве, в одном густом дремучем лесу...»

— Ладно, — согласился Чайников. — В некотором царстве, в некотором государстве, в одной густой дремучей катушке жила-была бабушка Самоиндукция. Она все делала наоборот. Когда электрончики большой компанией бежали по виткам катушки к иончикам на другой берег конденсатора, она их слегка задерживала. Бросала им конфеты, и они запутывались. А потом, когда их поток уменьшался, она, наоборот, всех их сурово подгоняла вперед.

— Чем подгоняла? — спросила Марина Рубинова.

— Большой метлой! — отрезал профессор Чайников. — Она бегала за ними и каждого под попку метелкой! Под попку метелкой! Ну теперь вам понятно? — спросил Чайников у Миши и у Марины.

— Теперь нет, — ответил Миша.

— Что же вам непонятно?

— Почему на эту бабку управы нет?

— Ой, — вдруг закричал профессор Чайников. — Я знаю, как это объяснить. Через воду. Представьте себе, что в земле находятся два круглых озера размером с трехэтажный чайник. Одно озеро полное воды, а другое сухое. Если мы прокопаем между ними канаву, что получится?

— Вода из одного озера будет переходить в другое, пока они оба не наполнятся наполовину, — сказала Марина. — Пока они не уравниваются.

Трёхэтаж-
ный
чайник

— Правильно! — в восторге закричал профессор. — А если мы на их пути поставим мельничное колесо, что будет?

— Мука! — сказал Миша Кувалдин.

— Не мука, а вот что. Сначала колесо будет задерживать воду в канаве, совсем как та старушка в катушке. А потом будет раскручиваться все больше и больше. И наконец так сильно раскрутится, что всю воду перегонит из бассейна в другой бассейн. И вся вода будет в том озере, которое перед этим было сухим. Проясняется? — спросил он у Марины.

— Чуть-чуть.

— Потом вода снова пойдет в первое озеро... Точно так же и электрончики бегут с одной обкладки конденсатора на другую через катушку. Такая конструкция называется колебательный контур. Побежали!

— Куда? — спросила потрясенная Марина.

— К Останкинскому пруду, бассейны копать.

— Чем копать? — спросила Марина.

— Я не знаю чем. Пусть товарищи телезрители, которые живут около Останкинского пруда, срочно принесут нам лопату.

— А где мы возьмем мельничное колесо?

Чайников снова притормозил.

— А пусть телезрители, которые живут недалеко от Останкинского пруда, принесут нам клетку из-под белки.

— Зачем нам клетка из-под белки? — удивилась Марина.

— А затем, — объяснил профессор, — что в клетке из-под белки всегда есть колесо. Оно и будет у нас мельничным. Бежим! А по дороге я объясню вам, что такое диод.

По этой команде все как по команде побежали на выход с Центрального телевидения в сторону Останкинского пруда.

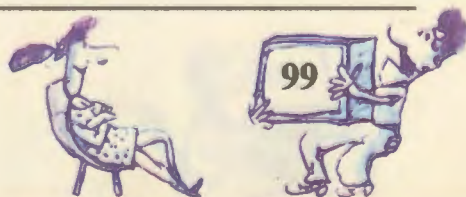
Там внизу стояла такая специальная дверь выпускательная. Она пропускала людей только в одну сторону, когда они выходили. А когда они пытались войти через эту дверь, она в обратную сторону не открывалась и никого на ЦТ не пускала.

— Видите, — на секунду притормозил профессор Чайников, — эта дверь пропускает человека только в одну сторону. Она работает, как диод. Примерно так же ведет себя диод с электрончиками. Он пропускает их только туда. А обратно ни за что.

— Понятно, — сказал Миша Кувалдин. — Я таких диодов много в метро видел. А один диод так мне дал по ногам, что у меня из глаз даже электрончики посыпались. Это потому что я тогда радиотехники не знал.

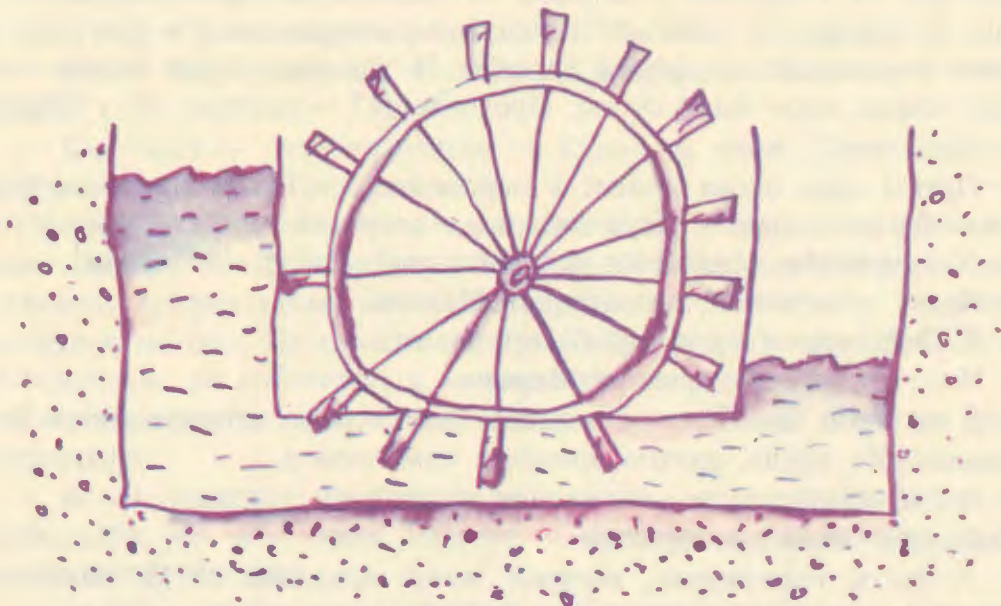
— А теперь? — спросил профессор Чайников.

— Теперь я на троллейбусе езжу. В троллейбусе двери не дерутся.

Прибежали к Останкинскому пруду. Только никого там с лопатами не было. Профессор Чайников снял с ноги тапочек и немедленно выкопал бассейн. Он сразу же наполнился водой.

— Хорошо, — сказал профессор. — Теперь копаем второй.

Лопата
профессора

Выкопали второй. Он тоже сразу наполнился водой.

— Караул! — сказал профессор. — Научный опыт срывается!

— Профессор, — успокоил его Миша Кувалдин. — Я вас выручу. У моего папы на даче сторож есть. А у сторожа такой аппарат в сарае имеется, как раз для вас. Два сосуда стеклянных больших, а между ними катушка из трубок. Я вам его принесу.

— Спасибо! — поблагодарил его расстроженный профессор Чайников. — Я буду вам чрезвычайно благодарен.

— А где ваш тапочек? — спросила Марина.

Искали всем телевидением — не нашли. Очевидно, тапочек погиб на дне одного из затопленных бассейнов.

— Профессор, — спросила Марина, — а как же вы пойдете домой?

— Очень просто. В ботинках Миши Кувалдина до такси. А он пока героически постоит в одном моем тапочке около научных бассейнов.

Миша стал героически стоять, как большая бестолковая героическая цапля. А профессор и Марина пошли по песку к стоянке автомашин.

— Профессор, а что надо приготовить к завтрашнему занятию?

— Ах да. Приготовьте такую специальную прыгательную сетку — батут,

электронную радиолампу — триод и научный прибор Миши Кувалдина с двумя сосудами и трубкой.

— Батут — это как в цирке? А кто будет на нем прыгать?

— Научная общественность. И широкие круги желающих.

Марина про себя решила, что она тоже — широкие круги желающих. И Миша Кувалдин так решил. Он сказал:

— Если бы я знал, что физика такая интересная, я бы давно три института бы закончил и академиком стал.

Но сколько они и все другие участники передачи ни ломали голову, они так и не могли понять — зачем профессору Чайникову понадобилась прыгательная сетка — батут. Тем более в лекциях о радиотехнике.

Электронная лампа, батут и колебания низкой частоты

и ДОПОЛНЕНИЕ:

**Странная жидкость
в научном аппарате
сторожа Веревкина**

«Интересно, в чем придет профессор на лекцию в этот раз? — думала Марина Рубинова. — Может быть, в коньках?»

Профессор пришел в тренировочном костюме и в кедах. Он был суров и деловит. Он сразу спросил:

— Где батут?

Марина Рубинова сразу ответила:

— Тут!

— Очень хорошо, — сказал профессор и забрался на сетку. Он стал прыгать вверх и вниз, вверх и вниз, тренируясь, пока телевизионная бригада в студии готовилась к передаче: выставляла свет, прогревала аппаратуру.

Но оказалось, что летать над батутом непросто. Профессор Чайников все время почему-то переворачивался в воздухе и норовил опуститься в сетку головой, а не ногами. При этом он сплющивался, как гуттаперчивый, и на его лице проступали мелкие квадраты от сетки. Под конец он стал похож на тетрадку в клеточку. На нем можно было даже играть в крестики-нолики.

А однажды он вообще вылетел из сетки и приземлился на осветителя с фонарем. Было много шума и треска, и было много чайникового электричества.

Наконец все было готово. Даже движущаяся доска в стене, на которой можно было все писать.

— Начали! — сказал профессор и на глазах у всех телезрителей полез в сетку. Он стал прыгать на ней вверх и вниз и спрашивать:

— Дорогие товарищи телезрители, что я делаю?

Телезрители молчали, и чтобы как-то разрядить обстановку, Марина Рубинова ответила:

— Вы прыгаете на батуте.

— Вовсе ничего подобного. Я совершаю колебательный процесс. Видите — я подпрыгнул высоко. А теперь лечу вниз глубоко. Теперь снова подлетаю. И так далее... А вот сейчас я перестаю прыгать и постепенно останавливаюсь. Такие колебания называются затухающими.

Когда профессор окончательно затух, он попросил позвать к нему Мишу Кувалдина:

— Где этот светоч разума, этот значительный маяк интеллигентности?

Значительный маяк интеллигентности немедленно предстал перед профессором. Он держал в руках два больших стеклянных шара. Между ними находилась большая катушка из стеклянной трубки. В одном из сосудов плескалась жидкость.

— Что это? — спросил профессор Чайников.

— Научный прибор сторожа моего папы для колебания жидкости. Он в сарае лежал.

— А... — неуверенно сказал профессор. — Это было на прошлом занятии...

Видно было, что он потерял интерес к колебательным процессам, связанным с жидкостью. Его научная мысль вела его дальше, к колебательным процессам на батуте.

— Вы видели, как я колебался на сетке? — спросил профессор у Миши.

— Видел.

— Как я колебался?

— Вверх, вниз. Вверх, вниз — ответил Миша.

— Могли бы вы зарисовать этот процесс? Сделать график?

— Нет, — испугался Миша. — Мы этого не проходили.

— А вы? — спросил знаменитый лектор Марину.

Марина не стала спорить. Она молча взяла мел и стала рисовать. Причем она сделала это так. Одной рукой приставила мел к доске, а другой включила большую красную кнопку на стене. Гибкая доска, как перила метрополитена, немедленно поехала направо, и мел сам стал рисовать ровную-преровную прямую линию.

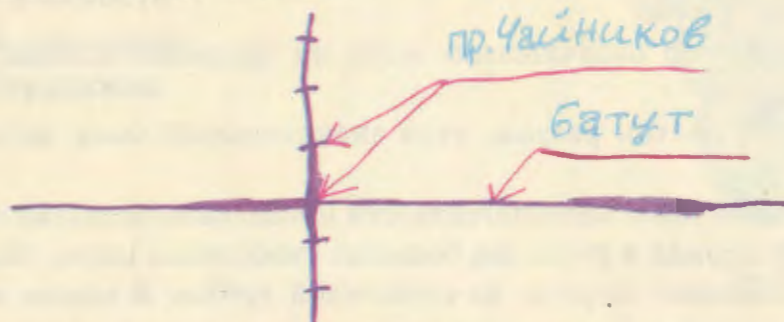
— Это батут, — сказала Марина. Потом она нарисовала толстую точку на батуте. — А это вы.

Пр. Чайников

После этого она начала приподнимать точку все выше и выше вверх.

— Это вы летите. Вот вы долетели почти до потолка. А теперь вы падаете вниз. Вот вы долетели до самого низа и снова полетели вверх. А потом снова вниз. И так далее.

— Вы можете показать на этом чертеже, где я был через две секунды после начала прыгательных колебаний?

— Вот здесь, — показала Марина точку на самом верху вертикальной прямой. — Вы как раз сюда долетели.

— А через три секунды?

— Вот здесь. Вы уже повернули вниз.

— А через десять секунд?

— Не знаю, — сказала Марина. — Я запуталась.

Профессор попросил:

— Сейчас я снова стану прыгать, а вы по моей команде «Давай» включите подвижную доску.

— Можно я? — попросил Миша Кувалдин. Ему тоже хотелось принять участие в учебном процессе.

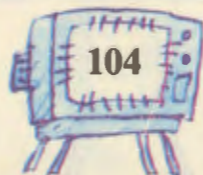
— Пожалуйста.

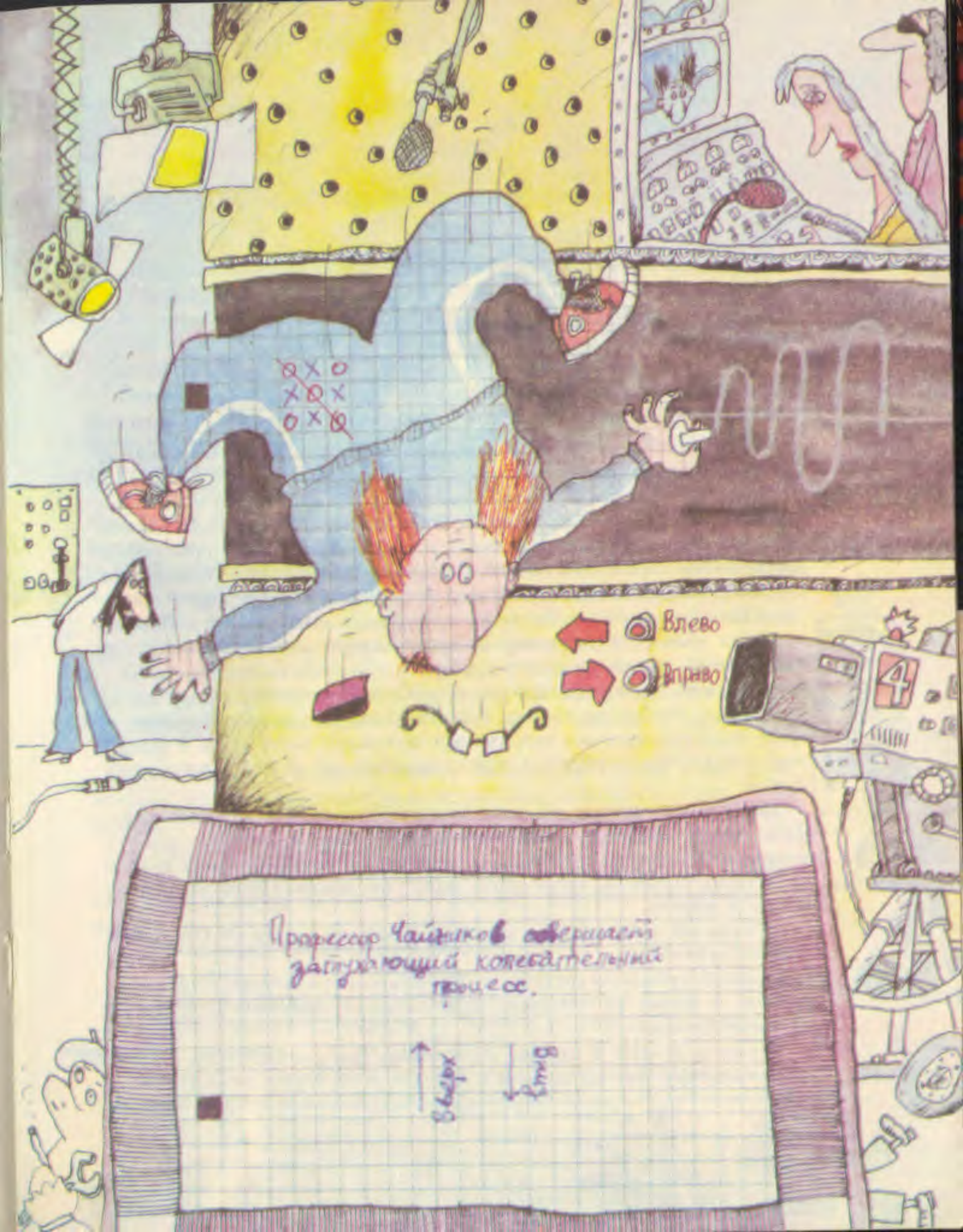
Миша для пробы нажал кнопку, и доска поехала. Это была очень удобная, вделанная в стену доска. Ее можно было всю исписать, потом нажать на кнопку, и она уезжала вбок. А с другой стороны выезжала вся уже чистая. Такая доска-лента.

Немного полюбовавшись на невиданную технику, Миша остановил доску.

— Отлично, — похвалил Мишу профессор. — Теперь перетащим сюда батут, поближе к доске.

После этого профессор Чайников начал прыгать на батуте около доски. При этом он вытянул руку с кусочком мела в сторону и все время чертил

на доске такую же прямую то вверх, то вниз, какую Марина чертила перед этим.

— Теперь включайте. Теперь «Давай».

Миша нажал красную кнопку и доска поехала. Профессор летал вверх и вниз около доски, держа мел прижатым к ней. И пока она ехала мимо, на ней вычерчивалась такая линия:

— Теперь выключайте, — скомандовал профессор, когда он нарисовал уже целых три затухающие кривые.

Миша Кувалдин стал искать выключательную кнопку. Но она не находилась. Миша стал нервничать, и вдруг он увидел целый пульт кнопок на стене рядом. Он радостно нажал первую из них. Доска продолжала двигаться как ни в чем не бывало, а сверху спустилась длинная кулиса с веселой лесной занавеской из детской передачи про природу.

— Не то! — закричал Чайников, схватившись за занавеску. — Другую!

Миша нажал другую кнопку, и занавес вместе с Чайниковым уехал под потолок, метров на пять в высоту.

— Караул! — закричал профессор. — Опустите меня!

К пульта подбежала Марина Рубинова. Она нажала третью кнопку, и сразу заработал круг для перестановки декораций. Батут уехал и вместо него выехал стол с графином, приготовленный для передачи про космонавтов.

На помощь побежал механик-электрик студии. Но не успел добежать: Миша Кувалдин нажал еще одну кнопку, и механик уехал с невиданой скоростью вместе со столом и графином. Это была кнопка увеличения скорости. Более того, уехал сам Миша. Около кнопок не осталось никого.

— Главный рубильник! — закричал профессор сверху. — Отключите главный рубильник!

Главный рубильник отключили. Все остановилось, студия погрузилась во тьму. А профессор Чайников съехал со своим занавесом вниз. Прямо на Мишу Кувалдина.

Передача исчезла с экранов телевизоров. Телезрители стали звонить на телевидение. Что случилось?

Электричество погасло.

И в студию прибежал взмыленный дежурный по эфиру.

— Я — дежурный по эфиру. Что в студии? Включите главный рубильник немедленно.

Главный рубильник включили. И все началось снова. Профессор поехал под потолок. Сцена закружилась уже вместе с дежурным по эфиру. Миша Кувалдин покачнулся и, чтобы не упасть, схватился за графин для космонавтов и упал вместе с графином.

Марина Рубинова в последнюю секунду ухватила профессора Чайникова за кед. Но профессор все-таки уехал, а профессорские брюки и один кед остались у Марины в руках.

— Дорогие телезрители, — кричал Чайников с потолка. — Вы видите, как крутится сцена. Это типичный случай вращательного движения. А мы с вами проходим колебания. Поэтому не обращайтесь на нее никакого внимания. Лучше следите за моей научной мыслью.

Но проследить за мыслью было трудно. Отвлекала лесная занавесочка. На ней была нарисована елка, и профессор Чайников, сидящий на ветвях в спортивных трусах, напоминал, пожалуй, не лектора, а новогоднюю белочку.

Слава богу, кто-то сумел нажать правильные кнопки и все успокоилось. Профессор съехал вниз и, шатаясь, подошел к столу с графином.

— Воды! — потребовал он.

Воды в графине не было. Помощник Миша Кувалдин нацедил ему воды из научного аппарата сторожа с дачи его ответственного папы.

Чайников выпил полстакана и спросил:

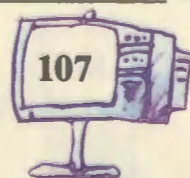
— Что это?

— Вода, — ответил Миша. — Научная.

— Да?! — удивился профессор. — Никогда не пил! — Он выпил еще глоток и зашатался.

Марина тоже попробовала научной воды и тоже зашаталась:

Вкл.

— Одеколон.

И все, кто пробовал научную воду, немедленно начинали шататься, а некоторые уходили в буфет покупать огурцы.

— Продолжаем занятие с телезрителями! — тем не менее твердо заявил профессор. — У нас на очереди электронная лампа.

По команде профессора Марина внесла в студию целую охапку электронных ламп всех размеров. От крошечной, с муравьиною головку, до огромной, размером с хорошего индюка.

— Электронная лампа состоит из двух стеклянных баллонов! — сказал профессор Чайников.

— Из одного, — поправила Марина.

Профессор удивился, посмотрел на лампу и на Марину:

— Очень может быть. А вы, две сотрудницы, меня не отвлекайте.

— Я одна, — поправила его Марина.

— Действительно, — согласился профессор. — Так почему же мне иногда кажется, что у нас в студии всего по двое. Это научная жидкость Миши Кувалдина так действует. Есть увеличительное стекло, а есть увеличительная жидкость.

Тут зазвонил телефон. Звонил Фома Неверующий:

— Какая к черту увеличительная жидкость. Это же самогон. А по-простому водка. Сдайте этот аппарат вместе со сторожем в милицию.

— Не отвлекайте нас, — строго сказал профессор Чайников. — Продолжаем лекцию. Итак, электронная лампа устроена очень просто. У нее есть катод и анод. Катод — это такой раскаляющийся волосок, который поставляет электроны. Можно сказать еще, что это детская площадка для электрончиков.

— Почему? — спросила Марина.

— Потому что он присоединен к батарее. Ток из батарейки нагревает волосок докрасна. Когда волосок нагревается, вокруг него возникают и роятся электрончики.

— Мне жалко электрончиков, — сказал Миша Кувалдин. — Они там могут сгореть.

— Ничего им не сделается. Они привычные, — ответил профессор Чайников. — Они даже на солнце могут жить. Так вот они все время роятся вокруг катода, а сами хотят полететь на анод к иончикам. Помните, это няни такие с колясочками?

— Помним, — ответил Миша Кувалдин. — Они еще пузатые и с пряничками.

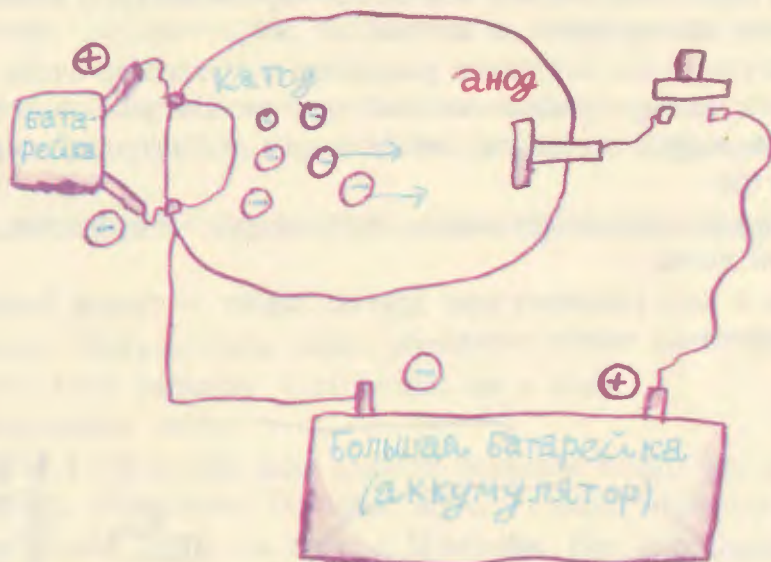
— А чего же они не летят? — спросила Марина Рубинова.

— У них сил нет, — ответил профессор Чайников. — Но если к катоду

и аноду подсоединить провода и дать напряжение, то есть пустить сильный ток, то все электрончики так и полетят от катода к аноду. Так и попрыгают.

Он нарисовал на движущейся доске такой рисунок.

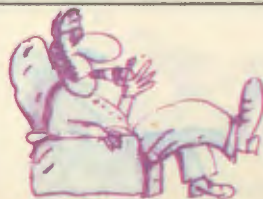
Миша Кувалдин подошел к Марине Рубиновой и тихонько объявил:

— Я знаю, почему электрончики с катода попрыгают. Они балбеса Э. Дзэса боятся. Он в этом ящике сидит.

И Марине тоже показалось, что в углу ящика сидит кривоватопузый балбес Э. Дзэс с резиновой дубинкой в руках и со страшной силой скалит свои большущие зубы, какие обычно рисуют на карикатурах японским захватчикам.

— По такой лампе ток может идти только в одну сторону, — продолжал

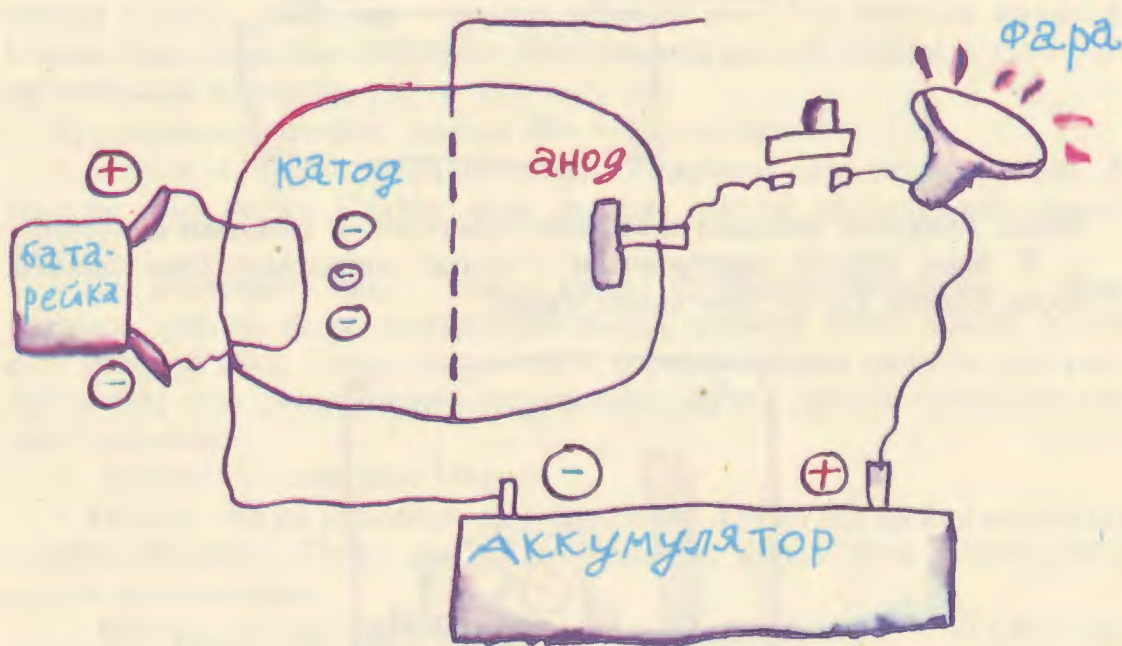
профессор. — И такая лампа называется диод. Если вы попытаетесь пустить ток в обратную сторону, у вас ничего не получится.

— У нас в метро полно таких диодов, — согласился с профессором Миша Кувалдин. — Они людей только в одну сторону пропускают. Я попытался в обратную сторону пойти, потому что я газету в вагоне забыл, мне этот диод как треснет по ногам!

Вся доска уже была заполнена рисунком, и профессор очень осторожно нажал кнопку, чтобы приехал чистый кусочек. Он нажимал эту кнопку, а сам боялся, вдруг что-нибудь неожиданное выйдет: лифт придет или пол провалится.

Но ничего ниоткуда не свалилось, никакой люк не открылся. А приехал чистый кусок доски.

— Теперь я вам расскажу про другую лампу — триод, — сказал профессор и нарисовал такую схему:

— Видите, здесь все то же самое. Только в середине добавилась сетка. И когда электрончики со страшной силой бегут к аноду, чтобы встретиться со своими ненаглядными иончиками, мы можем помочь им бежать, а можем, наоборот, их затормозить с помощью этой сетки.

— А как? — спросила потрясенная Марина Рубинова.

— А так. Мы напустим на эту сетку электрончиков из другого источника, они возьмут и закроют все дырочки на сетке. Вот и все — путь

закрыт. Или наоборот: мы заберем с сетки половину электрончиков, вот и все — половина пути открыта. А если мы заберем их всех с сетки — пожалуйста, все электроны с катода до анода долетят, весь поток.

Профессор задумался:

— С чем бы это сравнить?

Он походил по аудитории, посмотрел в окно, что-то увидел там и сказал:

— Это как при сражении в горах: маленькая горстка воинов может пропускать или сдерживать большой поток врагов. Ясно вам, товарищи ассистенты?

— Ясно, — сказала Марина Рубинова и протянула профессору расческу.

— Что это?

— Расческа. Причешитесь, пожалуйста.

Профессор взял расческу и выбросил ее в окно.

— Не отвлекайте меня!

А за окном в это время шли съемки телевизионного фильма «Полководец Суворов», 15-я серия. Большое войско стояло наготове с ружьями и пушками, чтобы идти на штурм Измаила. Все они ждали красную ракету. Зеленую расческу они не заметили.

— Продолжаю, — сказал профессор. — Вы видите, добавляя и убирая электроны с сетки, можно управлять сильным током аккумулятора. Поэтому электронную лампу можно назвать усилителем.

— А что же в ней усиливается? — спросил Миша Кувалдин.

— Слабые колебания тока на сетке превращаются в сильные колебания тока аккумулятора. И фара, например, горит или ярко, или еле как. А этой мощной фарой управляет горстка дохленьких электрончиков.

— Это как у нас при Брежневе, — заметил Миша Кувалдин. — Горстка дохленьких руководителей управляла всей страной.

Марина Рубинова увидела, что профессор разгуливает по студии в одном красном кеде. Она решила профессору помочь.

— Профессор, — сказала она, — возьмите это! — и протянула Чайникову тапок.

Профессор схватил кед и выбросил его в окно:

— Я же сказал, не отвлекайте меня!

А за окном, как вы помните, ждали красной ракеты, чтобы начать штурмовать неприступную крепость. Как только они увидели красный кед, все пошли в атаку.

— Ура! — кричали тысячи участников. — Вперед!

Хотя штурмовать грозный Измаил было еще рано — выдающийся полководец Суворов еще не сказал своих замечательных слов:

— Вперед, братцы! Мы возьмем его или умрем как один!

Вместо этих замечательных слов он закричал:

— Назад! Ни с места! Куда вы, мои солдаты? Еще не было красной ракеты! Это просто ошибка! Отдайте Измаил обратно!

И режиссер, который снимал картину, тоже кричал:

— Товарищи массовочники — солдаты России, немедленно вернитесь на свои места! Товарищи массовочники — турецкие янычары, перестаньте бросать вниз бутафорские камни! Произошла ошибка.

Шум был просто удивительный. Профессор Чайников выглянул в окно и сразу все понял.

— Товарищи телезрители, — сказал он. — Вот вы сейчас видели, как армия пошла в атаку. Мы бросили в окно простой тапочек, а в движение пришли очень большие силы, то есть просто огромные. Это и есть типичный пример усиления. Точно так же слабые электроны при помощи электронной сетки усиливают большой ток. То есть руководят им. Теперь вы тоже сами можете придумать примеры усиления.

— А я уже придумал такой пример, — сказал Миша Кувалдин.

— Пожалуйста, приведите его.

— Это моя научная жидкость. — Миша подал профессору стаканчик. — Выпьешь один глоток — и сразу всего больше становится.

Он приложился к стаканчику:

— Вот, например, сюда идут два милиционера с двумя собаками.

А это был один милиционер с Пальмой.

Он сказал Мише:

— Ваша игра окончена, вы конфискованы. А ваш аппарат арестован. То есть наоборот. И это никакая не увеличительная жидкость, а обыкновенный самогон.

— Я не знаю, что такое самогон, — ответил Миша. — И не понимаю, за что я конфискован.

— Вы конфискованы за то, что производить самогон в нашей стране запрещено, — ответил милиционер и увел Мишу в милицию.

На этом шестая научная лекция о радиотехнике была закончена.

Колебания высокой частоты

Мишу Кувалдина отбивали у милиции всем телевидением. Профессор Чайников лично звонил начальнику отделения и объяснял:

— Да поймите вы, без ассистента все остановится. У нас и так не хватает научных кадров.

— Да? — говорил начальник. — А если эти кадры занимаются не наукой, а самогоноварением?

— Вы плохо знаете наши научные кадры! — возражал Чайников. — Он не только самогон, он суп не сумеет сварить.

— Хорошо, — согласился начальник отделения. — Мы проведем следственный эксперимент.

Эксперимент провели, Мишу отпустили. Все отделение после этого супа плевалось:

— Этим бы супом арестантов кормить, — говорили сердитые милиционеры. — Никто бы в милицию попадать не стал.

А Миша, счастливый, снова появился в студии. Правда, начальник отделения предупредил, что вся милиция будет за Мишей по телевизору приглядывать.

Марина Рубинова ждала профессора Чайникова на лекцию.

— Все виды обуви наш профессор уже перепробовал, — говорила она. — Интересно, в чем он придет в этот раз?

— Я думаю, он придет на лыжах, — предположил Миша Кувалдин. Профессор пришел в болотных сапогах.

— На чем мы остановились в прошлый раз? — спросил он у Миши.

— Мы тапочек в окно выбросили.

— И это все?
— Нет, еще расческу.
— А что вы поняли из радиотехники? — не отставал профессор.
— Что в электронной лампе полно электрончиков. И она их усиливает, — сказала Марина Рубинова.
— А как? — интересовался профессор.
— Наверное, она их хорошо кормит, — предположил Миша.
Профессор схватился за голову.
— Караул!
Марина Рубинова поспешила отвлечь его:
— Профессор, — сказала она, — пришло много писем. Давайте мы их посмотрим.

Профессор стал вскрывать письма. До начала эфира было еще полчаса. Первое письмо было такое:

«Дорогой профессор. Мне очень понравилась последняя лекция про радиоволны. Я так смеялась, когда вы уехали под потолок. Я тоже хочу научно прыгать на батуте. Я с удовольствием прослушаю эту лекцию еще раз. Юля, семь лет».

Второе было не лучше:

«Дарагой прахфессор Чайников!

Меня зовут Коля. Я живу хорошо. Моя мама сказала мне, чтобы я всегда слушал ваши научные лекции. И тогда я пойму наконец, как некрасиво вытирать нос рукавом. Может быть, я еще немного поумнею и не буду нажимать в лифте все кнопки одновременно. Мне очень понравилось вращательное движение, когда все бегают и все падают. Скажите, пожалуйста, мне по телевизору, где можно купить электрончиков? Потому что у меня есть пустой аквариум. Только, пожалуйста, не откладывайте, а то я поеду в санаторий во вторую смену».

Третье письмо было даже немного сердитое:

«Товарищ Чайников!

Давайте с батутов спускаться на землю. При чем тут прыг-скоки, если мы говорим о радиоволнах и человечках из телевизора? С нетерпением жду радиоволн. Начальник отдела образования Районного Отдела Образования Каблукова М. Ф. и ее дочка Мила».

— Спасибо, — сказал профессор Чайников Марине. — Остальные письма я прочитаю дома. Много их?

— Два грузовика, — ответила Марина.

— Это невозможно! — поразился профессор. — Такой интерес к моим лекциям! Такая тяга к знаниям! И чем, в основном, интересуются юные телезрители?

— В основном они интересуются, где можно купить электрончиков

Коля

или хотя бы батут? Потом они интересуются, из чего можно делать увеличительную жидкость. Просят прислать чертежи увеличительного аппарата.

— Вот что, — сухо сказал телевизионный ученый. — Не нужны нам эти письма. Один грузовик отправьте в Министерство торговли, а другой в Министерство милиции. Продолжаем занятия!

Он взял мел и нарисовал на движущейся доске такую схему:

— Дорогие товарищи телезрители! Мы с вами занимались колебаниями низкой частоты — прыганием на батуте. Многие из вас освоили этот вид колебаний и даже собираются приобретать батуты. Сейчас я расскажу вам про другой вид колебаний. Я расскажу вам о колебаниях высокой частоты. Вот перед вами такой колебатель. То есть колебательный генератор. То есть генератор колебаний высокой частоты.

Профессор с удовольствием посмотрел на свой кривоватый рисунок.

— Он состоит из электронной лампы, двух катушек, двух источников питания, конденсатора С и выключателя В.

— А что это за крышки от кастрюль в середине? — спросила Марина Рубинова.

— Это не крышки от кастрюль, — хмуро ответил профессор Чайников.

— Это музыкальные литавры для оркестра, — догадался Миша Кувалдин.

— Да ничего подобного! — закричал профессор, — Какие еще литавры? Кому это в нашей схеме оркестр понадобится?

— Электрончикам! — быстро ответил Миша.

— Зачем?

— По радио музыку передавать.

— Это обыкновенный конденсатор! — взревел профессор Чайников, как раненый малогабаритный мамонт. — Слушайте меня и понимайте!

Профессор кричал так громко, что ничего не было понятно.

— Что он сказал? — спросил студийный механик-электрик.

— Он сказал: «Слушайте меня и поднимайте».

Механик немедленно нажал кнопку, и часть сцены под профессором поехала вверх, выше и выше. Профессор сразу стал похож на типичный привокзальный памятник. Это ему понравилось, и он очень значительно стал говорить:

— Возьмем нижнюю часть рисунка. Как только мы нажмем на выключатель В, ток из аккумулятора* побежит к катоду. Как показано на рисунке стрелками.

— А почему ток побежит? — спросила Марина Рубинова.

— Потому что он стрелок боится, — растолковал Миша. — Стрелки могут попасть в электрончиков.

— Да ничего подобного! — возразил профессор. — Ток пойдет из-за электродвижущей силы. Если говорить по-сказочному, из-за балбеса Э. Дзэса.

— И что будет дальше? — спросила Марина.

— Дальше, дорогие телезрители, — ответил профессор Чайников, — поток электронов с разогретого катода через сетку устремляется к аноду. Понятно?

— Чего уж тут не понять? — удивился Миша Кувалдин. — Яснее ясного. Этот катод — как разогретая сковородка. Вот электрончики и сыпятся с него во все стороны, как блохи с собачьего хвоста.

Профессор Чайников задумался над этим ярким сравнением, но в научный спор с Мишей втягиваться не стал. Он никогда не видел, как блохи сыпятся с разогретого собачьего хвоста. Он просто стал объяснять дальше:

— Как только электрончики долетят до катода, они немедленно побегут по проводам дальше. И сразу же попадут в колебательный контур.

— А что это такое?

* Аккумулятор — это такая батарейка, усиленная в сто раз.

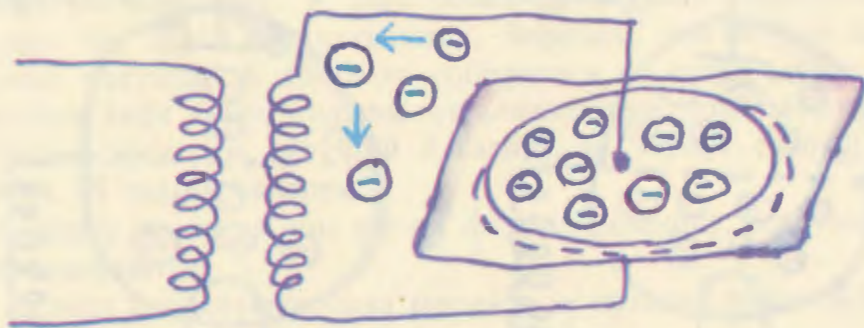
— Это параллельное соединение конденсатора и катушки. Если в схеме имеется такое соединение, электрончики всегда запутываются в нем и долго мотаются между конденсатором и катушкой. Я уже рассказывал вам об этом.

— Напомните, — попросила Марина Рубинова. — Почему они мотаются?

— Когда на пути электронов встречается колебательный контур, электрончики сначала бегут в сторону конденсатора. Там они собираются на одной пластине конденсатора, на одной литавре, как говорит наш младший научный сотрудник Миша, и тянут руки к иончикам, которые гуляют на другом берегу. Они кричат: «Привет, иончики!». Иончики кричат им в ответ: «Привет, электрончики!». Но перепрыгнуть с одной пластины на другую не могут. Хотя расстояние там крошечное.

— Ну а это-то почему? — спросил потрясенный научный сотрудник Миша. И вся милиция, которая не сводила с него глаз, тоже напряглась в ожидании ответа.

— Потому что между пластинами конденсатора есть изолирующая пленка. Она не позволяет электрончикам встретиться с иончиками.

— И что же они тогда делают? — спросил Миша.

— Тогда электрончики кричат: «Айда, ребята, через катушку!». И они все как один бегут через катушку. Понятно?

— Понятно, — ответил Миша.

— Вот они побежали через катушку, и катушка начала их запутывать в своих проводах. У них силы кончились продираться через катушку. Самый первый шустрый электрончик снова кричит: «Айда, ребята, через конденсатор!». Так они и начинают мотаться по проводам туда-сюда, туда-сюда. Помните эксперимент около Останкинского пруда?

Для иллюстрации Чайников немного побегал по своему постаменту как электрончик.

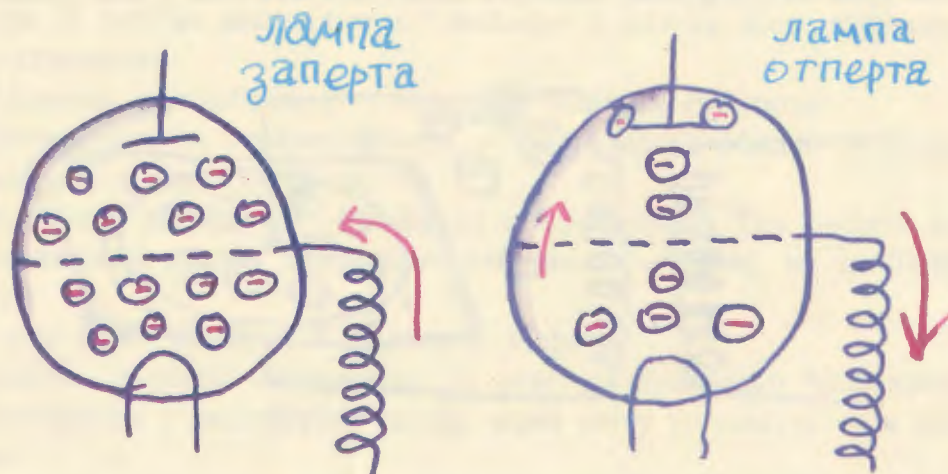
— А когда ток в катушке меняется, усиливается или уменьшается, вокруг нее возникает магнитное поле. Это магнитное поле толкает электрончики в соседней катушке. Поэтому соседние электрончики тоже начинают мотаться во все стороны. Они то набегут всей волной на сетку электронной лампы, то все как один с сетки ускачут, и там остаются только няни-иончики. Понятно? Поэтому в электронной лампе то идет ток, то лампа запирается, и тока нет. То есть происходят постоянные колебания. Понятно?

— Немного, — ответила Марина Рубинова.

— Тогда мы делаем следующий шаг, — сказал профессор Чайников и шагнул со своего постаменты прямо на Мишу Кувалдина.

Миша Кувалдин побегал по аудитории с профессором Чайниковым, стоящим у него на голове, и вернулся к площадке. И профессор продолжил:

— Сетка то закрывает путь электронам от катода к аноду, то снова открывает. Смотрите рисунок.

— Поэтому в электронной лампе ток то идет, то есть электроны из всех сил летят от анода к катоду, то не идет, то есть лампа запирается. И эти колебания очень быстрые. Вам все ясно?

— Почти, — ответил Миша Кувалдин, потирая голову и плечи. — Но у меня есть сомнения.

— А у меня вопрос, — сказала Марина Рубинова.

— Начнем с сомнений, — сказал профессор. — В чем вы сомневаетесь?

— В том, что в лампу можно запихнуть замок.

— А зачем это надо в лампу запихивать замок?

— Чтобы запирать сетку.

— Это только так говорится — «лампа запирается». А на самом деле просто электроны, которых много прибежало на сетку, не дают через сетку пролетать электронам, которые летят от анода к катоду. Не пропускают их.

— Вот у меня вопрос как раз в связи с этим, — вмешалась Марина Рубинова. — А что, есть разные виды электронов: электроны-«китайчики» и электроны-«малайчики», электроны-«кошки» и электроны-«собачки»? Электроны аккумуляторные и электроны батарейчиковые?

— Почему вы так решили?

— Потому что они между собой не ладят. Одни не пропускают других.

— Какое противное замечание, — сказал профессор Чайников.

— Почему?

— Придется долго объяснять.

— Может, тогда не надо, — предложила Марина Рубинова.

Теперь уже удивился профессор:

— Почему?

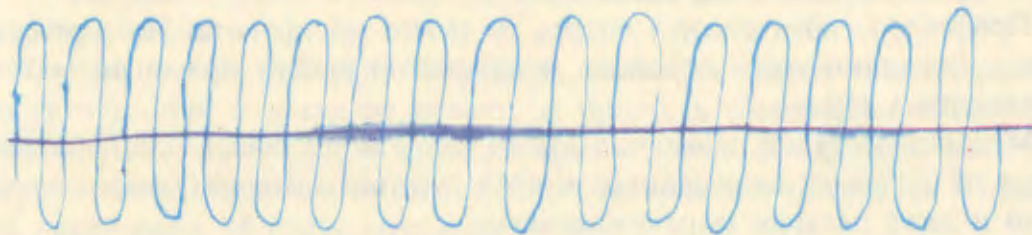
— Придется долго понимать.

— Нет, уж слушайте. У электронов есть такая особенность: они всегда друг от друга отталкиваются. Впрочем, как и все одинаково заряженные частицы. А когда их собирается на сетке много, они создают вокруг себя такое сильное отталкивающее, отрицательное поле, что ни один электрон, летящий к катоду, не может сквозь это поле прорваться. И лампа заперта.

— А почему же тогда они все на сетке собираются, если они друг от друга отталкиваются.

— А их туда катушка-вертушка загоняет, — пояснил Миша Кувалдин. — Самоиндукция. Или балбес Э. Дээс.

— Правильно, — согласился профессор Чайников с этим почти научным аргументом Миши. — Таким образом получается, что лампа то открыта, то закрыта. И ток то идет, то не идет. Образуются очень частые колебания. Если мы захотим нарисовать график этих колебаний, он будет выглядеть так.

— Чем эти колебания отличаются от батутных? — спросил профессор Мишу Кувалдина.

— Те колебания похожи на волны, а эти на гребешок.

— Правильно, Миша. Эти колебания очень высокой частоты.

Тут зазвонил телефон. Это был Фома Неверующий. Он сказал:

— Ха-ха-ха, товарищ профессор!

— Почему ха-ха-ха?

— Потому что у вас на графике колебания бывают положительными и отрицательными. То есть они идут в одну сторону, а потом в другую, в противоположную. То вверх, то вниз. Правильно?

— Правильно.

— А это неправильно. Вы же сами сказали, что ток через лампу идет только в одну сторону. У вас должны быть не колебания, а скакания. Только туда, туда, туда и снова туда. Никаких вниз, только вверх, никаких назад, только вперед. Ток проходит через лампу порциями только в одну сторону. Ту-ту-ту-ту.

И непонятно было: то ли он иллюстрировал свою мысль этими «ту-ту-ту», то ли просто повесил трубку, и она уже сама сказала «ту-ту-ту-ту».

— А ведь он прав! — с горечью заметил профессор. Потому что он не любил ошибаться. — Этот график и в самом деле должен выглядеть вот так:

— Итак, — продолжил профессор, — лампа то открывается, то закрывается. Эти открывания и закрывания идут с бешеной скоростью и называются они колебаниями высокой частоты. Вам все понятно?

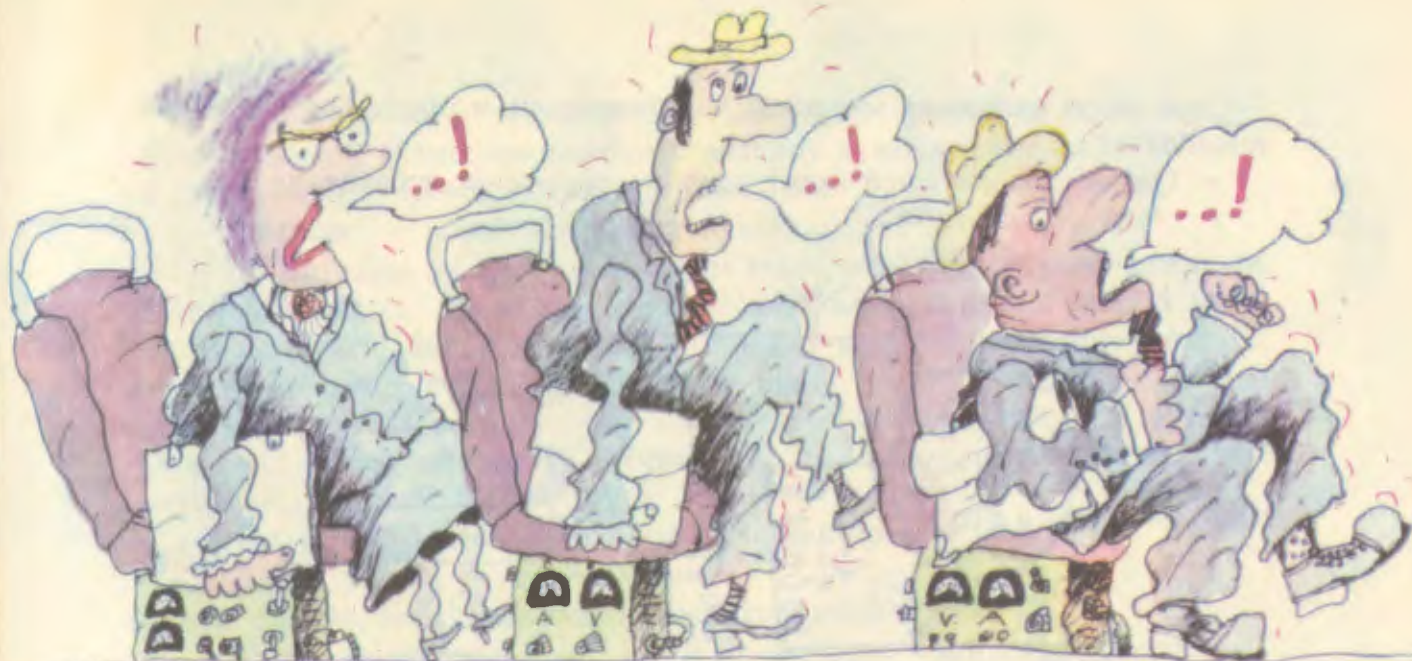
— Все, — ответил Миша Кувалдин.

— Тогда делаем следующий шаг.

Профессор снова шагнул вперед со своего пюпитра. Но в этот раз Миша Кувалдин успел убежать, и профессор рухнул прямо на механика-электрика студии.

Механик-электрик не ожидал такого падения на себя. Он сильно хлопнулся об пол и от неожиданности стал ругаться самыми ужасными словами и даже целыми выражениями.

Он кричал, а телезрители ничего не слышали. И знаете почему? Сработало особое противоругательное устройство профессора Чайникова. Сгорели специальные противоругательные предохранители.

Еще много лет назад, когда профессор Чайников еще не был профессором, а был младшим научным сотрудником, проблема ругания в общественных местах его сильно занимала. В одном троллейбусе он даже сделал такие противоругательные сиденья. Если человек ругался, сидя на таком сиденье, его немедленно било током.

И вот приемная комиссия села в эти сиденья. Председатель говорит для пробы:

— Черт побери! Руководители центрального комитета нашего парка сплошные идиоты! А младший научный сотрудник Чайников дурак!

Его как трахнет током. Он как заорет:

— Гады! Собаки! Дармоеды!

Его еще больше как трахнет. Он еще пуще кричать:

— Черт побери!

Другие члены комиссии стали его от сиденья отдирать. А их самих как трахнет. Они тоже как закричат:

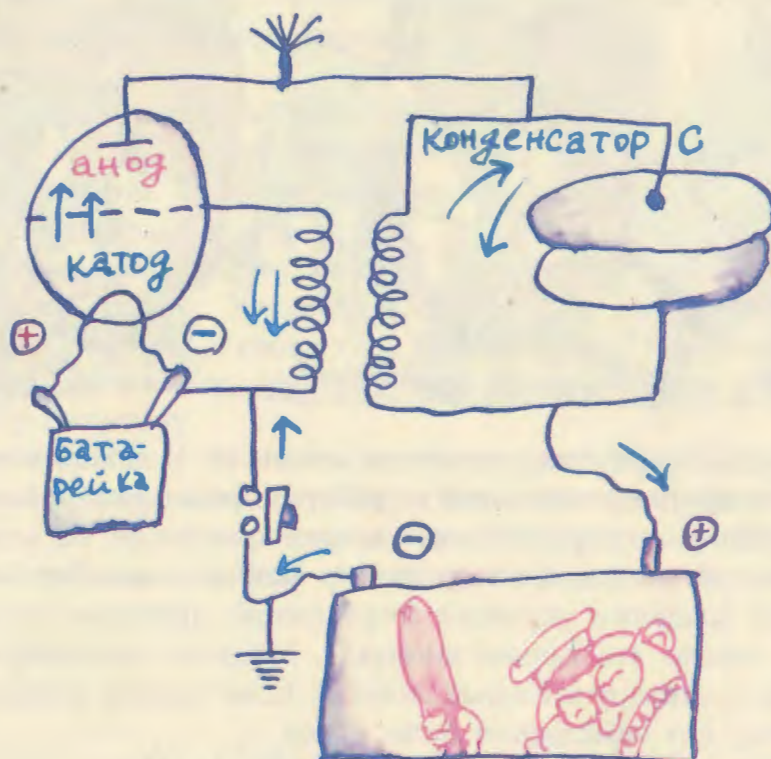
— Чайников дурак! Троллейбус идиотский! Всех изобретателей — на помойку!

Им током еще добавило. В общем, комиссия такого там накричала, что ее чуть-чуть под суд не отдали за ругань в общественном месте. А профессор Чайников после этого изобрел плавкие антиругательные предохранители. Они током никого не били, но если кто-то ругался в студии, они перегорали. И сразу выключался звук.

Звук скоро наладили, механика перебинтовали, и профессор Чайников продолжил:

— Сейчас мы к нашей схеме сделаем некоторые добавления.

Кисточка
для
бритья

— А что это за веничек такой? — спросила Марина Рубинова. — И еще щетка. Зачем они?

— Это вовсе не веничек! — закричал профессор. — И не щетка!

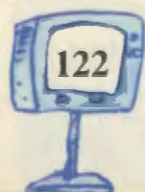
— Это кисточка для бритья! — объяснил Миша Кувалдин. — И лопаточка.

— Какая еще кисточка? — поразился профессор. — Какая еще лопаточка? Кого это вы брить собираетесь? И закапывать?

— Балбеса Э. Дзэса, — смело объяснил Миша Кувалдин. — Чтобы электрончиков не пугал.

— И что же вы, сначала будет его брить, а потом закапывать или наоборот?

Миша Кувалдин всерьез и надолго задумался над этой ученой проблемой. Получалась какая-то чрезвычайно путаная научная тайна. И так, и так было неправильно. И Миша честно признался, что он не знает, что надо делать сначала, а что потом.

— Это антенна и заземление! — объяснил профессор Чайников. — Если к нашей схеме присоединить антенну и заземление, то колебания в схеме начнут превращаться в радиоволны.

— Это как? — поразился Миша Кувалдин.

— От антенны во все стороны идет такое кольцо электрического поля. Оно расширяется, расширяется, как кольцо дыма, и потом тает. А когда оно тает и исчезает, вокруг него возникают кольца магнитного поля.

— Профессор, — сказал Миша Кувалдин, — я не очень понял про кольца и поля. Поле — оно плоское, на нем картошка растет или трава. А кольцо — оно круглое. И как это поле к кольцам переходит? Его что, завивают, что ли?

— Вы курите? — спросил профессор Чайников.

— Курю. Только папе не говорите.

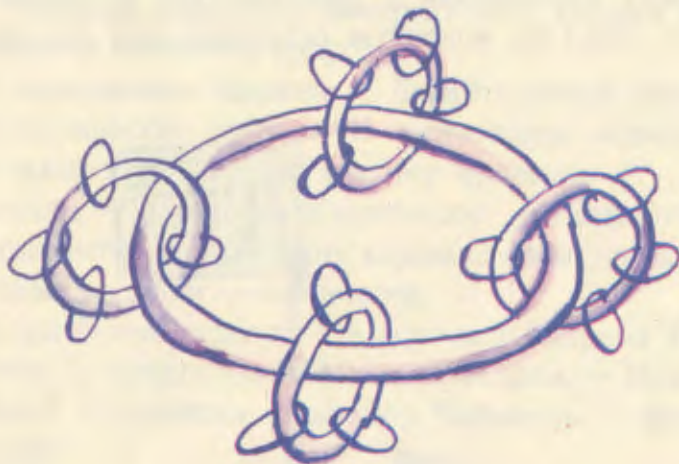
— Хорошо, не скажу. Умеете пускать кольца?

— Умею, — ответил Миша. — Я по кольцам чемпион подъезда.

— Пожалуйста, пустите большое кольцо.

Миша достал из кармана сигару, закурил и выпустил изо рта огромное дымовое колечко, размером с шину от мотоцикла. Кольцо крутилось, клубилось, растягивалось и бледнело.

— Видите! — кричал профессор Чайников. — Когда такое кольцо исчезает, вокруг него появляется большое количество мелких колец. Но эти кольца уже магнитные. Рисую.

— А когда расширяются и исчезают магнитные кольца, вокруг них снова образуются электрические. И таким образом эти электромагнитные колебания летят по белу свету.

— А ночью? — спросил Миша.
— По черному свету, — ответил профессор.
— Теперь все всё поняли? — обратился он к окружающим.
— Нет, не всё и не все, — ответил один человек в брезентовом костюме. — Я, например, не понял, почему вы курите в студии. Я — пожарный.

— Никто и не курит, — ответил профессор.
— А это что? — спросил пожарный про кольцо под потолком. — А это что? — спросил он про сигару в руках у Миши.

— Это научный опыт, — ответил профессор. — Вы видите, как кольцо исчезает буквально у вас на глазах. Это демонстрация перехода электрического поля в магнитное.

— У вас есть три рубля? — спросил пожарный у Миши.

— Есть, — ответил Миша.

— Давайте сюда.

Миша дал пожарному три рубля. Пожарный убрал их в карман и сказал:

— Вы видите, как исчезают три рубля буквально у вас на глазах? Это демонстрация перехода трех рублей из частного владения в государственное. Это штраф. И чтоб больше не курили.

На этом электромагнитные опыты на сегодня закончились.

А как же болотные сапоги профессора Чайникова? А никак. Когда он вылезал из троллейбуса по дороге домой, ему зажало ногу. Профессор немного попрыгал наперегонки с троллейбусом, а потом вырвался из сапога. И сапог уехал на конечную остановку сам по себе, без своего владельца.

Небольшой перерыв перед восьмой лекцией

Когда профессор Чайников, Миша Кувалдин и Марина сидели в буфете и пили чай, профессор Чайников сказал:

— Я что-то устал от повышенной научности. Мне очень хочется провести какой-нибудь практический эксперимент. Например, проверить точность измерения скорости радиоволн или скорости света. Или установить с точностью до сантиметра расстояние от Земли до Луны. Может быть, нам вместе с нашими дорогими телезрителями следует оторваться на минуту от экранов и выйти на природу?

— А что? — согласилась Марина. — Давайте завтра сделаем передачу «Практические физические опыты». И пусть наши телезрители, сидя у своих экранов, выйдут на вольный простор природы.

— Очень хорошо, — обрадовался профессор. — Тогда для завтрашнего опыта нам понадобится пушка, очень хорошие часы, по-научному говоря, хронометр, и двое ассистентов-свидетелей.

— А в кого мы будем стрелять? — спросила Марина Рубинова.

— В хронометр, — предположил Миша Кувалдин. — Или в свидетелей.

— Что за бред? — удивился профессор Чайников. — Зачем нам стрелять в свидетелей?

— Во всех кино стреляют в свидетелей, — объяснил Миша отсталому профессору. — Их убирают.

— Во всех кино убирают свидетелей преступления, а у нас преступления не будет. У нас будет эксперимент.

— Жалко, — вздохнул Миша.

— Но где же я возьму пушку? — спросила Марина Рубинова. — У нас на телевидении нет пушек.

— А вот и ошибаетесь, — возразил профессор Чайников. — У вас на телевидении сколько хочешь пушек. Возьмите передачу «Служу Советскому Союзу», там все время стреляют и ходят в атаку.

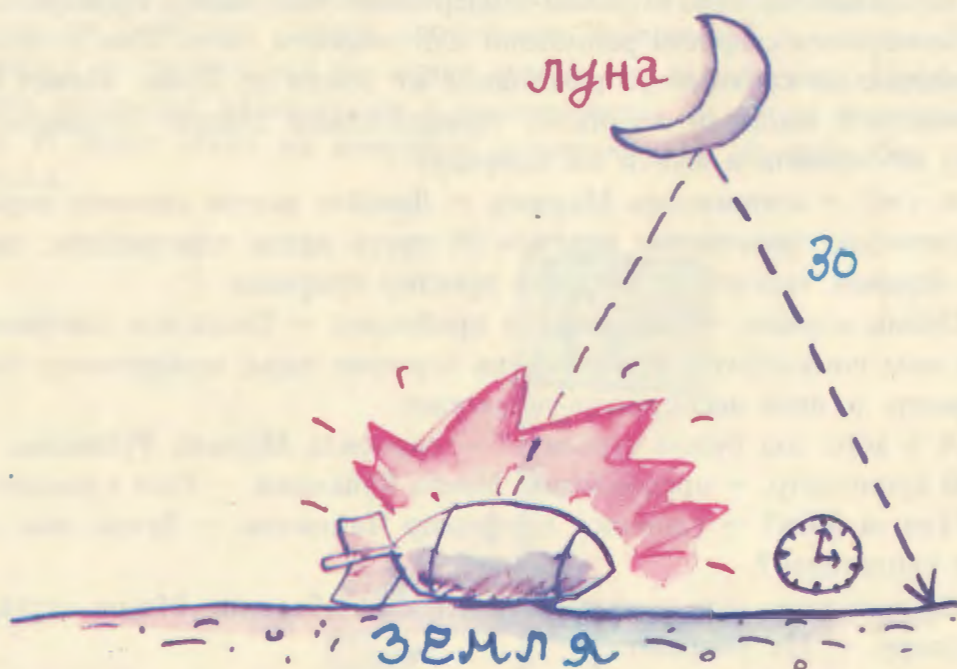
— Да, — возразила Марина Рубинова. — Там все время ходят в атаку, потому что там кино показывают. А по-настоящему не ходят.

— Не можете добыть пушку, — смягчился профессор Чайников, — достаньте небольшую бомбу.

— Хорошо, — согласилась Марина, — я попробую. Но только вы объясните мне, зачем нам нужна пушка или бомба?

— Чтобы произвести сильный звуковой удар. — Профессор положил в стакан кусочек мела и стал тщательно его размешивать. — Мы делаем выстрел или взрываем бомбу и включаем секундомер. Звуковая волна с большой скоростью мчится к Луне. Когда звук наконец достигнет Луны, он ударится о нее и помчится обратно. Мы этот звук снова услышим и выключим часы. Таким образом мы будем знать время, за которое звук долетел до Луны и снова вернулся к нам.

Профессор схватил кусочек сахара и помчался в студию к движущейся доске. Он подошел к доске и с трудом нацарапал такую картинку.

Марина посмотрела на нее и сказала:

— Ой, какая рыбка!

— Это не рыбка, — объяснил профессор Чайников. — Это бомба. Ее мы будем взрывать. А это траектория полета звука.

— А зачем это нам все это нужно? — спросил Миша Кувалдин. — Зачем нам нужно знать время, за которое звук вернулся к нам?

— Затем. Когда мы умножим скорость, с которой летит звук, на количество секунд, которое он летал, мы узнаем расстояние от Луны до Земли.

— А как мы узнаем скорость звука? — спросил Миша Кувалдин.

— Очень просто, — ответила за профессора Марина Рубинова. — Когда мы узнаем расстояние от Земли до Луны, мы поделим его на то время, которое звук был в пути, и узнаем его скорость.

— Не будем мы ничего ни на что делить. Скорость звука и так хорошо известна. Она равна 330 метрам в секунду.

После этого профессор, Марина и Миша Кувалдин разошлись по своим делам. Марина пошла добывать бомбу, профессор — получать почту, а Миша Кувалдин пошел в видеосалон смотреть новую кинокартину «Свидетелей убирают в полночь».

Марине Рубиновой очень повезло. В телевизионной передаче «Служу Советскому Союзу» ей сказали, что на хуторе близ Диканьки найдена неразорвавшаяся бомба весом около пяти килограмм. И что бомбу решено срочно взорвать. И сейчас группа военных выясняет — останется только что-нибудь от Диканьки после взрыва или нет. Может быть, лучше перед взрывом перенести Диканьку на новое место? Потому что бомбу переносить нельзя. От первого прикосновения она взорвется и разнесет в клочки того, кто до нее дотронулся.

Как раз в это время в «Служу Советскому Союзу» зазвонил телефон и военные товарищи сообщили, что по их расчетам бомбу можно взрывать. Ни с Диканькой, ни с хутором ничего не случится. Потому что их строили давно и они очень крепкие. Правда, может рухнуть районный город Светлогорск, но ветер сейчас дует в сторону, противоположную взрывной волне, и это уменьшит силу взрыва. Так что надо немедленно ехать и взрывать.

Марина заказала студийную телемашину, вызвала профессора Чайникова и Мишу, и вся телегруппа поехала на свежую природу.

Утра... утра... утро на хуторе близ Диканьки

Профессор очень беспокоился, что не будет Луны. Что она спрячется за облаками или вообще уйдет за горизонт. Но все было в порядке. Луна сверкала как начищенная, и в небе, кроме нее, ничего не было. Ни облачка, ни пол-облачка. Ни вороны, ни спутника.

Профессора и всю группу запихнули в окоп. Они даже не успели осмотреть окрестности.

Ярко-красные провода шли от бомбы в окоп к темно-зеленому полковнику. В руках у полковника было что-то очень похожее на ручную кофемолку.

— Что мы будем делать? — спросила Марина Рубинова.

— Сейчас мы будем перерезать ленточку, — ответил всезнающий Миша.

Но ленточку никто не перерезал. Полковник крутанул ручку кофемолки, и раздался такой грохот, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Окоп приподняло и перенесло на два метра в сторону. Сверху посыпались песок и камни, и жутко запахло газом.

— Прорвало газопровод «Дружба», — сказал Миша Кувалдин.

— Ничего подобного, — объяснил полковник с кофемолкой. — Это пороховые газы.

Вдруг раздался еще один жуткий грохот.

— Это рухнул Светлогорск, — предположил Чайников.

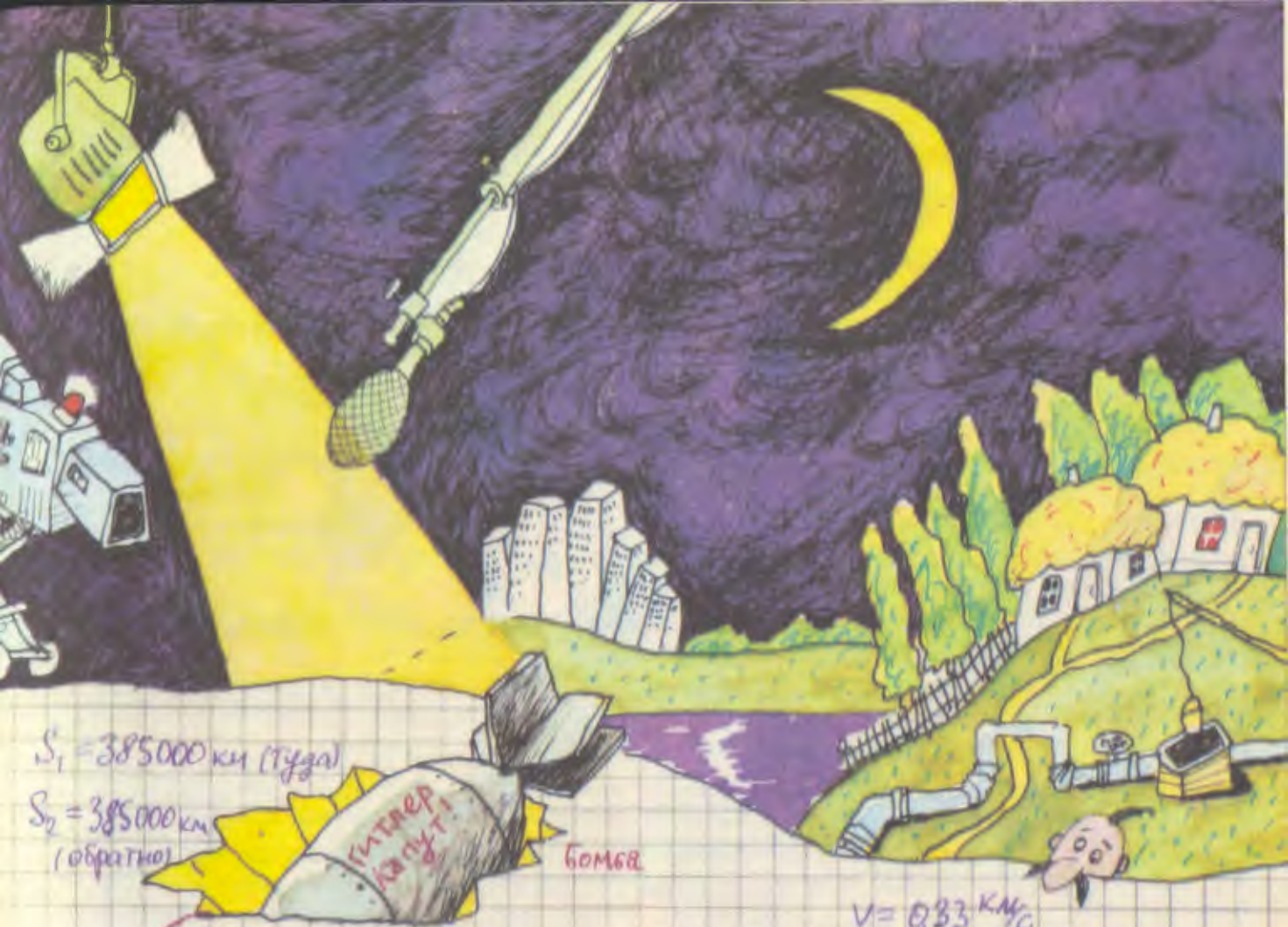
— Нет, — ответил полковник. — Это эхо.

— От Луны? — спросила Марина Рубинова.

— От стен Светлогорска.

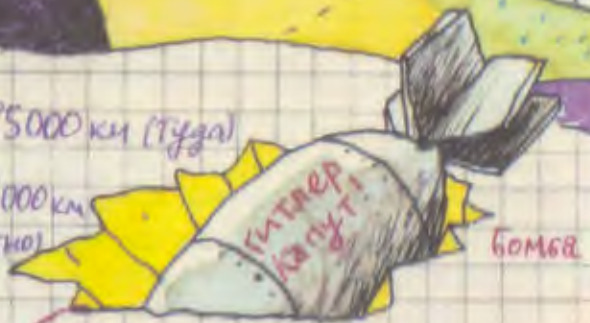
русская
бомба
взорвалась

$$S_1 = 385000 \text{ км (туда)}$$

$$S_2 = 385000 \text{ км (обратно)}$$

$$S = S_1 + S_2 = 385000 + 385000 = 770000 \text{ км}$$

$$V = 0.33 \text{ км/с}$$

$$t = \frac{S}{V} = \frac{770000}{0.33} = 2333333 \text{ с}$$

$$t \approx 27 \text{ суток}$$

— А когда будет от Луны?

— От Луны будет через месяц, — ответил профессор Чайников. — А точнее — через двадцать шесть с чем-то суток.

— Откуда вы знаете? — спросил Миша Кувалдин.

— Я проводил прикидочные расчеты. Примерное расстояние от Земли до Луны триста восемьдесят пять тысяч километров. Столько же обратно. Значит, звук должен пролететь семьсот семьдесят тысяч километров. Скорость звука в воздухе 330 метров в секунду. То есть 0,330 километра в час. Если вы поделите это расстояние на эту скорость, вы получите время, которое будет летать звук туда и обратно. Получается приблизительно двадцать шесть суток.

— Но ведь Луна не стоит на месте, — вмешался полковник с кофемолкой. — Она вращается вокруг Земли. Что же ваш звук так и будет за ней бегать?

— Но и Земля не стоит на месте, — отпарировал профессор Чайников. — Она вращается вокруг себя.

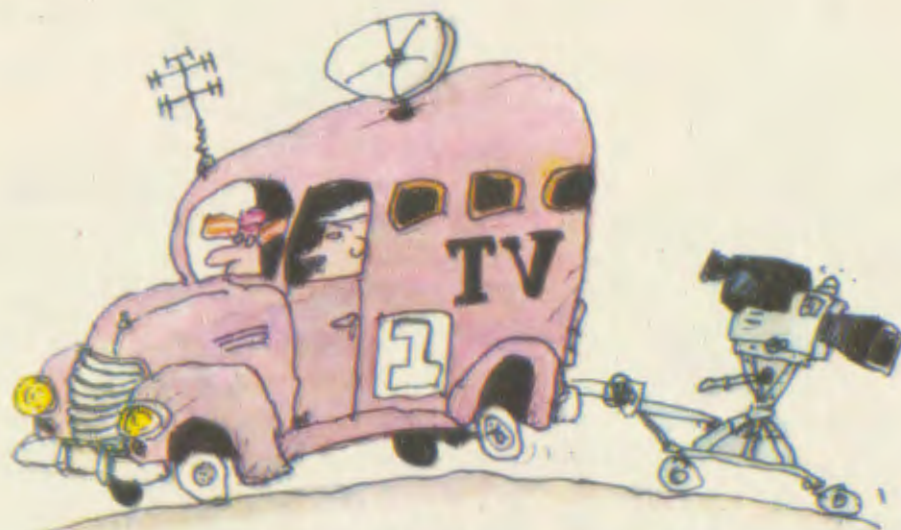
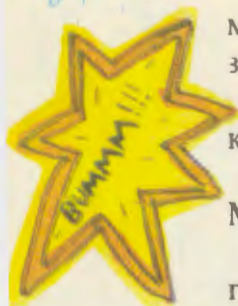
— В конце-то концов, если надо, наш звук побегает, — сурово произнес Миша Кувалдин и этим закончил научную дискуссию.

— Мы вернемся сюда через двадцать шесть суток, — гордо сказал профессор Чайников. — Можете приехать вместе с нами. И тогда сами во всем убедитесь.

Группа профессора Чайникова села в телевизионную машину и вернулась на ЦТ. Все произошло с такой скоростью, что телеоператоры практически ничего не сумели заснять на видеопленку.

Но, может быть, это было к лучшему.

Немецкая
бомба
взорвалась

Прием электромагнитных волн

Следующий рабочий день профессора начался с разбора писем и посылок. Одна посылка была с обувью. В ней лежали меховые унты. В посылке было письмо:

«Дорогой профессор! Вы все время приходите в новых ботинках. Очевидно, у вас нескончаемая коллекция обувных изделий.

Посылаю Вам нанайские народные ботинки — унты. Берегите их, смазывайте рыбьим жиром и прогоняйте из них моль.

Учительница Тимурова-Тамерланова».

Профессор Чайников немедленно снял с ноги футбольные бутсы своего сына и всунул ногу в нанайские народные унты. Вдруг он закричал:

— Караул! — и буквально выпрыгнул из унта. А вслед за ним оттуда выпрыгнула маленькая мышка. Она была перепугана не меньше, чем профессор Чайников, и не знала, куда деться.

Она побежала искать спасение у Марины Рубиновой.

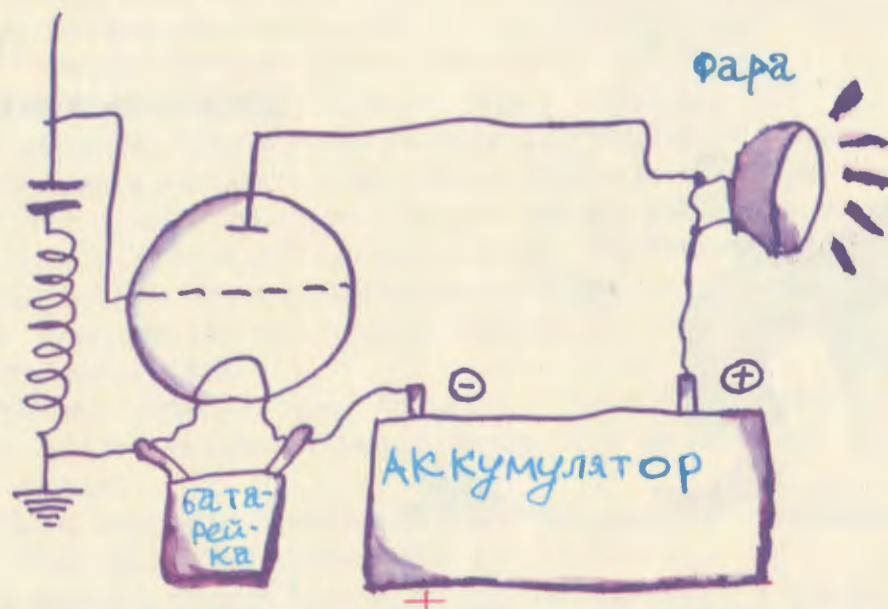
Как только она подбежала к Марине, Марина каким-то чудом взлетела на осветительный фонарь. Вниз посыпалось небольшое количество мышкового электричества. Тогда мышка юркнула в кучу одежды и сумок, лежащую в углу студии, и затихла.

Профессор начал лекцию:

— Уважаемые зрители! Дорогие студенты экрана. Колебания электрических и магнитных полей распространяются во все стороны с невероятной скоростью. Практически со скоростью света. Теперь их можно поймать в любом конце страны и усилить. Для этого служат приемная антенна и усилитель. Рисую.

Профессор нарисовал такую схему на движущейся доске:

— Колебания прилетают сюда, к антенне. Колебания — это меняющиеся магнитное и электрическое поля. А раз в катушке меняется электрическое поле, по катушке течет слабый электрический ток. То есть начинают бегать туда и сюда электрончики. И что получится?

Марина Рубинова к этому времени съехала со стойки фонаря. Она сказала:

— Электрончики то будут прибегать на сетку лампы и закрывать ее, то будут с нее убегать.

— Правильно. А значит, они будут усиливать или уменьшать ток, идущий через лампу. Таким образом слабые-преслабые сигнальчики, приходящие издалека, раскачивают сильный-пресильный ток лампы.

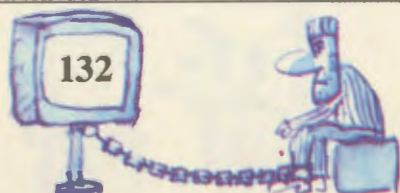
Сказав это, профессор стал раскланиваться, как артист на арене цирка, который сумел сделать блестящий трюк.

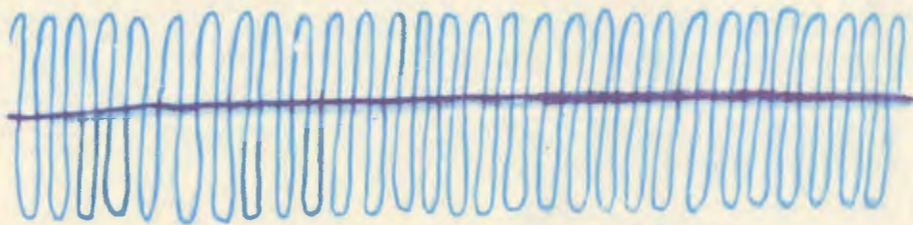
Тут зазвонил телефон. Звонил Фома Неверующий.

— Профессор, — сказал он, — вы убедили нас, что колебания высокой частоты могут летать далеко-далеко и что их можно принимать при помощи антенны. Но нам нужно передавать не колебания, а речь и музыку.

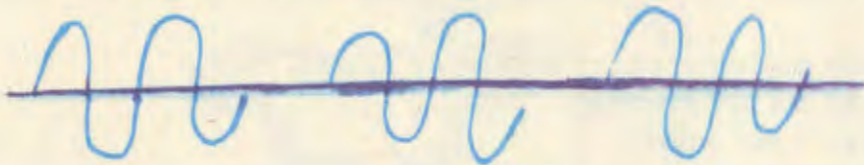
Профессор Чайников сразу перестал раскланиваться, и улыбка сползла с его лица на затылок. Он положил трубку и тихо сказал:

— А ведь он прав, этот противный тип. Я рассказал вам, дорогие товарищи телезрители, как летают по свету колебания высокой частоты. Вот такие колебания:

— А нам надо получить из приемника речь. То есть колебания низкой частоты. То есть медленные колебания. То есть вот такие:

— А медленные колебания по свету летать не могут. Поэтому я расскажу вам сейчас, как устроены микрофон и наушники.

— Ничего не понимаю, — сказала Марина Рубинова. — Почему по свету летят колебания высокой частоты? Почему из приемника летят колебания низкой частоты? И при чем здесь микрофон и наушники?

— Сейчас я вам все объясню, — сказал профессор. — Допустим вы, Марина, хотите спеть песню для Миши. А Миша находится от вас за три тысячи километров. Что вы будете делать?

— Буду петь по телефону.

— А если телефона нет?

— Пошлю ему посылку с кассетой?

— Очень хороший выход. А других способов вы не знаете?

— Нет.

— А есть самый простой способ — пропеть эту песню по радио. Рисую. Вот видите, это Марина.

— Марина поет. Ее голос выдает колебания низкой частоты. Они летят к передатчику. Передатчик преобразует их в колебания высокой частоты,

и они летят через леса и горы на расстояние три тысячи километров к Мише Кувалдину, который в это время героически ищет руду в горах Акатауя. Колебания высокой частоты попадают в приемник и вылетают оттуда колебаниями низкой частоты, то есть словами песни, которую поет Марина. И Миша счастлив.

— И вовсе нет.

— Почему? — удивился профессор.

— А почему это я ищу ерунду в горах атакуя?

— Не ерунду в горах атакуя, а руду в горах Акатауя. Так горы называются.

— Тогда другое дело, — успокоился Миша.

— Тогда вы все поняли?

— Тогда я все понял.

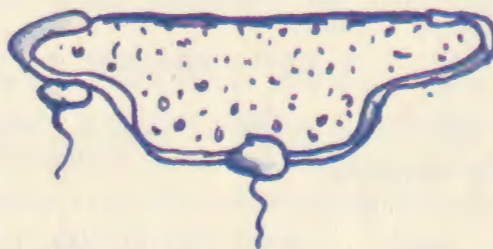
— А при чем здесь наушники? — спросила Марина.

— Наушники при приемнике. При всех приемниках бывают наушники, чтобы папы не ругались. Чтобы музыку можно было слушать тихо.

— Вы знаете, Миша, — сказал профессор Чайников. — Я не перестаю вами восхищаться. Сколько лет я вас знаю, вы все понимаете. Но самое интересное, что вы все понимаете неправильно.

— Правильно, неправильно, — пробурчал Миша, — подумаешь! Некоторые вообще никак не понимают.

— А теперь я делаю такой рисунок, — сказал профессор Чайников.

— Отгадайте, что это такое?

— Картина, — твердо сказал Миша Кувалдин. — «Воздушные шарики погружаются в тучу». Натюрморт.

— А другие версии у вас есть? — спросил профессор.

— Есть. Это картина «Гроза над демонстрацией».

— Почему?

— Потому что во время демонстрации всегда воздушные шарики носят и очень часто бывает гроза.

Профессор поморщился.

- А вы что думаете? — спросил он Марину.
- Мне кажется, этот рисунок необходимо дополнить. Можно?
- Пожалуйста, — разрешил профессор. — И что тогда выйдет?
- А вот что, — сказала Марина.
- Теперь этот рисунок называется «Моя собачка любит рисовый суп».

— Да ерунда! — закричал профессор Чайников. — Да даже ни капельки не собачка. Даже ни капельки, ни капли не рисовый суп! Товарищи телезрители, поймите — внутри нарисован порошок.

Сразу же зазвонил телефон. Это был Фома Неверующий.

— Я знаю. Я понял. Это шапка золотоискателя на золотоносном прииске, где плохо налажен производственный контроль.

Из глаз Чайникова опять покатились глицериновые слезы.

— Да нет. Это микрофон в разрезе. Обыкновенный микрофон. А внутри насыпан угольный порошок. Когда человек говорит в микрофон, угольный порошок то сжимается под действием колеблющейся мембраны, то разжимается. Понятно?

— Понятно, — ответил Миша Кувалдин. — А что здесь делают шарики?

— Это не шарики. Это контакты. К ним подведены провода. Когда электрончики бегут по этим проводам и вбегают в микрофон, то им то легко идти внутри, то трудно. Потому что порошок то плотно лежит, то неплотно. Поэтому ток через микрофон меняется в соответствии со звуковыми волнами изо рта человека. Вам все ясно?

— Все, — ответила Марина Рубинова. — А электрончиков там не засыпает углем?

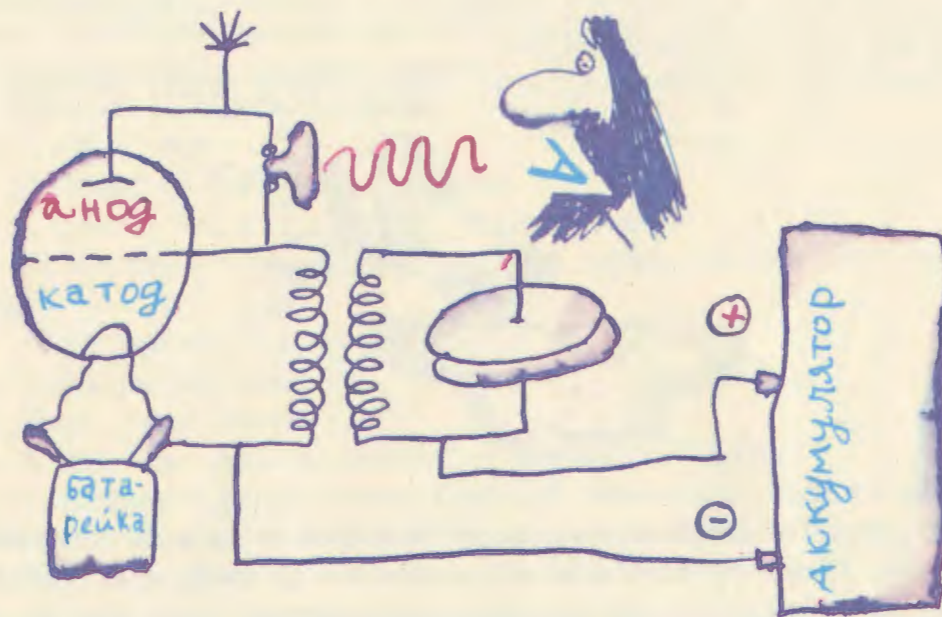
— Нет, наоборот. Чем сильнее сжат порошок, тем легче по нему бежать электрончикам. Вот смотрите. Вот у нас работает передатчик и дает в эфир колебания высокой частоты. Помните эту схему? Теперь мы включаем в нее микрофон и сажаем к микрофону Марину.

— Почему все время Марину? — обиделся Миша.

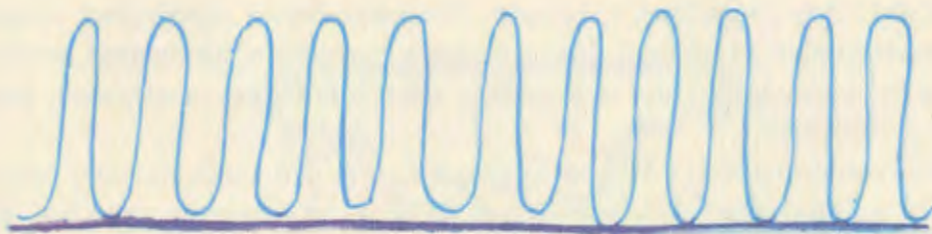
— Хорошо, сажаем Мишу. И он будет нам петь.

Профессор возобновил рисунок.

— У нас через лампу бегут вот такие колебания.

Буквы

А

— Они же бегут и через микрофон, через угольный порошок. Теперь Миша будет для нас петь букву «А».

Марина сразу повернулась к экрану и сказала:

— Прослушайте, пожалуйста, букву «А» в исполнении певца Миши Кувалдина.

Миша набрал полную грудь воздуха и заревел, как Шаляпин:

— А-А-А-А-А — пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам.

— Пешеходов нам не надо, — сказал профессор Чайников. — Только букву «А».

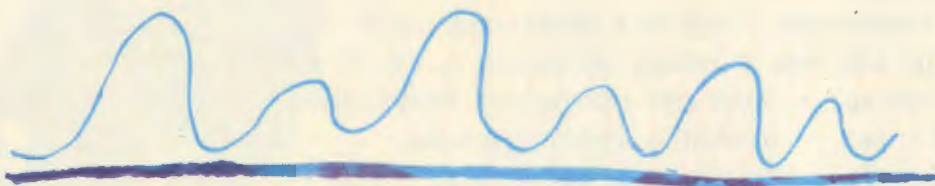
Миша снова запел:

А-А-А-А — пусть бегут неуклюже

А-А-А-А — по лужам

А-А-А — по асфальту рекой.

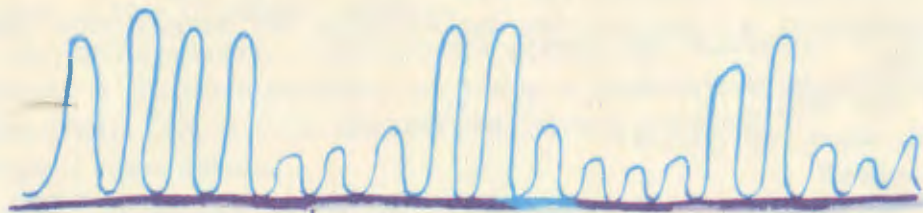
— Уже лучше, — сказал профессор Чайников. — Так вот, когда наш Миша поет «А-А-А», колеблется мембрана. Вот так:

— Порошок то сжимается, то разжимается. И электрончикам то легко бежать, то плохо. И получается так, что их частая беготня, частые колебания управляются нечастыми колебаниями мембраны микрофона.

— Профессор, — спросил Миша. — А почему колебания мембраны микрофона несчастные?

— Не несчастные, а нечастые. Такой процесс влияния одних колебаний на другие называется наложением колебаний. И теперь уже Мишино «А-А-А» при помощи высоких колебаний через антенну летит по всему белому свету. То есть получается, что мы редкие звуковые колебания рисуем частыми электронными.

— Товарищ профессор, — снова спросил Миша, — а зачем мы это делаем? Разве нельзя через антенну сразу пускать по белому свету низкие звуковые колебания? То есть мое «А-А-А»?

— Колебания низкой частоты, а по-другому звуковые колебания, плохо распространяются в пространстве. Еле-еле летают. А колебания высокой частоты чрезвычайно быстрые и шустрые.

— Давайте проведем эксперимент, — сказал профессор Чайников. — Мы сейчас выключим в студии все микрофоны, все электроприборы, создающие высокочастотные колебания. И все вместе будем после этого

кричать что-нибудь. Интересно, услышат нас телезрители хотя бы в ближайших домах или нет?

— Дорогие телезрители, — сказал профессор Чайников. — Мы сейчас начнем кричать во весь голос. И как только вы что-нибудь услышите, немедленно звоните нам в студию и говорите — что вы слышали.

Телеоператоры начали все выключать. Пока они все выключали, Марина спросила:

— Профессор, а что мы будем кричать?

— Да все, что в голову взбредет: А, О, У! КУ-КУ-КУ!

— Готово? — спросил профессор операторов.

— Готово, — ответили телеоператоры.

— Давай! — скомандовал профессор. И все, кто был в студии, заорали благим матом:

— А-А-А-А-А-А-А!

— О-О-О-О-О-О-О!

— И-И-И-И-И-И-И!

— КУ-КУ-КУ!

Но никто из радиослушателей не звонил и не говорил, что он слышал. Марина Рубинова так кричала, что от звуковых колебаний у нее слезла вся помада с губ и все румяна со щек. Она решила восстановить все это и полезла в кучу одежды искать свою сумку. И вот как раз в этот момент в студии раздался громкий нечеловеческий крик:

— Ой, мама!!!!!! Ой, мыши!!!!!!!!!!!!!!

Тут же зазвонил телефон. Это был Фома Неверующий:

— Профессор, я слышал, что вы кричали без всяких там ламп и колебаний.

— И что же?

— Ой, мама, ой, дышит!

— Почему?

— Я не знаю почему. Наверное, чья-то мама перестала дышать. А потом стала дышать снова. И вы очень обрадовались и закричали: «Ой, мама, ой, дышит!»

— Почти правильно, — неохотно согласился профессор Чайников, глядя на Марину.

— Эх, вы, — грустно сказал он ей. — Такой эксперимент испортили!

Наушники, диоды и другие радиоустройства

В этот день Марина Рубинова позвонила профессору Чайникову рано утром задолго до эфира.

— Товарищ профессор, вчера летучка была на телевидении. Нас обвиняют, что мы мало передач проводим на свежем воздухе. Какие у вас будут предложения?

Профессор подумал и сказал:

— Во время занятий откроем форточку.

— Профессор, я серьезно, — сказала Марина. — Может, мы выйдем на улицу и там проведем лекцию.

— Хорошая мысль, — согласился профессор Чайников. — Мы с наушниками и диодами выходим на улицу, а телезрители сидят дома перед телевизорами. Это и есть занятия на свежем воздухе?

Марина промолчала.

— Или мы предлагаем телезрителям взять телевизоры с собой и идти в парк. А там в каждом пеньке есть розетка для тока.

Марина опять промолчала. А потом придумала:

— Профессор, а может быть, им вынести телевизоры на балкон?

— Прекрасная мысль! — согласился профессор. — Чуть-чуть закапает дождик — сразу же произойдет короткое замыкание, и телевизор выйдет из строя, потому что сгорит целиком. Можно будет на нем еще и шашлыки поджарить. Целый пикник получится.

— Профессор, — взмолилась Марина, — но от нас же требуют.

— В общем, так! — сказал профессор. — Я, как всегда, буду проводить лекцию в студии! — И он грозно швырнул трубку на рычаг.

Трубка не ожидала такого действия в отношении себя. Она немедленно развалилась на две части. Из нее выпал маленький микрофон, о котором профессор говорил на своей лекции вчера, и небольшой наушник, о котором он собирался говорить сегодня.

«Какая жалость, что она не разбилась на прошлом занятии, — подумал профессор. — Телезрители сразу бы и увидели, как микрофон выглядит. А то „Шапка золотоискателя“, „Моя собачка любит рисовый суп“!»

Слава богу, на улице сильно похолодало. Профессор надел подарочные унты и отправился в студию. Свою лекцию он начал так:

— Дорогие телезрители, допустим, к нам с вами прилетели откуда-то высокочастотные радиоволны, то есть колебания. Но мы их с вами не можем слышать своими ушами. Они для нас сливаются в сплошной гул.

— Конечно, — согласился Миша Кувалдин. — Вот какие страны присылают к нам эти колебания: и Америка, и Канада, и Бибиси.

— И Америку, и Канаду я знаю, — сказал профессор Чайников. — А что это за страна такая Бибиси?

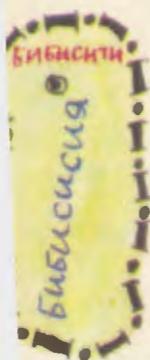
— Наверное, это сокращение, — предположил Миша Кувалдин. — А полностью будет Бибисисия.

— А что, — согласился профессор Чайников. — Есть Белоруссия, в ней живут белорусы. На папуасских островах живут папуасы. А в Бибисисии, безусловно, должны жить бибисисы.

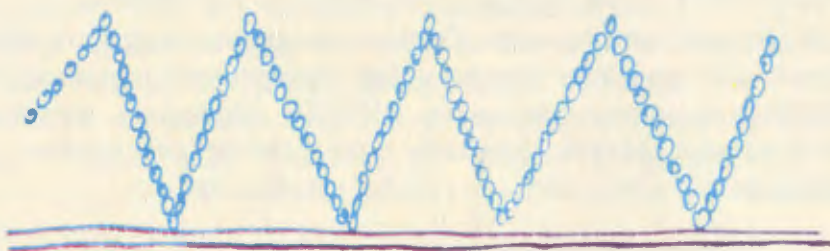
— Так вот, — продолжил он, — допустим, что из Бибисисии к нам прилетели медленные звуковые колебания, записанные быстрыми, высокочастотными колебаниями радиопередатчика. Помните, я рассказывал вам в прошлый раз, как это делается. Один высокопоставленный бибисис зовет нашего Мишу Кувалдина в гости.

— Профессор, — сказал Миша Кувалдин. — По правде говоря, я не очень-то понял, как это делается. Вернее, я все понял, как это делается, но я все понял неправильно. Вы сами тогда так сказали. А я бы хотел все понять правильно. Как эти колебания записываются?

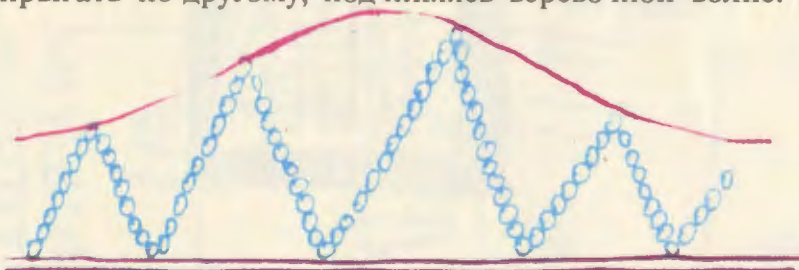
— Сейчас я попытаюсь объяснить это снова, — сказал профессор. —

Представьте себе длинную бетонную дорожку длиной в один километр. По ней прыгает миллион теннисных шариков. Они скачут и скачут куда-то вдаль между дорожкой и натянутой над ней веревкой. Вот так.

— А теперь мы берем и пускаем по веревке волну. И тогда шарики начинают прыгать по-другому, подчиняясь веревочной волне. Вот так.

— У вас есть вопросы?

— Есть, профессор, — сказал Миша Кувалдин. — Даже много — два.

— Отлично, — сказал профессор. — Я люблю, когда у человека есть вопросы. Это значит, что он умный. Какие же у вас вопросы.

— Первый: где можно взять столько шариков? И второй: почему они прыгают?

— Столько шариков можно взять на шариковой фабрике. А прыгают они чисто теоретически. Теперь вам понятно?

— Нет, непонятно.

— Что вам теперь непонятно?

— Почему они прыгают теоретически? Что их заставляет прыгать?

— Предположим, что бетонная дорожка постепенно раскаляется, и поэтому шарики начинают скакать. Теперь есть вопросы?

— Есть. И еще больше. А почему дорожка раскаляется?

— Потому что по ней пустили ток.

— Но ведь всех прохожих будет дергать! — поразился Миша.

— Каких прохожих? — удивился профессор Чайников.

— Которые по этой дорожке ходят.

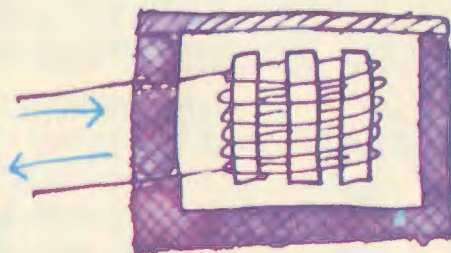
— По этой дорожке никакие прохожие не ходят, — стал подводить итоги профессор Чайников. — Потому что она теоретическая. У вас есть еще вопросы?

- Есть, — ответил Миша.
- Вот и оставьте их при себе.
- Почему?
- Потому что у меня больше нет ответов. Кончились.

Миша Кувалдин опечалился. Сильно, но ненадолго. Потому что профессор нарисовал какую-то чрезвычайно интересную картинку, как будто бы в БЕЛОЙ кастрюльке варились СИНИЕ макароны, намотанные на ЖЕЛТЫЕ сухарики. Миша Кувалдин сразу просветлел лицом.

- Переходим к наушнику, — сказал профессор.

— Видите, это катушка. Когда по катушке идет ток, слабый или сильный, вокруг нее возникает магнитное поле. Оно колеблется и притягивает металлическую пластинку-мембрану.

Диод

— Я все поняла, — сказала Марина Рубинова. — К нам прилетают звуковые колебания. Мембрана колеблется и передает эти колебания к нам в уши. Правильно?

- Нет, неправильно, — ответил профессор.

- Почему?

— Да потому, что звуковые колебания летать далеко не могут. К нам из Бибисисии летят высокочастотные колебания. А мы при помощи наушника и диода должны перевести их в звуковые. Вы помните, что такое диод?

— А как же, — ответила Марина Рубинова. — Это такое устройство, которое пропускает ток или что-либо другое только в одну сторону.

- Вы можете привести примеры диодов?

— Пожалуйста, — сказал Миша Кувалдин. — Тюбик с зубной пастой. Он пропускает пасту только в одну сторону. Однажды я пытался запихнуть пасту обратно, ничего не вышло. Бился, бился, ни капли не запихнул. Только весь перемазался.

— Интересная мысль, — сказал профессор. — В некотором смысле, тюбик с пастой действительно диод. А еще есть примеры?

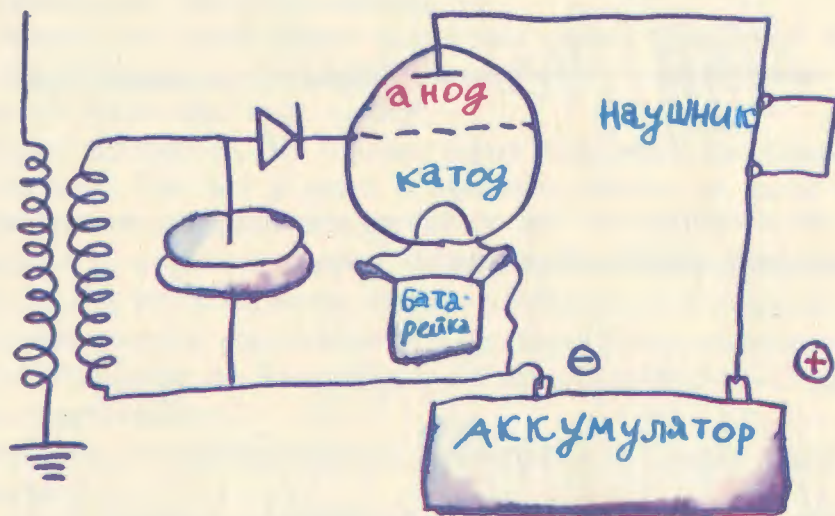

— Есть! — осенило Марину. — Мясорубка, например. Она крутит мясо только в одну сторону... И тесто.

— И корова — диод! — закричал механик-электрик сцены. — Она траву ест только в одну сторону, я в деревне видел.

Профессор Чайников был поражен таким количеством диодов. А тут еще зазвонил телефон, и Фома Неверующий добавил:

— Да любой кинотеатр есть диод. Он людей только в одну сторону пропускает — через вход к выходу. Да любой гастронóm!

— Я не буду спорить, — сказал Чайников. — Все это прекрасные примеры диодов. А сейчас я нарисую вам схему совместной работы диода и наушника.

Он нажал кнопчку, чтобы приехал чистый кусочек рисовальной доски. Но что-то перепутал и вместо этого уехал сам, потому что по кругу поехала сцена.

Профессор закричал Мише Кувалдину:

— Верните меня!

Миша поискал глазами нужную кнопчку и нажал ее. И как раз, когда, сделав круг, профессор приехал к доске, сцена остановилась и с диким скрипом поехала в обратную сторону.

Профессор сильно разгневался и стал тормозить нанайским унтом все сильнее и сильнее. Но унт стирался просто как школьный ластик, а сцена продолжала крутиться как ни в чем не бывало.

— Что вы делаете? — кричал профессор. — Да знаете вы, как это называется?

Немедленно зазвонил телефон, и Фома Неверующий объяснил:

— Это называется круговые колебания низкой частоты.

С большим трудом механик-электрик сцены отыскал нужную кнопку и затормозил профессора.

— Итак, я рисую для вас схему, — сказал Чайников.

— Это наш приемник. Он ловит и усиливает высокочастотные колебания из страны Бибисисии. Если бы не было диода, колебания были бы такими.

— Но диод пропускает ток только в одну сторону, и поэтому график высокочастотных колебаний выглядит так:

— То есть ток не болтается с бешеной скоростью туда-сюда. А мелкими зубцами образует большие плавные волны. Именно эти волны и дают звуковые колебания мембраны. То есть мелкий дребезг колебаний высокой частоты превращается в звуки. И все, что хотел сказать высокопоставленный бибисис Мише Кувалдину, мы можем узнать.

— А что он хотел сказать? — спросила Марина Рубинова.

— Я думаю, он хотел сказать на чистом английском языке: «Dear Michail, dear playgoer, you have got to understand not only physics but also English».

— А что это значит, товарищ профессор? Я как-то с трудом понимаю эти английские звуковые колебания. Они для меня все равно что высокочастотный дребезг.

— Это значит: «Дорогой Миша Кувалдин, дорогие товарищи телезрители, надо понимать не только физику, но и английский язык».

— Но я не понимаю по-английски, — ответил Миша Кувалдин.

— Значит, свой следующий цикл мы посвятим скоростному изучению английского языка, — сказал профессор Чайников.

— А больше этот бибисис ничего не сказал? — спросил Миша Кувалдин. — Например: «Приезжайте в гости». Или: «Вот вам в подарок полкило бибисисинской жвачки».

— Нет, — ответил профессор, — больше он ничего не сказал.

И тут зазвонил телефон.

— Это телевидение, да? Можно к телефону профессора Кофейникова?

— У нас нет такого профессора, — ответила Марина Рубинова.

— А профессора Кипятильников?

— И такого у нас нет. Может быть, вам нужен профессор Чайников?

— Точно. Именно он нам необходим.

Профессор Чайников взял трубку.

— Товарищ профессор. Это говорит мама Каблукова. Вы начали лекции с моего письма. Так вот у меня к вам есть вопрос. А если телевизор разобрать, человечки в нем останутся?

— Спасибо за хороший вопрос, — ответил, вскипая, профессор Кипятильников. — Я с удовольствием на него отвечу. И на все другие вопросы. Товарищи телезрители, следующая моя передача будет посвящена ответам на вопросы. Задавайте их. Как говорится в известной песне: «Спрашивайте, мальчишки, спрашивайте».

— Профессор, — сказала Марина Рубинова. — А я могу задать вопрос?

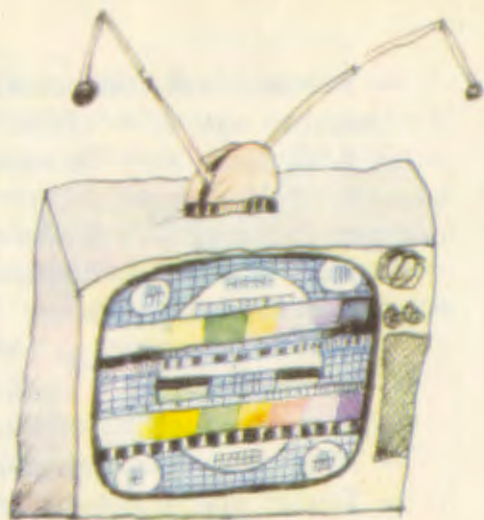
— Конечно.

— Скажите, пожалуйста, а наш звук уже долетел до Луны?

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

Ответы профессора Чайникова на вопросы телезрителей

Уважаемые читатели!

Мы не можем пока напечатать ответы профессора Чайникова, потому что у нас нет ваших вопросов.

Если они у вас возникли, срочно запихните их в конверт и пришлите нам.

Наш адрес: 125319, Москва, ул. Усиевича, дом 8, помещение 130.

И тогда мы выпустим дополненное и улучшенное издание «Лекции профессора Чайникова». И обязательно расскажем, чем закончился опыт профессора Чайникова по проверке расстояния от Земли до Луны.

От имени Чайникова

Э. Успенский

ОСТРОВ УЧЕНЫХ

Пьеса—повесть, которую можно играть в театре,
а также читать дома,
лежа на диване

Художник Анатолий Гусаров

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Пьеса «Остров ученых» с успехом идет в разных детских театрах. Написал ее Эдуард Успенский вместе с Александром Хайтом. Очень долго пробивалось это произведение к зрителям, к читателям. Цензура, существовавшая тогда, видела в смешных и остроумных репликах героев критические намеки на существование незыблемых, как тогда казалось, основ партии и правительства, которые всегда были вне критики. А никаких намеков и не было. Были тупые и страшные пираты, увлеченные своим делом, рассеянные ученые и их попугай Кеке.

АФАНАСИЙ ПЕТРОВИЧ (он же Восемьнасий) — автор-рассказчик. Попал на остров случайно. Тем не менее стал главным организатором борьбы с пиратами. Если бы не было пиратов, он бы нашел для жителей острова какое-нибудь другое не менее интересное занятие. Эту пьесу рассказывает зрителям он. И правильно делает. Потому что никто быстрее его не может найти общего языка с ребятами.

УЧЕНЫЕ:

ПЛЮСМИНУС — самый ученый ученый. В науке — академик, в быту — младший научный сотрудник. Может изобрести самолет, но никогда не сумеет достать на него билет.

Очень интеллигентный человек. Несмотря на это, может наставить своим врагам синяков (даже, если они его об этом не просят).

ПЕЧАЛЬНЫЙ СКНЮСИК — доктор. Всегда печален, потому что некого лечить. Но если бы кто-нибудь заболел, это опечалило бы его еще больше.

Мягкий человек. Из него можно вить веревки. Но только до тех пор, пока он не упрется. Тогда из него можно делать гвозди.

ТУР-НЕПС — садовод-самородок. Любит землю и не любит, чтобы ему мешали. Ради своего покоя готов пожертвовать чужим. Девизом избрал себе слова:

Была бы грядка,
А к ней лопатка,
Все остальное трин-трава...

А также

КЕКЕ — попугай. Живое существо. Всегда говорит в рифму. В отличие от многих поэтов еще и со смыслом.

ПИРАТЫ:

АДИС-АБЕБА — уроженец острова ученых, но отнюдь не его украшение. Бандит-сверхсрочник. Имеет высшее пиратское образование — был исключен из школы в самом начале третьего класса. Всю жизнь посвятил сведению личных счетов. Счеты сводит с помощью шайки единомышленников, которая безоговорочно признает его атаманом.

ЧИКАГА — сын американской улицы. Отец — безработный, матери не было. В любой хулиганской компании заместитель атамана. В этой тоже. Находчив, хитер, ловок. Благодаря этим хорошим качествам всегда выходит сухим из самого плохого дела.

САШАФОНИН — пират средних лет. За его хулиганские поступки в детстве несли ответственность школа, улица, пионерская организация и т. д. Короче говоря, все, кроме него самого и его высокооплачиваемых родителей. Начал бриться в пятом классе. В шестом развелся с женой.

ЧУБАРИК — человек, который всю жизнь был последним. Был последним учеником, сидел на последней парте и даже среди пиратов занимает далеко не первое место. Настолько недалек и наивен, что его могут провести даже ученые.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Характеристики действующих лиц даны для взрослых людей: актеров, режиссеров, художников. Доводить их до сведения детей не рекомендуется.

На сцене перед закрытым занавесом Афанасий Петрович. Он обращается к зрителям.

— Я расскажу вам, ребята, одну необыкновенную историю, которая приключилась однажды с одним очень хорошим человеком. А если говорить точнее, то со мной.

Произошла эта история на острове, который находится в самой середине Тихого океана. Там всегда тепло и поэтому там никогда не бывает холодно.

Я попал на этот остров случайно.

Я просто свалился в море с корабля.

Знаете, как это обычно бывает? Погонишься за летучей рыбкой, увлечешься и бултых прямо в океан!

И я плыл, плыл и плыл. И наконец я подплыл к этому самому острову. (Повернувшись к кулисам.) Занавес, пожалуйста!

Занавес открывается. На сцене песчаный берег зеленого острова. Растут пальмы и всевозможные бананы.

Афанасий Петрович, вытряхивая из ушей воду, напевает песенку:

Однажды я в море
Упал с корабля,
Плыву в океане
И вижу — земля!

О грозные скалы
Колотит вода,
Подплыть невозможно —
Ну, просто беда!

Другой бы назад
В океан повернул
И там бы спокойно
Себе утонул.

А я вот, ребята,
Совсем не такой.
Я смело кидаюсь
В кипящий прибой.

Здесь пальмы, бананы,
Лимоны растут,
Наверно, хорошие
Люди живут.

И воздух прозрачен
И чиста вода...
Я правильно сделал,
Что выплыл сюда.

— Нет, нет, нет, вы совершенно неправильно сделали! — Эту фразу говорит Афанасию Петровичу маленький печальный человечек с большим попугом на плече. — Ни в коем случае не надо было выплывать на этот остров! Уплывайте скорее назад и поищите себе другой!

— Но там же буря! — говорит наш герой. — Вы слышите, как шумит океан? И вы хотите, чтобы я туда поплыл? Я же там утону!

— Да, но ведь здесь еще опасней! На нас готовится нападение. На нас хочет напасть сам Адис-Абеба!

— Адис-Абеба?

— Ну да, Адис-Абеба.

Адис-Абеба-керосин.
На носу горячий блин, —

неожиданно говорит попугай.

— Тихо, Кеке, не мешай, когда говорят взрослые.

— А кто такой этот Адис-Абеба-керосин?

— Это страшный разбойник и оболтус. У него высшее пиратское образование.

— Он что, закончил высшую пиратскую школу?

— Да нет, ничего он не кончал. Его просто выгнали из школы за безобразия. Это и есть высшее пиратское образование. Так вот, этот Адис-Абеба удрал с острова и пообещал, что через двадцать лет вернется. Не один, а с целой бандой таких же двоечников. И все на острове переломает. И как раз завтра исполняется срок. Так что лучше вам уезжать обратно.

— Ни за что. Уж лучше я останусь. Я акул боюсь.

— А пиратов вы не боитесь?

— Не боюсь.

— Какой вы смелый!

— Да, я такой.

— Ну, тогда давайте знакомиться. Меня зовут Скнюзик.

— А меня — Афанасий Петрович.

— А меня — Кеке, — вставляет слово попугай.

— А как называется ваш остров?

— Остров ученых. Потому что здесь живем мы, ученые. Мы придумываем разные хорошие вещи, чтобы потом подарить их людям.

— А какие вещи?

— Разные. Вот я, например, придумал смешную жевательную резинку. Когда ее жуешь, сразу становится весело. Хотите попробовать?

— Хочу.

Афанасий Петрович начинает жевать резинку и улыбается.

— Ой, как смешно! Ой, как смешно! Будто кто-то щекочет. Это не жевательная, это просто щекотательная резинка! Ужасно смешно! Адис-Абеба, говорите?

— Керосин, — вставляет попугай.

— Вазелин, — говорит Афанасий Петрович.

— Магазин, — включается Скнюзик.

— Клавесин, лимузин, грузин, — продолжает гость.

— А-а-а... Румын, — находится Скнюзик.

— Нанаец, китаец.

— Тогда узбек.

- Тогда чебурек.
- Тогда шашлык.
- Тогда башлык, — говорит Афанасий Петрович.
- Тогда бушлат.
- Бушлат?.. Тогда пират.
- Ой, ой, ой! — Скнюзик выплевывает резинку. — Зачем же вы мне напомнили?
- Про что? — Афанасий Петрович тоже вынимает резинку.
- Про Адис-Абебу.
- Я не напоминал.
- Да? А кто сказал пират?
- Я...
- Вот видите... Что же делать? Что же делать? — горестно говорит Скнюзик.
- Неужели вы ничего не можете придумать? Вы же ученые?
- Кипяченые! — добавляет попугай.
- Молчи, Кеке. Ученые, ученые, а не можем.
- А может быть, я смогу?
- А что? Может быть, — соглашается Скнюзик. — Тогда пойдем.
- Куда?
- На ученый совет.
- Совет? — говорит Афанасий Петрович. — Тогда привет.
- Привет, — повторяет Скнюзик. — Тогда брюнет.
- Блондин... и ша-тен.
- Тогда ша-фер, — говорит Скнюзик.
- Сапер и солдат, — находится Афанасий Петрович.
- Солдат? Парад.
- Парад?.. Пират.
- Ой, ой, ой! — снова начинает кричать Скнюзик. — Ну, зачем, зачем вы мне об этом сказали?

Все это новые знакомые говорят на ходу, постепенно покидая сцену.

Помещение ученого совета. Столы, стулья, кресла. За одним из столов сидит Тур-Непс и увлеченно играет сам с собой в шашки, в чапаевцев. Как известно, это игра скорее физическая, чем умственная. Надо щелчком своей шашки сбить с доски шашки противника.

В дверях появляется Плюсминус. Он хватается за голову:

— Ой! Что я вижу? Я думал, ты готовишься к совету. А ты? В шашки играешь!!! Какой ужас!

Отталкивается ногой и, держась за голову, едет по сцене на роликах. Сделав круг, снова подъезжает к Тур-Непсу.

— Играть в такую минуту! В такую игру! И так играть! Ну-ка, дай я. Раз, два, три! — Все шашки слетают. — Вот как надо играть! А ты? Какой позор! — И он снова едет на роликах.

Пристыженный Тур-Непс ногой запикивает шашки под стол.

— А где Скнюзик? — спрашивает Плюсминус.

Тур-Непс глядит вокруг:

— Нету.

— Позови.

Тур-Непс подходит к плакату «Список жильцов». На нем написано:

Тур-Непс — один гудок.

Плюсминус — два гудка.

Скнюзик — три гудка.

Рядом с плакатом висит деревянный шарик на веревочке. Тур-Непс дергает три раза. Раздаются три протяжных гудка.

— Нету, — немного подождя, снова говорит Тур-Непс.

— Тогда у нас есть два предложения, — объявляет Плюсминус. — Начинать ученый совет. И не начинать. Я думаю — начинать. А ты?

— Я думаю не начинать.

— Теперь у нас уже четыре предложения, — считает Плюсминус. — Два «начинать» и два «не начинать». Что будем делать? Я думаю, начинать.

— А я — не начинать.

— Теперь у нас уже шесть предложений.

Под нарастающее количество предложений входят Скнюзик и Афанасий Петрович.

— Это наш ученый совет, — показывает гостю Скнюзик. — Это цветы. Это кресла. Это наш уголок. А это наши ученые.

«Начинать!» — «Не начинать!» — продолжают свой спор ученые, не обращая внимания на пришедших.

— Теперь у нас уже есть восемнадцать предложений, — подсчитывает Плюсминус. — Девять «начинать» и девять «не начинать».

— Да бросьте вы спорить! — говорит Скнюзик. — К вам гость пришел, а вы даже не здороваетесь.

— Ой! — спохватываются ученые. — Здравствуйте. Это кто?

— Это наш друг. Он к нам пришел.

— Откуда? — спрашивает Плюсминус.

— Из моря, — отвечает Афанасий Петрович.

— Понятно, — говорит Плюсминус.

- Он хочет нам помочь, — продолжает Скнюзик.
- Это замечательно!
- Чудесно! — оживляются ученые. — Познакомь же нас с ним.
- Хорошо, — отвечает Скнюзик и начинает представлять хозяев.
- Это наш самый главный ученый. Председатель ученого совета. Его зовут Плюсминус.
- Плюсминус — сел на примус! — радостно кричит попугай.
- Молчи, Кеке.
- Очень приятно, — кланяется Плюсминус и делает по сцене ласточку на коньках-роликах.
- А это Тур-Непс, — продолжает Скнюзик. — Он у нас садовод. Тур-Непс степенно подает Афанасию Петровичу руку.
- Ну, а я на нашем острове доктор. Зовут меня Печальный Скнюзик, Скнюзик — это имя, а Печальный фамилия. А может быть, наоборот.
- А вас как зовут? — спрашивает Плюсминус.
- Меня зовут Афанасий Петрович. А для друзей я просто Афанасий.
- Афанасий, — повторяют ученые.
- Афанасий — восемь на семь, — вмешивается попугай.
- Молчи, Кеке, — останавливает его Скнюзик.
- А что? — говорит Плюсминус. — Восемь на семь это лучше, чем Афанасий.
- Понятнее, — поддерживает Тур-Непс, — давайте мы вас так и будем звать — Восемьнасий.
- Хорошо, — соглашается Скнюзик. — И скромно, и красиво.
- А мне не нравится, — возражает гость. — Это и не имя вовсе — Восемьнасий. Восемьнасий-Семьнавосий.
- А если подойти научно, — говорит Плюсминус, — восемь на семь это будет пятьдесят шесть. Может, вас лучше называть Пятьдесятшестный?
- Это еще хуже. Ладно, если уж вам так хочется, зовите меня Восемьнасий.
- Вот и хорошо, — говорит удовлетворенный Плюсминус. — А теперь начинаем заседание ученого совета. Прошу всех встать к исполнению гимна.

Ученые торжественно встают и начинают петь:

Мы образованный народ,
Мы любим цифры, любим счет
И все такое прочее.

Квадратный корень извлекать
И общий множитель искать
Готовы дни и ночи.

Ученые, ученые,
Люди увлеченные,
Думаем и спорим целый день —
Дома, на работе,
И в гостях у тети,
И когда нам дали бюллетень.

Мы знаем сколько в небе звезд,
Зачем комете нужен хвост,
Из нас ответит всякий:
Как получают кислород,
Кто были Бойль и Мариотт
И где зимуют раки.

Ученые, ученые,
Люди увлеченные,
Светлые и ясные умы.
Кто придумал порох?
Кто придумал творог?
Сами понимаете, что мы!

Спев песню, ученые садятся.

— Итак, все вы знаете, — начинает главный, — что на нас хочет напасть Адис-Абеба. Что же мы будем делать?

— Можно я скажу? — поднимает руку Скнюзик. — Надо повесить на берегу табличку: «ОСТРОВ ЗАКРЫТ НА УЧЕТ». Они подъедут, прочтут и уедут ни с чем.

— Ура! Молодец! — кричат ученые. — Здорово.

— Нет, не здорово, — возражает Скнюзик. — А если они читать не умеют, а?

— Верно, — соглашаются ученые, — не годится.

— А ты что предложишь? — спрашивает Плюсминус Тур-Непса.

— Ничего. Мне некогда было думать. Я грядки копал.

— Как же так? Нам грозит такая опасность, а ты даже не думал.

— Ну и что? А ты-то сам думал?

— Конечно, думал. Я всю ночь думал. Вот и думал так: на чем к нам

приплывут пираты? На корабле. А почему корабль так быстро движется? (Все это он говорит, как будто читает студентам лекцию.) Потому, что на воде меньше трения. Значит, если на земле уменьшится трение, человек будет двигаться быстрее. А как это сделать? Можно налить на землю подсолнечное масло, но это дорого. И тогда я придумал...

— Что? — спрашивают ученые.

— Коньки!

— Какие коньки?

— Вот эти коньки. Имени Плюсминуса. Один левый, другой, сами понимаете, правый.

Едет по сцене.

— А при чем здесь пираты? — спрашивает Скнюзик.

— Какие пираты? — переспрашивает председатель ученого совета, с удовольствием катаясь на коньках.

— Ну те, которые на нас нападут.

— Ах, те, пираты, — вспоминает Плюсминус. — Не знаю.

— Слушайте, — вмешивается Афанасий Петрович, — можно я скажу?

— Говорите, уважаемый Восеньнасий.

— А есть у вас на острове пушка?

— Пушка? — удивляются ученые. — А что это такое?

— Ну, это... как бы вам сказать? Это... минуточку.

(Выходит на авансцену к ребятам. Ученые застывают. И в дальнейшем, когда Афанасий Петрович разговаривает с залом, действие на сцене прекращается.) Афанасий Петрович обращается к зрителям:

— Ребята, вот как объяснить человеку, что такое пушка, если он никогда ее не видел? Что ему сказать? Кто знает? Ты, мальчик? Ну, скажи.

— Пушка — это устройство для стрельбы, — говорит мальчик из зрительного зала.

— Спасибо, мальчик. Вот, ребята, я им так и скажу. — Афанасий Петрович возвращается на сцену.

— Пушка, — говорит он ученым, — это устройство для стрельбы. Есть у вас такая штука?

— Нет, — отвечает Скнюзик, — не изобрели еще.

— А что вы изобрели?

— Вот я резинку изобрел.

— Это не то.

— А я семена новые вывел, — говорит Тур-Непс. — Бросишь семечко в землю, заиграешь на скрипке и через час дерево вырастет. А на нем яблоки, или арбузы, или груши висят.

— Висит груша — нельзя скушать, — вставляет веское слово попугай.

— Можно, — обижается Тур-Непс.
— Нельзя.
— Можно.
— Нельзя.
— Молчи, Кеке, — успокаивает попугая Скнюзик.
— Это хорошо, — говорит Афанасий Петрович. — Но и это не годится.

— А я, — заявляет Плюсминус, — придумал сонные лучи. — Достает из стола какой-то предмет, похожий на карманный фонарик. — Направь этот фонарь на человека и человек сразу засыпает.

— Всегда?
— Всегда.
— Даже днем?
— Даже днем.
— Это, кажется, подходит. Я вот что придумал. Слушайте. Надо разойтись в разные концы острова и смотреть на море. Пираты подплывают, мы направляем на них фонарь. Раз — и все они засыпают! А, как я придумал?

— Ура! — после минутной паузы кричат ученые.
— А мне это не нравится, — говорит Тур-Непс. — Я не хочу расхотеться в разные концы острова.

— Почему?
— Я занят. Я еще свеклу не прополол.
— Какую еще свеклу?
— Сахарную. Вот какую!
Играет на скрипке.
— Но ведь пираты придут, — не унимается Скнюзик.
— Придут пираты, уйдут пираты. Для свеклы это неважно. Ей что нужно? Прополка, поливка и музыка.

Играет.
— Ну и оставайся со своей свеклой! — обижается Плюсминус. — А мы пошли. Только о нашем плане никому ни слова.
— Это ясно, — соглашается Тур-Непс. — Военная тайна.
— Точно, — говорит Афанасий Петрович.

Кошка сдохла,
Хвост облез,
Кто промолвит...

— Тот балбес! — неожиданно заканчивает творчески настроенный попугай.
— Правильно, Кеке, — соглашается Плюсминус.

Ученые и Афанасий Петрович запевают:

Враг не узнает никогда,
Зачем идем мы и куда...
Куда-то, куда-то...
Вот просто так идут себе
От пункта А до пункта Б
Ребята, ребята...

Мы же с этим аппаратом,
Гоп-тили-тили-тумбия,
Отправляемся к пиратам,
Гоп-тили-тили-тумбия,
В две минуты их исправим,
Гоп-тили-тили-тумбия,
Потому что спать заставим,
Гоп тили-тили-тумбия!

Пришел я, сел на бережок,
Сорвал и нюхаю цветок.
Все шито и крыто...
Держу авоську с фонарем,
Поди узнай, какая в нем
Собака зарыта?

Мы уложим их в подвале,
Гоп-тили-тили-тумбия,
Чтоб они умнее стали,
Гоп-тили-тили-тумбия,
Чтоб учились, чтоб старались,
Гоп-тили-тили-тумбия,
Чтоб вообще не просыпались,
Гоп-тили-тили-тумбия.

Ученые уходят. На сцене остается один Тур-Непс со своей скрипкой и свеклой. Он собирает сельскохозяйственные орудия и довольный напевает:

Я садоводством,
Животноводством

И огородством увлечен,
Мне по наследству
Достался с детства
Сельскохозяйственный уклон.

В это время над сценой раздается страшный свист и грохот. Но Тур-Непс ничего не замечает, он продолжает петь:

Все воскресенья
И дни рожденья
Я на участке провожу.
Я днем и ночью
Взрыхляю почву
И удобрения вношу.

А мой приятель,
Изобретатель,
Не понимает одного:
Что без картошки
Протянешь ножки
И не откроешь ничего.

Крики и свист наверху усиливаются. Тур-Непс на минутку прислушивается, а затем снова продолжает:

Я не философ
В других вопросах,
Но ясно мне, как дважды два:
Была бы грядка,
А к ней лопатка,
Все остальное — трын-трава!

Пританцовывая и довольно потирая руки, он уходит со сцены.

И тут же со страшным свистом на парашютных стропах на сцену опускается главный хулиган и оболтус, главарь бандитской шайки Адис-Абеба. Его правая нога согнута в колене. К колену пристегнута традиционная пиратская нога, сделанная из перевернутой бутылки с ромом.

Адис-Абеба торжественно поет:

Адис-Абеба я,
Адис-Абеба.
На этот остров
Свалился с неба —
Бомбардировщик «Б-48»
На парашютах
Сюда нас сбросил.

Раздается свист. Появляется его ближайший помощник и заместитель — хулиган по кличке Чикага. В руках у Чикаги автомат, а на боку транзистор. Адис-Абеба продолжает:

Адис-Абеба я,
Адис-Абеба.
На этом месте
Давно я не был,
Но наведу я свои порядки —
Сожгу все книги,
Порву тетрадки.

Снова раздается свист. Появляется еще один пират — степенный и гладковыбритый Сашафонин с большой саблей на боку. Такие роскошные сабли носили в далекие времена недалекие царские жан-дармы.

Адис-Абеба продолжает петь:

Адис-Абеба я,
Адис-Абеба.
Могу зарезать
За корку хлеба.
Ах, шарабан мой, американка!
А где тут сейфы?
А где тут банки?

На сцене появляется последний пират. С маленькой кепочкой на голове и в куртке, надетой на тельняшку. Это Чубарик.

- Все? — спрашивает главарь.
- Все! — отвечают вразнобой пираты.
- За дело, мальчики!

Компания начинает разгром. Ломают стулья, опрокидывают столы, сбрасывает на пол кадки с цветами.

В это время ничего не подозревающий Тур-Непс возвращается со своей скрипкой.

— Шеф, смотри — какой-то мэн! — кричит Чикага и направляет на Тур-Непса автомат.

— Где?

— Да вот.

— А, да это же Пестик — наш учитель ботаники. — Передразнивает Тур-Непса:

«В торфяной горшочек
Посажу цветочек».

Ну-ка, посмотри сюда, — показывает Тур-Непсу на пуговицу.

Тур-Непс наклоняется.

Адис-Абеба хватается его за нос.

— А? — Адис-Абеба ждет одобрения пиратов.

Пираты смеются.

— А что это у тебя такое? — спрашивает главарь, заметив скрипку. — Ну-ка, дай сюда. Мальчики-убийчики, слушайте меня внимательно. Это — скрипка. Музыкальный инструмент. Из вас кто-нибудь в жизни имел дело с музыкальными инструментами?

— Я имел, — говорит Чубарик.

— Когда?

— Когда меня в пионеры принимали. Я тогда в барабан сажу насыпал, а в горн чернила налил. Барабанщик как стукнет. Горнист как дунет — все в черном, я один в белом!

— Ну и что? — спрашивает Адис-Абеба.

— Не приняли, — со вздохом отвечает Чубарик.

— Жаль, — говорит Адис-Абеба, — нам свои люди в пионерах нужны! Ну, так вот, ребята, ломать барабан — это рядовое событие. А вот ломать скрипку — это уже праздник! Скрипка — инструмент тонкий, аристократический и ломать его надо тонко. Мне не нужна кувалда, я не прошу у вас молоток — принесите мне сахарные щипчики!

— Не надо. Не приносите сахарные щипчики! — не выдерживает Тур-Непс. — Это же необычная скрипка. Когда я играю на ней, все начинает быстрее расти и расцветать.

— Да? — удивляется Адис-Абеба. — А ну-ка сыграй.

Тур-Непс берет бережно скрипку и начинает играть.

Из вазы, стоящей на столе, появляется растение. Оно поднимается вверх и расцветает на глазах у пиратов.

— Потрясающе! — удивляется Сашафонин. — Трава зеленеет, солнышко блестит. — Берет в руки вазу. — Какое великолепное растение!

Хлоп! Ваза летит на пол.

— Ах ты балда! — кричит Тур-Непс и бросается на пирата. — Да я тебя!

Он валит Сашафонию на пол. Пираты кидаются на помощь другу и через минуту связанный Тур-Непс сидит на стуле в углу комнаты. Вокруг веселятся Чубарик, Сашафонин и Чикага. Они приставляют Тур-Непсу рожки, нахлобучивают кепку Чубарика, рисуют усы и засовывают за шиворот цветочки.

Адис-Абеба удовлетворенно прохаживается по сцене, опираясь на бутылочную ногу. Вот он останавливается около списка жильцов.

— Ну ладно, мальчики, повесилились и хватит! Он все-таки у них не главный!

— А кто главный? — спрашивает Чубарик.

— Главный у них Плюсминус — математик. Вот с кем я давно хочу расквитаться!

— Но его нет, шеф, — возражает Чикага. — А этот уже у нас!

— Пока нет. Но скоро будет! И нам даже не придется бегать за ним по острову. — Громко читает: «Плюсминус — два гудка!». — Тянет за веревочку. — Все по местам! А этого быстро убрать.

Тур-Непса вместе со стулом быстро уносят со сцены.

Входит ничего не подозревающий Плюсминус с фонарем. Вся шайка дружно набрасывается на него. Куча-мала.

Через минуту видны итоги схватки: Плюсминус, связанный по рукам и ногам, сидит на председательском месте; Чикага обматывает бинтом голову; Сашафонин прикладывает саблю к большому синяку под глазом, а куртка Чубарика лишилась рукавов и превратилась просто в жилетку.

— Так вот, мальчики, — говорит Адис-Абеба, не принимавший участия в схватке. — Это и есть Плюсминус. Именно этот человек мешал моему счастливому детству. Это он заставлял меня решать разные дурацкие задачи. Из пункта А в пункт Б идет пешеход. В одну трубу вливается, в другую выливается. На склад поступило тридцать метров ткани по двадцать две копейки метр. Страшно вспомнить! Кому нужна такая ткань? Но сейчас мы отыграемся за все сразу. Теперь мы будем задавать ему задачки. Решай, учитель. Из пункта А в пункт Б идет пешеход. Со скоростью...

— Шеф, шеф, похитрее надо, — включается Сашафонин. — Чего там в пункт Б?.. В пункт... в пункт... Ё.

— Верно. В пункт Ё идет пешеход.

— На мотоцикле, — вставляет Чубарик.

— И везет трубу, — говорит Чикага.

— Какую трубу? — удивился Адис-Абеба.

— Из которой выливается.

— Что выливается?

— Тридцать метров ткани.

— Какой еще ткани?

— По двадцать две копейки метр, — разъясняет Сашафонин.

— Верно. А навстречу ему из пункта Ё идет... Кто идет?

— Идет вдохновенный чудесник, — говорит Сашафонин.

— Со скоростью пятьдесят километров в час, — добавляет Чубарик.

— Требуется узнать, где встретятся эти пешеходы, — заканчивает атаман, — если второй шел в обратную сторону, а первый... первый наехал на второго?

— Ну, решай, тичер, — говорит Чикага и вынимает у Плюсминуса кляп изо рта.

— Фу, — плюется тот. — Не могу решать.

— Почему?

— У меня руки связаны.

— А ты в уме решай, — советует Чикага.

— Развяжите его, — приказывает шеф.

Ученого развязывают. Немного размяв руки, Плюсминус расталкивает пиратов и бросается к фонарю, лежащему в углу сцены. Чикага ставит ему подножку, а остальные пираты снова связывают его и вставляют кляп.

— Интересно, — говорит Адис-Абеба, — очень интересно!

— Что интересно, начальник? — спрашивает Чубарик.

— А вот что. Почему он побежал не сюда, где лежал автомат Чикаги, и не к Сашафонину, чтобы схватить его саблю? А кинулся вот сюда, к этому странному безобидному карманному фонарю? А?

— А может, там золото, шеф? — высказывает предположение Сашафонин.

— Посмотрим. — Атаман открывает фонарь. — Какие-то батарейки, провода, лампочки, а золота нет.

— А может, он хотел нас бить фонарем? — спрашивает Чубарик.

Адис-Абеба взвешивает фонарь на руке:

— Не думаю. Легковат.

— Шеф, а может, спросить у него самого? — показывает Чикага на Плюсминуса.

— Спроси.

Чикага вытаскивает у ученого кляп.

— Что это за штукавина, тичер?

— Не скажу, — гордо произносит Плюсминус. — Вы никогда не узнаете этой тайны!

— Молчит, — говорит Чубарик и делает ученому козу двумя пистолетами. — У, бандит!

— Не скажу, — повторяет пленник.

— Начальник, а начальник, можно я его немножечко застрелю? — просит Чубарик.

— Странное дело, — философски произносит Сашафонин, — он ученый человек, профессор. Доцент. Всю таблицу умножения знает, а мы его можем застрелить. Удивительно! Непостижимо!

— А может, его подпоить, шеф! — предлагает Чикага.

Шеф ставит фонарь на пол и задумывается.

— А что? Это идея? Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! Так сказал народ. А у нас нет оснований ему не доверять! Вот что, мальчики, — приказывает он, — влейте-ка в этого доцента маленькую кружечку рома! — Отстегивает бутылочную ногу. — Для дела мне ничего не жалко! Это очень крепкий ром! В нем ровно 90 градусов!

— 90 градусов! — поражается Сашафонин. — Целый прямой угол! Невообразимо!

Чикага отвинчивает крышку и вливает в Плюсминуса солидную порцию рома.

Тот мгновенно хмелеет, выпучивает глаза и сразу же запекает:

Вот уже пятнадцать ле-ет
Я храню один секре-ет.

— Какой? — спрашивают пираты.

Плюсминус продолжает петь:

Не ходите дети в кла-асс —
Ваш учитель Фантомас!

— Эй, официант, — обращается он к Сашафониному, — еще вина!

— Я не официант, — обижается тот. — Я — пират. Где это вы видели официанта с саблей?

— Уведите его, — приказывает шеф. — От него теперь никакого толка! Я знаю, кто нам все расскажет!

Снова подходит к списку жильцов:

— Скнюзик — три гудка!

Дергает за веревочку.

Появляется Скнюзик, заранее печальный. Крики, возня. Через минуту на стуле уже сидит связанный доктор, а на плече у него попугай с большой повязкой на носу.

— Что, этого тоже будем поить? — спрашивает Чубарик.

— Нет, — отвечает шеф. — Этого будем пытаться! А ну-ка отвечай нам, что это за штуковина такая? — Скнюзик молчит. — Дайте-ка ему сигарету, мальчики! Да покрепче дайте. Махорочную! Чтобы с ног валила!

Чикага вставляет доктору в рот два окурка. Скнюзик кашляет, плюется, но твердо отвечает:

— Все равно не буду говорить.

Атаман в раздумье проходит по залу.

— А ну-ка, Чубарик, скажи ему какое-нибудь наше страшное пиратское ругательство.

Чубарик, вдохновляясь, минуту смотрит в потолок.

— Тысяча дьяволов тебе в душу, а бабушка твоя ведьма!

Пираты смотрят на Скнюзика. Ничего!

— Дьяволов мало, — резюмирует шеф. — А ну-ка прибавь!

— Миллион дьяволов тебе в душу! А бабушка твоя ведьма!

— И дедушка тоже! — добавляет Сашафонин.

Скнюзик бледнеет и падает в обморок.

— Воды! — командует шеф и Чикага выполняет приказание.

— Все равно ничего не скажу, — говорит очнувшийся Скнюзик.

— Шеф, а может, попугай проболтается? — спрашивает Чикага.

— Верно. Развязать его.

Попугая развязывают.

— Сейчас нам все станет ясно, — говорит атаман, потирая руки.

— Станет ясно? — переспрашивает попугай. — Фига с маслом!

— Ах ты дурак! — возмущается Адис-Абеба.

— Сам дурак!

— Что ты сказал?! — замахивается он на попугая. — Ощипать его!

— Есть! — говорят Сашафонин и Чубарик и бросаются выполнять распоряжение.

— Стойте! Стойте! — кричит связанный Скнюзик. — Не трогайте его. Я вам все расскажу! Все, все! Все! И про усыпляющий фонарь! И про жевательную резинку! И про волшебные семена! Только не трогайте его! Только не трогайте моего Кеке!

Занавес закрывается.

Перед зрителями появляется Афанасий Петрович.

— А я, ребята, в это время стоял на посту на берегу моря и ровным счетом ничего не знал. Было темно, холодно. Дул ветер и настроение у меня было ужасное. А когда у меня ужасное настроение, вы знаете, ребята, что я делаю? Я обычно пою одну веселую песенку про негра Тити-Мити. Слышали такую песенку? Неужели не слышали? Тогда мы ее сейчас с вами разучим. Эта песенка вам еще сможет пригодиться. Слушайте, ребята:

На острове Таити
Жил негр Тити-Мити,
Жил негр Тити-Мити,
Был черный как сапог.

(Приплясывает.)

Вставал он утром рано,
Съедал он три банана

И, съевши три банана,
Ложился на песок.

Хорошая песенка? Ну вот, что я говорил? А сейчас мы с вами разучим слова второго куплета. Запоминайте:

Бы-ла у Тити-Мити
Не-ве-ста Фити-Мити,
Не-ве-ста Фити-Мити
И попугай Кеке.
Однажды на Таити
Приехала из Сити
Красавица из Сити
Мисс Мери Бульбоке.

— Прослушайте, ребята, эту мелодию в исполнении кларнета.

На сцену выходит кларнетист. Он со всей серьезностью исполняет для зрителей мотив песенки.

— Запомнили мелодию, ребята? — спрашивает Афанасий Петрович. — А теперь прослушайте ее в исполнении тромбона. — Смотрит по сторонам. — Эй, тромбон? Где тромбон? Нет тромбона. Ну надо же так. Что же делать? Вот что, ребята, вы пока немного отдохните, погуляйте в фойе, а я поищу тромбониста. А потом вы вернетесь в зал и узнаете, что же было дальше. Антракт, ребята, десять минут.

Перед занавесом Афанасий Петрович и наконец-то им найденный тромбонист.

— Итак, ребята, слушайте третий куплет.

Тромбон играет, Афанасий Петрович поет:

В красавицу из Сити
Влюбился Тити-Мити,
Влюбился Тити-Мити
И попугай Кеке.
Невеста Фити-Мити
Решила отомстити,
Решила отомстити
Мисс Мери Бульбоке.
Однажды утром рано
Лежат, как три банана,
Лежат, как три банана,

Три труппа на песке.
Красавица из Сити
И негр Тити-Мити,
И негр Тити-Мити,
И попугай Кеке.

— Все. Ну вот, ребята, спел я эту песенку, и мне сразу стало легче. А тем временем наступило утро, а за мной никто не приходил. И тогда я решил сам подойти к замку и узнать в чем дело? Что же там такое случилось? Я подобрался к самому крыльцу, заглянул в окошко и вот что я там увидел.

Занавес открывается. На сцене бочка вина, окруженная веселящимися победителями. Они жуют жевательную резинку и поют:

В нашу гавань заходили корабли,
Корабли,
Большие корабли из океана.
В таверне веселились моряки
Ой ли!
И пили за здоровье атамана.

— За здоровье нашего атамана! — провозглашает Сашафонин.

— Самого хулиганского атамана! Самого атаманского хулигана! — подхватывает Чикага.

— Странно, — удивляется Сашафонин. — Атаманская империя — это я знаю. А атаманский хулиган? В первый раз слышу. Ура!

Пираты чокаются.

Встает Адис-Абеба и обращается к пиратам:

— Мальчики-убийчики! Ласточки вы мои — грабильчики! Сегодня торжественный день! Двадцать лет мы ждали этой минуты! И вот она наступила. На этом острове нет ни полиции, ни милиции, ни какой-либо другой общественно вредной организации! Мы можем спокойно пить вино! Играть в карты! И совершенно открыто, никого не боясь, стрелять из пистолетов по лампочкам!

— Ура! — кричат пираты и начинают палить из пистолетов в воздух.

— А теперь, соколы вы мои залетные, — продолжает атаман, — мы приступим к торжественной части! Мы поднимем над этим островом наш любимый, замечательный, черный пиратский флаг! Прошу всех встать и надеть парадную форму.

Пираты торжественно встают и начинают выворачивать наизнанку свои рубахи и тельняшки. На их внутренней стороне приколоты ордена, медали,

значки и прочие предметы воинской и спортивной доблести, и только Сашафонин меняет галстук на бабочку.

— К подъему флага смирно! — командует главарь.

Пираты замирают. Флаг медленно ползет вверх, а Чикага, взяв скрипку, как гитару, играет соответствующую моменту мелодию.

— Итак, наш пиратский остров, — провозглашает Адис-Абеба, — считаю открытым! Еще вина! Давайте-ка, мальчики, живо слетайте в подвал и прикатите сюда следующую бочку!

— Верно, мальчики, — подхватывает Чикага, — слетайте! Да побыстрее, одна нога здесь, другая там!

Сашафонин и Чубарик удаляются. Умиротворенный атаман предается воспоминаниям:

Прадед мой обедал
Вместе с Архимедом,
Ну, а дед с Ньютоном был знаком.
Я пошел не в деда
И не в Архимеда,
Я родился круглым дураком!

Действие на сцене замирает, потому что на авансцене перед зрителями стоит Афанасий Петрович, он говорит:

— И тут, ребята, я подумал: если пираты могут принести в бочке вино, то в этой же бочке они могут принести и меня. Поэтому я быстро спустился в подвал и забрался в ближайшую к выходу пустую бочку.

Афанасий Петрович скрывается.

Сашафонин и Чубарик выкатывают на сцену большую винную бочку.

— Прикатили, — говорит Сашафонин.

— Вижу, — говорит шеф. — Откройте ее, мальчики.

Пираты с ломиками подступают к бочке. В это время бочка начинает качаться, раздается страшный грохот и свист.

— Свистит, — удивляется Сашафонин.

— Кто свистит? — спрашивает главарь.

— Бочка свистит, шеф.

— Дети, дети, — снисходительно разъясняет Адис-Абеба. — Свистеть могут электрички, соловьи, милиционеры, но уж никак не винные бочки.

Пираты снова подступают к таре. Свист и грохот повторяются.

— Шеф, — спрашивает Сашафонин, — может быть, в этой бочке милиционер?

— Или электричка? — добавляет Чубарик.

— Что я слышу? Мне стыдно за вас. Вскрывайте! — командует атаман.

Крышка бочки слетает, и из нее высовывается Афанасий Петрович. Под носом у него палка, изображающая усы. Из носового платка сделана борода, а на голову, как тюрбан, надет маленький бочонок.

— У-у-у, — кричит он, — ложись!

Пираты ложатся.

— Ты кто? — спрашивает Чикага.

Я страшный дух,
Я грозный дух!
Я винный джин,
Я стою двух!

У-у-у! — машет руками.

— Странное дело, — удивляется уважаемый Сашафонин. — Джинны бывают в бутылке — это я знаю. Но джин из бочки?! Потрясающе!

— Бросай оружие! — командует «джин».

Чикага, Чубарик и Сашафонин выполняют команду.

— И ты бросай! — кричит «джин» главарю.

— Минуточку, минуточку! — отвечает Адис-Абеба, поигрывая пистолетом. — Если ты действительно дух, то тебе не страшны пистолеты. Зачем их бросать?

— У-у-у! — не имея других доводов, гудит Афанасий Петрович.

— У-у-у! — спокойно отвечает главарь. — Если ты в самом деле джин, покажи чудо.

— Да, — соглашается Сашафонин, а Чикага тянется к своему автомату.

— Хорошо, — недовольно говорит «дух». — Я вас сейчас усыплю.

Проходит по сцене, размахивая руками и завывая:

— У-у-у! Фонарика здесь не видели?

— Нет, — отвечает Адис-Абеба и прячет руку с фонарем за спину. — Не видели.

— Ну тогда... тогда, — говорит Афанасий Петрович и хватается с пола автомат Чикаги. — Тогда руки вверх! — Он вспрыгивает на бочку и кричит: — Операция «Адис-Абеба» закончена!

Пираты выполняют приказание. Атаман тоже поднимает руки, но в последнюю секунду он включает волшебный фонарь. Афанасий Петрович мгновенно засыпает и, выронив автомат, проваливается в пустую бочку.

— Операция «Адис-Абеба» продолжается! — торжественно провозглашает атаман. — Убрать его!

Сонного Афанасия Петровича извлекают из бочки и уносят за кулисы в сырой и холодный подвал.

— Ну фонарь! Во фонарь! — восхищается Чубарик.
 — Мировецкий, — поддерживает Чикага. — Если бы этот фонарь был у меня в Америке, я бы сделал такое дело!
 — Какое? — спрашивает Чубарик.
 — Я бы свел счеты с одним полисменом.
 — Как?
 — Я бы подошел к нему, — Чикага подходит к Чубарику, — усыпил бы его фонарем. Потом бы взял кусок угля и нарисовал бы ему усы. Вот так, — рисует усы на Чубарике. — Здорово?
 — Здорово! — соглашается тот.
 — Потом бы я намазал ему щеки! (Мажет.) Хорошо?
 — Хорошо. А что дальше?
 — Взял бы у него пистолет... (Берет пистолет у Чубарика.) Взлохматил бы ему волосы. (Демонстрирует.) И связал бы ему шнурки на ботинках. Правильно?
 — Отле! — соглашается Чубарик.
 — А потом разбудил бы его и подсунул бы под нос зеркало! Вот так!
 — Ой, — кричит Чубарик, увидев свое изображение. — Кто это сделал? Кто посмел? Это же ты сделал? Да я тебя! — хватается за пустую кобурку. — Ну, смотри! — Хочет побежать за Чикагой, но из-за связанных шнурков растягивается во весь рост. Быстро поднимается и снова гонится за обидчиком. Но справиться с Чикагой не так-то просто. На ходу Чикага выхватывает саблю у Сашафонины, вспрыгивает на стол и, направив острие в грудь Чубарика, запекает:

Жулик и бродяга,
 Вырос я в Чикаго,
 В городе, где слабым места нет.
 Где в ночных налетах
 Банды сводят счеты
 И решает споры пистолет.
 Во время школьных перемен
 За мной гонялся полисмен,
 Хотел в участок отвести меня, бедняга.
 Но я проворен был и скор,
 Коварен, ловок и хитер,
 Недаром с детства дали кличку мне — Чикага!

(Пританцовывает на столе.)

И пока учитель
 Что-то про числитель

И про знаменатель бормотал,
Я в карманы куртки
Складывал окурки,
А потом ребятам продавал.
Во время школьных перемен
За мной гонялся полисмен,
Хотел в участок отвести меня, бедняга.
Но я проворен был и скор,
Коварен, ловок и хитер,
Недаром с детства дали кличку мне — Чикага!

— Стоп, мальчики, — говорит напряженно о чем-то думавший шеф, — я, кажется, придумал одну замечательную штуку. Что там один полисмен! Скоро весь мир будет в наших руках! С этим фонарем можно делать все что хочешь — грабить банки, захватывать корабли и угонять межконтинентальные ракеты. Потому что против него бессильны ружья, танки, пулемет и даже легкая зенитная артиллерия.

— А как это сделать? — спрашивает Чикага.

— Сейчас узнаете. А ну-ка, Сашафонин, приведи сюда эту ученую братию.

Сашафонин уходит.

— Зачем, начальник? — не понимает Чубарик.

— Потом узнаешь. А сейчас вот что: что бы я ни говорил, во всем мне поддакивайте. Ясно?

— Ясно, — отвечает Чубарик. — Только непонятно.

— Чудак. Они должны для нас сделать одно дело. Теперь понятно?

— Теперь понятно, шеф. Только теперь неясно.

— Ладно. Потом поймешь.

Входит Сашафонин со всей ученой братией и Афанасием Петровичем.

— Слушай, Плюсминус, — говорит Адис-Абеба, — а мы все-таки вас всех уважаем. Очень уважаем.

— Берем за хвост и провожаем, — вмешивается Кеке.

— Цыц! — говорит главный пират. — Сказано уважаем, значит, уважаем. А? — обращается он к остальным пиратам.

— Да, — подхватывают пираты, — еще как.

— Ужасно уважаем!

— Просто любим!

— Дай я тебя поцелую, — говорит Сашафонин, приближаясь к Плюсминусу.

— Ну так вот, — продолжает атаман, — мы решили сделать вам подарок. Мы решили от вас уехать.

— Правда? — удивляется Плюсминус.

- Правда. Но вы должны нам немного помочь.
- Самую малость.
- Чуть-чуть.
- Вот столько.
- Совсем не надо помогать, — заканчивает Сашафонин.
- Вы должны нам построить самолет.
- Маленький самолетик.
- Небольшой.
- Крошечный.
- Бомбардировщик, — добавляет Сашафонин.
- Что вам стоит? — продолжает атаман.
- Ну да.
- Раз-два.
- Три-четыре.
- Тяп-ляп.
- А изобретения? — спрашивает Афанасий Петрович.
- А изобретения? — переспрашивают пираты у главаря.
- Мы их вам отдадим.
- Конечно, отдадим.
- Что нам жалко, что ли?
- Еще своих добавим, — обещает Сашафонин.
- Ну что, согласны? — спрашивает Адис-Абеба.
- Надо подумать. Все это не так просто. Посоветоваться надо.
- Да что там советовать?! — говорит Чубарик. — Все ясно.
- Вам ясно, — отвечает Плюсминус. — А нам не очень.
- Но если вы не согласитесь, — угрожающе говорит атаман, — мы вас немножечко побьем!
- Совсем немножечко.
- Чуть-чуть.
- Так дадим — своих не узнаете! — заканчивает на этот раз Чубарик. Пираты отходят в сторону, а ученые начинают совещаться.
- Вот что, — заявляет Плюсминус, — делайте со мной что хотите, но самолет им строить нельзя.
- Вот и я говорю, — поддерживает Афанасий Петрович.
- Почему? — спрашивает Тур-Непс.
- Алюминия нет, — разводит руками Плюсминус. — И печь плавильная на ремонте.
- А что же мы тогда будем делать? — интересуется Скнюсик.
- Будем делать воздушный шар.
- Послушайте, — вмешивается Афанасий Петрович, — а пусть они сначала отдадут нам изобретения.

- Но они же отдадут! — говорит Скнюзик. — Они обещали.
- Да, они обещали, — поддерживает Тур-Непс. — Они говорят, что отдадут.
- Говорят, что кур доят, — неожиданно заявляет Кеке.
- Молчи, Кеке, — прикрикивает на него Тур-Непс.
- А я с ним согласен, — продолжает Афанасий Петрович. — Вот увидите, они вас обманут. Они сядут на воздушный шар, возьмут изобретения, прилетят на землю. И знаете, что будет потом?
- Что будет потом? — спрашивает Скнюзик.
- Суп с котом! — говорит попугай.
- Правильно, Кеке, — соглашается Афанасий Петрович.
- Ерунда, — вмешивается Тур-Непс, — если они говорят, что отдадут — значит отдадут. Людям надо верить. А пираты такие же люди, как и мы. Только плохие.
- Вот что, — говорит Плюсминус, — я вижу, мнения разделились. Давайте проголосуем. Кто за то, чтобы делать воздушный шар?
- Сам Плюсминус, Скнюзик и Тур-Непс поднимают руки.
- Раз, два, три, — считает старший ученый. — Кто против?
- Я, — говорит Афанасий Петрович.
- И я, — повторяет попугай.
- 3 : 2, — подводит итог Плюсминус. — Значит строим.
- Не делайте этого, — предупреждает Афанасий Петрович. — Вот увидите, они вас обманут.
- Нет, — возражает Скнюзик, — они этого не сделают.
- Почему?
- Это было бы ужасно.
- (Подходит Адис-Абеба.)
- Ну что, доценты-проценты? Как дела, доктора-профессора? Решили строить, шестью восемь — сорок восемь?
- Решили, — отвечает Тур-Непс.
- Смотри-ка, — удивляется пират. — Ученые-ученые, а не дураки!
- Только мы построим не самолет, а воздушный шар, — говорит Скнюзик. — Не возражаете?
- Возражаем, — говорит Адис-Абеба. — Поднимется ветер и нас унесет на Северный полюс. А там такой холод! Или унесет на Южный. А там такая жара!
- А мы к нему мотор приделаем!
- Тогда другое дело. Тогда не возражаем!
- А я возражаю, — заявляет Афанасий Петрович. — И строить не буду.
- Это почему еще? — спрашивает главный пират.
- Я вам не верю!

- Да, — грустно констатирует Скнюзик. — Он вам не верит!
- Ну и пусть сидит в подвале, раз такой недоверчивый! Увести его, мальчишки, с глаз долой! И не кормить ни в коем случае!
- Минуточку, минуточку, — не соглашается Скнюзик. — Как это не кормить? Мы так не согласны.
- Ну черт с ним, — скрипит зубами Адис-Абеба. — Дадим ему хлеб и воду!
- Нет, не воду, — вмешивается Плюсминус, — компот.
- Почему компот? — удивляется атаман.
- Потому что компот вкуснее, — объясняет Плюсминус.
- Верно, — соглашается Адис-Абеба. — Будет ему и компот!
- И второе, — говорит Скнюзик.
- Ладно, ладно, — цедит сквозь зубы атаман, — будет ему и второе, и первое! Уведите его, чтоб я больше его не видел!
- Пойдите, — кричит Скнюзик в последнюю секунду. — Ему же там будет скучно одному!
- Ну и что?
- Как ну и что? Пусть ваш заместитель отдаст ему приемник.
- Какой приемник? — насккивает Чикага на Скнюзика.
- Вот этот! — показывает отступающий доктор.
- Отдай, Чикага! — велит атаман, и заместитель с неохотой подчиняется.
- Ну все, привет, — говорит Плюсминус Афанасию Петровичу.
- И тебе привет! — отвечает тот.
- И мне привет! — неожиданно кричит попугай.
- От кого? — удивляются ученые.
- От старых штиблет!
- Афанасия Петровича уводят.
- А нам компот? — спохватывается до сих пор молчавший Тур-Непс.
- А вам-то за что? — удивляется хромоногий атаман.
- Ведь мы же будем строить!
- Ладно, — машет рукой раздраженный главарь, — будет и вам компот! Чтоб вам провалиться! Идите и начинайте работать.
- Ученые гуськом покидают сцену.
- Шеф, — возмущается Чикага после их ухода. — Мы что, пираты или повара?!
- Мы — пираты, — отвечает атаман. — Но без воздушного шара мы все равно что повара. Неужели ты еще не понял, Чикага? У нас есть оружие, семена, скрипка! А когда у нас еще будет и воздушный шар, мы в два счета овладеем миром! Мы поднимемся на нем в небо и улетим.
- А куда, шеф? — спрашивает Чубарик.
- А куда хотим! Хотим в Пекин! Хотим в Нью-Йорк! Хотим в Париж!

Начинает петь песню всемирных хулиганов:

Мы ниже, ниже, ниже
И вот уже в Париже.
А город захватить для нас пустяк!
Без всякой рукопашной,
Над Эйфелевой башней
Мы поднимаем наш пиратский флаг!

Остальные пираты подхватывают:

К нам сразу хулиганы
Из Кении и Ганы,
А также из Китая прибегут.
Мы их вооружаем,
На корабли сажаем —
И мир захвачен через пять минут!

Повсюду станет много
Ненужных педагогов,
Их надо будет чем-то занимать.
Мы им метелки в руки:
«Забудьте про науки —
Давайте мостовые подметать».

(Занавес закрывается.)

Афанасий Петрович выходит на авансцену и обращается к зрителям:
— А я, ребята, в это время сидел в подвале и размышлял. Я понял, что миру грозит страшная опасность! Я понял, что пираты теперь смогут захватывать целые города! Страны! Они могут подбирать себе каких угодно помощников! И могут издеваться не только над отдельными учеными, но и над всеми хорошими людьми белого света! Каждый раз, когда я вспоминаю об этом, мне становится плохо. И я падаю в обморок. Вот и сейчас, ребята, я вспомнил об этом и мне стало плохо. Я падаю в обморок. Я падаю в обморок ровно на 15 минут. Антракт, ребята.

(Падает.)

На сцене почти готовый воздушный шар с мотором. Вокруг него копошатся ученые. Их охраняет холеный и гладковыбритый Сашафонин с саблей на плече.

Ученые работают и напевают:

Уже который день подряд
Мы строим с кислой миною
Вот этот самый агрегат
С мотором и корзиною.
На нем пираты улетят
На все четыре стороны.
А если вдруг ударит град
И в море рухнет аппарат,
И их акулы поедят —
Вот это будет здорово!

— Эй, ты, приятель, — обращается к Сашафониному Плюсминус, — подай-ка мне сюда вольтметр.

— А что это такое? — спрашивает тот.

— Это штука такая со стрелкой!

— Не знаю, — говорит пират, — никогда не видел!

— Слушай, — спрашивает у него Плюсминус, — а почему ты такой дурак?

— Я не дурак, — отвечает Сашафонин, — я избалованный. Это только кажется, что я дурак.

Он отходит в сторону и начинает думать.

— А может, я правда дурак? — Пауза. — Нет, все-таки избалованный. Да это и понятно.

Поет:

Мой отец был крупной шишкой,
Занимал огромный пост.
И пока я был мальчишкой,
Как хотел я, так и рос.
У меня был личный транспорт,
Все мне кланялись вокруг
И любое хулиганство
Мне всегда сходило с рук.

Вот потому теперь я граблю
И курю средь бела дня,
Вот потому и взял я саблю,
Что испортили меня.

Когда в школе я учился,
Хочешь верь мне иль не верь,
Сам директор торопился
Мне открыть входную дверь.
Ну, а если сочиненье
Нам учитель задавал,
То министр просвещения
За меня его писал.

Вот потому теперь я граблю
И курю средь бела дня,

Вот потому и взял я саблю,
Что испортили меня.

- Эй, ты, с саблей, — обращается к нему Плюсминус.
- Чего?
- Позови сюда вашего главного. Этого... Али-Балду.
- Он не Али-Балда, — обижается Сашафонин. — Он Адис-Абеба.
- Ну все равно, зови его.
- Зачем?
- Нужно.
- А... — Сашафонин разворачивается и строевым шагом уходит за сцену.

Через минуту он возвращается вместе с хромоногим атаманом. Тот в белом поварском колпаке и переднике.

— Ну, что, доценты-проценты, — говорит атаман, — соскучились, членчики вы мои, корреспондентчики?

— Ничего мы не соскучились, — отвечает Плюсминус. — Просто работу окончили. Осталось только компас поставить.

— Ну и ставьте!

— Мы-то поставим. Только отдайте сначала изобретения.

— Чего?

— Изобретения.

— Это еще зачем?

— Чтобы вы нас не обманули, — объясняет пирату Скнюзик.

— Что же вы нам, выходит, не верите? — оскорбленно восклицает атаман. — Нам, пиратам, хозяевам морей!.. И океанов!

— Не верим, — спокойно говорит Плюсминус.

— И правильно делаете, — неожиданно соглашается Адис-Абеба. — Изобретения мы решили оставить себе. Зато у вас остаются море, солнце, свежий воздух и этот замечательный остров, а? А что такое остров, если немного подумать? Это же целых два полуострова.

— Надо же, — поражается Сашафонин, — целых два. Южный и северный... Или так: западный и восточный. Уже четыре получилось. Потрясающе!

— Ну что, идет? — продолжает Адис-Абеба.

— Не идет, — отвечает Плюсминус. — Не будет изобретений, никуда вы не улетите!

— Так что же, они всю жизнь будут сидеть на нашей шее? — вдруг взрывается Тур-Непс.

— Выходит, — говорит Плюсминус.

— А я не согласен. Я их видеть не могу. Пусть они берут изобретения и летят к чертовой матери!

— Правильно, — соглашается атаман.

— Раз вы не хотите, я им сам поставлю компас!

— Но это же нечестно! — кричит Скнюзик. — Это нехорошо!

— Да? А у меня деревья не политы, это честно? А у меня вся капуста засыхает, это хорошо? — спрашивает Тур-Непс.

— Я тебе запрещаю! — взрывается Плюсминус.

— А тебя не спрашивают, — говорит Адис-Абеба. — Убрать их! — приказывает он Сашафонину.

Сашафонин, угрожающе размахивая саблей, уводит ученых в подвал. Сзади с пистолетом идет Адис-Абеба.

Тур-Непс берет в руки компас и забирается в корзину. Сашафонин вместе со своей саблей возвращается. К нему подходит Чикага.

— Ну, как дела?

— Дела идут, — отвечает Сашафонин. — Скоро полетим. Только я вот чего не понимаю: как же мы полетим, если мы не умеем пользоваться этой штукой?

— Ну и дурак, — отвечает Чикага. — Нам и не надо уметь ею пользоваться. Ее ученые поведут.

— А что, они хотят стать пиратами?

— Пиратами? Слишком много чести! Мы из них сделаем слуг. Главный будет у нас летчиком, а этот, с попугаем, будет нас лечить.

— А садовод? Что он будет делать?

— И ему работу найдем. Будет нам ботинки чистить.

— Интересно, — говорит Сашафонин. — Это надо обдумать!

Из корзины высовывается Тур-Непс.

— Чего? — возмущается он. — Слуг из нас сделать? Да чтобы Тур-Непс вам ботинки чистил? Бандиты, эксплуататоры! Да я их себе никогда не чищу! Сейчас я вам устрою. Ложись!

Пираты выполняют приказание.

— Опять ложись! — удивляется Сашафонин. — Поразительно!

Тур-Непс что-то соединяет в моторе и убегает. Раздается взрыв. Сцена заволакивается дымом. На грохот вбегают Адис-Абеба и Чубарик.

— В чем дело? — спрашивает атаман.

— Диверсия, — отвечает Сашафонин.

— Кто?

— Садовод, шеф, — говорит Чикага.

— Где он?

— Сбежал, шеф.

— Тыфу, — возмущается атаман, — растяпы несчастные. Ничего вам доверять нельзя. Бестолочи!

— Это понятно, атаман, — задумчиво говорит Чубарик. — А что же теперь делать?

— Что делать, что делать? Все я за вас должен думать. Теперь их надо как следует напугать.

— Как?

— Очень просто. Надо кого-нибудь из них повесить.

— Правильно, — соглашается Чикага, — остальные сразу шелковыми станут!

— А кого будем вешать? — спрашивает Чубарик.

— Кого, кого, — миролюбиво говорит Адис-Абеба, — пусть жребий решает. Кому не повезет, тот и будет висеть! Давайте бумагу.

Послушив карандаш, неуверенно пишет на бумаге фамилии ученых и бросает их в кепку Чубарика.

— Тащи, Чубарик!

Тот разворачивает первую бумажку, читает по складам:

— Плюс-ми-нас.
— Не пойдет, — говорит Адис-Абеба, — он нам нужен. Как пилот.
Снова тащи.

- Хню-сик, — читает следующую бумажку полуграмотный пират.
- И его нельзя, — говорит Чикага. — Мало ли, вдруг заболеем, шеф.
- Согласен. Ну, кто там следующий?
- Тур-Непс.
- Но он же убежал! — резюмирует Сашафонин.
- Значит, не будем его вешать. Кто там еще?
- Там только одна бумажка осталась.
- Вот ее и тащи.
- Вася...
- Какой еще Вася?
- Вася... на семь.

Пауза.

— Ну что же, жребий есть жребий, — сокрушается Адис-Абеба. Надо же, как ему не повезло!

Пираты снимают шапки.

— Ну-ка, Чубарик, приведи его. А мы, молодчики-налетчики, пойдем готовить виселицу. Вперед!

Все уходят. Появляется Чубарик, ведя под пистолетом Афанасия Петровича. Оба садятся на обломки мотора.

— Слушай, — говорит пират, — у тебя такой ножичек симпатичный. Дай его мне.

- Какой хитрый! А ты мне что дашь?
- Что? Да вот это. Кинжал свой пиратский. На...
- Ну, неудобно, — возражает Афанасий Петрович, — твой кинжал лучше.
- А ты мне еще что-нибудь дай.
- Что?
- Часы. У меня никогда часов не было.
- На. Только это слишком много! Ты мне тоже что-нибудь прибавь.
- Что?
- Тельняшку, например.
- А ты мне что дашь?
- А я тебе куртку дам свою.
- Вот эту? — не верит Чубарик.
- Ну да.
- А тебе не жалко?
- Нет.

Руки вверх, я тебе говорю!

— Ну спасибо! Я о такой куртке всю жизнь мечтал! Тогда я тебе вот что дам: кепку и пистолет в придачу. Бери!

— А ты бери приемник!

— Нет, не надо, — возражает Чубарик. — Это приемник Чикаги. Все равно он его отберет. Пусть он у тебя будет.

Друзья переодеваются. Теперь ситуация изменилась. Афанасий Петрович в одежде пирата держит под пистолетом переодетого Чубарика.

— Руки вверх! — автоматически приказывает он.

— Чего?

— Руки вверх, я тебе говорю!

— Эх ты, — сокрушается пират, — я с тобой по-хорошему. А ты? Давай обратно меняться.

— Ничего не выйдет. В руки берется — назад не отдается. Ясно?

В это время по сцене крадучись пробирается Тур-Непс с пропеллером от мотора. Он подходит к Афанасию Петровичу и, приняв его за пирата, с размаха бьет пропеллером по голове. Тот падает.

— Бежим, Восемьнаший, — говорит Тур-Непс Чубарику.

— Сейчас, — отвечает тот. Поднимает пистолет, выроненный Афанасием Петровичем, и со всей силы колотит им Тур-Непса. Тур-Непс укладывается рядом с Восемьнасим.

— Что, обмануть хотели? Жила долго не живет! — радостно говорит Чубарик.

Но тут на сцене появляется атаман и, приняв пирата за Афанасия Петровича, в свою очередь бьет его бутылочной ногой по голове.

— Стоит только отойти! — сокрушенно говорит он. — Эй, Чубарик, — шевелит он Афанасия Петровича в пиратской тельняшке, — сбегай, принеси воды. Мы их сейчас в чувство приведем.

Афанасий Петрович, отвернувшись от атамана, убегает. Занавес закрывается. Афанасий Петрович выходит на авансцену и обращается к зрителям:

— А дальше, ребята, я побежал и спрятался в густых камышах. Ну-ка, поднимите все руки. Изобразите камыши.

Убегает в зал и прячется среди ребят. На авансцене появляются встревоженные вооруженные пираты. Прикладывают руки ко лбу и рассматривают зал. При чем Сашафонин почему-то держит руку у затылка.

— Это не он? — спрашивает Чикага, показывая в зал.

— Нет, — отвечает атаман, — это пенек.

— А там? — спрашивает Чубарик.

— А там коряга, — снова говорит шеф, — ну не беда. Он от нас не уйдет! Пошли домой, мальчики. Спать пора!

Из зала выходит Афанасий Петрович, объясняя зрителям происходящее:

— Итак, ребята, они пошли спать, а я тихонько пробрался к ученым.

Занавес открывается. На сцене опять подвал. На бочках сидят ученые и поют:

Лишены свободы мы.
Под сырыми сводами
Снова за решеткою сидим.

Мы хотим увидеть звезды,
Мы хотим на свежий воздух —
Для здоровья он необходим!

Мы сегодня грустные,
Нам приснились вкусные
Пироги с грибами и компот.

А бандит Адис-Абеба
Ничего нам, кроме хлеба
И воды холодной, не дает.

Были мы учеными,
А стали заключенными,
Сквозь решетку на небо глядим.

С каждым днем худеем, таем,
Так как не изобретаем
И к тому ж почти что не едим.

— Эй, ученые, — окликает их Афанасий Петрович из-за решетки. — Привет!

— Это кто? — спрашивает Скнюзик. — Это ты, Восемьнасий?

— Да, я. Я вас навестить пришел. — Смотрит за решетку. — А где Кеке?

— На потолке! — сверху отвечает попугай.

Восемьнасий машет ему рукой.

— А что вы делаете?

— Чай пьем.

— Чай?

— Ага. С сахаром.

— Дайте мне.

Скнюзик подает гостю чашку и через решетку наливает чай.

— Вкусно, — отвечает Восемьнасий. — А откуда у вас сахар? И кипятилок?

— Это все Плюсминус сделал! — говорит Скнюзик.

— А как?

— Очень просто, — объясняет Плюсминус. — Помнишь у нас тут старый холодильник стоял?

— Помню. Ну и что?

— А ничего. Он стоял, стоял, а я из него кипятильник сделал.

— Как это?

— А так. Я тут палочку одну изобрел, превращалочку. Она все вещи меняет на противоположные. Был холодильник. Раз — и стал кипятильник. Была соль. Раз — и стал сахар!

— А я тоже изобрел! — в свою очередь хвалится Тур-Непс. — Колокольчик такой специальный. Подвальный. Он у меня тут в углу растет. Дотронешься до него и он звонит! (Демонстрирует.) Здорово?

— Здорово, здорово, — задумчиво соглашается Афанасий Петрович. — Слушай, — обращается он к Плюсминусу, — а если твоей палочкой до приемника дотронуться? Раз — и что будет?

— Не знаю.

— А я знаю. Будет передатчик. Давай попробуем.

Включает приемник. Плюсминус стучит по нему палочкой. Приемник замолкает.

— Ура! — говорит Афанасий Петрович. — Замолчал — значит, стал передатчиком.

— Ну и что? — спрашивает Скнюзик.

— А то, что теперь по этому передатчику мы можем вызвать помощь. Вот так: АЛЛО, АЛЛО, ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ КОРАБЛЯМ, ИДУЩИМ В РАЙОНЕ НАШЕЙ ШИРОТЫ И ДОЛГОТЫ. СРОЧНО НУЖНА ПОМОЩЬ! НА ОСТРОВ НАПАЛИ ПИРАТЫ. ПОМОГИТЕ!

— Пожалуйста! — добавляет Скнюзик.

— Все, — радостно объявляет Афанасий Петрович. — Считайте, что мы на свободе! К нам скоро придет корабль.

— Ура! — кричат ученые.

— Нет, не ура! — возражает Скнюзик. — Ни капельки даже не ура!

— Почему? — спрашивает Восемьнасий.

— Потому что корабль могут захватить пираты.

— А как?

— А так. У них же есть сонные лучи.

— Действительно, — соглашается Плюсминус. — Есть. Это я их избрел!

— Что же делать? — спрашивает Тур-Непс.

— Я знаю, — говорит Афанасий Петрович. — Я им испорчу изобретения.

— Как?

— А так. Пока они спят, я к ним проберусь и палочкой до всего дотронуся. Была веселая жевательная резинка — станет грустная. Были сонные лучи — станут бодрящие. Ну, что?

— Но тебя же схватят, — говорит Скнюзик.

— Ну и пускай. Пока они меня будут ловить, я им все перепорчу. А там придет корабль. Правильно?

— Правильно, — соглашаются ученые.

— Только это очень опасно, — говорит Скнюзик.

— Не отговаривайте меня, — отвечает Восемьнасий. — Я уже решил. Я ухожу. Привет.

— Привет.

— А уходя гасите свет! — заканчивает свидание Кеке, и свет на сцене гаснет.

Афанасий Петрович выходит на авансцену и обращается к зрителям:

— И я, ребята, пробрался к дому ученых. Я заглянул в окошко и увидел, что все пираты спят. Тогда я подошел к двери (подходит к занавесу) и громко постучал. (Стучит.)

— Кто там? — раздается голос Сашафонины из глубины сцены.

— Ну, вот, ребята, что бы вы ответили на моем месте? А?

— Свои! — подсказывают зрители.

— Ну что вы, ребята, какие свои? Откуда могли взяться свои на острове, посредине океана, в двенадцать часов ночи? К тому же шел дождь. Ну, так что надо было говорить? Кто может постучать в полночь в чужой дом? Только один человек: почта... правильно, почтальон. Поэтому я и ответил (оборачивается к занавесу): «Те-ле-грамма».

— От кого? — снова спрашивает Сашафонин.

— От кого, ребята? — обращается Афанасий Петрович к залу.

— От тети!

— От милиции!

— От бабушки!

— Вот я и сказал (поворачивается к занавесу): «От бабушки!».

— От какой? — продолжает допытываться дотошный Сашафонин.

— От двоюродной.

— А, — говорит пират. — Тогда другое дело. Тогда сейчас открою.

И пока пират идет открывать, Афанасий Петрович успевает досказать зрителям:

— И я, ребята, кинулся в дом и в темноте перетрогал палочкой все вещи, какие успел.

Занавес открывается. На темной сцене слышна возня, шум, крики. По очереди на освещенную авансцену выскакивают возбужденные пираты. Гудит сигнал тревоги, наконец, зажигается свет. На сцене куча-мала. Пираты отлипают друг от друга. Последним с пола поднимается Афанасий Петрович.

— Попался? — радостно говорит Чубарик. — Так тебе и надо. А ну, отдавай мою кепку.

— Есть же такие бандиты, — удивляется Сашафонин. — Людям спать не дают.

— Шеф, — спрашивает Чикага, — а зачем он сюда пришел?

— Не знаю.

— Я думаю, он хотел нас отравить, — многозначительно говорит Сашафонин. — Или взорвать.

— Что он хотел, меня не интересует, — говорит атаман. — А вот мы

хотели его повесить. И повесим! Прямо сейчас. А ну, мальчики, подкатите сюда эту бочку.

Пираты подкатывают бочку и ставят на нее упирающегося Восемьнасия.

— Готов? — интересуется атаман.

— Я? — переспрашивает Афанасий Петрович. — А вы сами-то готовы?

— К чему?

— К тому, что вам придется за меня отвечать. Ведь мы же сюда корабль вызвали.

— Как? — спрашивают пираты.

— А так, по радио. Съели?

Ошеломленные пираты ходят вокруг бочки.

— Эй ты, — говорит Чикага, — а мы возьмем и захватим твой корабль.

— А как?!

— А вот так. Волшебным фонарем. Съел?

Пираты радостно прыгают вокруг Афанасия Петровича.

— Ничего вы не захватите.

— Почему?

— А я ваш фонарь сломал. Понятно?

— А ну, проверьте, — приказывает Адис-Абеба.

Чикага хватает фонарь и направляет его на всех поочередно.

— Не работает.

— Что, съели? — радуется Восемьнасий и, передразнивая пиратов, прыгает на бочке.

— Действительно, съели, — соглашается Сашафонин.

— Ладно, — говорит атаман, — придется его помиловать. К сожалению. Уберите его в подвал. А мне, мальчики, подайте сюда кружечку моего любимого крепкого рома.

Восемьнасия уводят.

— Что-то грустно стало, — говорит Чикага. — А ну, Чубарик, притащи сюда жевательной резинки.

— Вот посмеемся, — радуется Сашафонин.

Чубарик выполняет просьбу. Пираты дружно начинают жевать.

— А ну, соколики, расскажите что-нибудь. Да повеселее, — приказывает главарь.

Звучит музыка. Вперед выходит Сашафонин. Плаксивым голосом запевает:

Помню, в школе я сижу

За последней партой.

На учителя гляжу,

А сам играю в карты.

Ха-ха-ха-ха

У-у-у-у...

Плачет.

— Что же ты плачешь? — спрашивает атаман.

— А как же не плакать, — отвечает Сашафонин. — Я всегда дураком оставался.

Выходит вперед Чубарик:

В нашей школе, верь не верь,

Вот какое было:

Мы отличнику в портфель

Вылили чернила.

Плачет.

— Ты чего реवेशь? — спрашивает сам готовый заплакать Адис-Абеба.

— А мы перепутали. Это мой портфель оказался. А там бутерброд лежал.

Вперед выступает Чикага:

Я однажды отвернул

В нашем классе пробку

И учителю на стул

Взял и сунул кнопку.

Атаман рыдает.

— Что с тобой? — спрашивают пираты.

— Кнопку жалко, — заливаясь слезами, отвечает атаман.

— Тьфу, — сплевывает Чикага, — видно, нам и резинку испортили.

Все дружно выплевывают резинку и начинают думать.

— Что же нам теперь делать? — сиротливо спрашивает Чубарик.

— Странно, — говорит Сашафонин. — Ко мне ничего в голову не приходит.

— Давайте притащим этого, с попугаем, — предлагает Чубарик.

— Пусть он нам что-нибудь сообразит.

— Верно, — соглашается Чикага. — Мы из него душу вытрясем. Мы его на сковородке поджарим.

— А удобно ли? — говорит Сашафонин. — Два часа ночи. Человек спит, наверное. А мы его будить начнем.

— Все это глупости, — прерывает их спор атаман. — Когда у вас есть я, вы можете быть спокойны. Я из любого положения нахожу прекрасный выход. Мне не нужен Скнюзик, не тащите сюда Тур-Непса и не приводите Плюсминуса. А принесите мне из подвала десять ящиков туалетного мыла!!!

Под эти загадочные слова занавес закрывается.

Перед зрителями Афанасий Петрович. Он обращается к залу:

— И этот хромоногий бандит, ребята, действительно нашел выход из положения. Он придумал такую хитрую операцию, такую коварную штуку, что, когда я вспоминаю о ней, мне всегда хочется плакать. Есть у кого-нибудь носовой платок? Спасибо, мальчик. Вы меня извините, ребята. Мне тут неудобно плакать при всех. Я все-таки мужчина. Взрослый человек. Я пойду поплачу за кулисами, а вы посмотрите, что было дальше. (Уходит.)

Появляются пираты, переодетые в одежду ученых. Они выглажены, причесаны и умыты. Вот куда пошли десять ящиков мыла. На Сашафонине костюм Тур-Непса. Чубарик переодет в Скнюзика (он в медицинском халате и кепочке), а Адис-Абеба — в Плюсминуса. Единственно, с чем он не пожелал расстаться, это со своей любимой бутылочной ногой. На ней изменилась только наклейка. Вместо «Ром Гавайский» теперь написано «Кисларод».

— Ну что, мальчики, все мыло истратили?

— Все, шеф.

— И зубы почистили?

— Так точно.

— Ну вот, теперь мы стали похожи на людей. Теперь все мы — ученые. Ты ученый, я ученый и он ученый. И к нам идет корабль, чтобы отвезти нас на научную конференцию.

— А где же пираты? — спрашивает Чубарик.

— А пираты сидят у нас в подвале. Допустим, к тебе, — обращается он к Сашафону, — подходит капитан и спрашивает: «Ты садовод?».

— Садовод, — отвечает Тур-Непс—Сашафонин.

— Ну так скажи мне, «садовод», что получится, если скрестить редис с помидором?

— Ремидор. Нет, ремидир. Нет... помидис.

— Дурак. Салат получится. Понял?

— Надо же, — удивляется пират. — Чтоб такое знать, это сколько же надо учиться?

— «Да, слушай, а зачем у тебя сабля?», — спросит у тебя капитан.

— Это не сабля. Это грабли, — отвечает Сашафонин и действительно показывает маленькие садовые грабли. — Я ими садик граблю.

— Ну что ж, толково. А теперь твоя очередь, Чубарик. Ты ведь у нас доктор?

— Да.

— Ну, вот скажи-ка мне, доктор, какая разница между переломом ноги и скарлатиной?

— Не знаю, шеф.

— Балда. Это очень просто. Если у человека сломана нога, то его кладут в гипс. А если у него скарлатина — его кладут в больницу. Ясно?

— Теперь ясно.

— А что надо выписать больному, если у него насморк?

— Капли? — спрашивает «врач».

— Нет. Если у больного насморк, ему прописывают носовые платки. Понял, «доктор»?

— Так точно, начальник.

— Шеф, а кто же у нас я? — задает вопрос Чикага.

— Да? — интересуется Сашафонин.

— А ты у нас Восемьнасий, — отвечает атаман. — Просто интеллигентный человек. Знаешь, что это такое? Видел когда-нибудь?

— Я видел, атаман, — говорит Сашафонин. — Только он не похож. Вид у него какой-то... уж больно чуть-чуть зверский.

— Верно, — соглашается вождь. — Дайте-ка ему скрипку.

Чикаге подадут скрипку.

— Ну, а как теперь? — спрашивает Адис-Абеба у своего консультанта Сашафонины.

— Теперь ничего.

— Пусть он что-нибудь для нас сыграет, — предлагает «доктор» Чубарик.

— Верно, — соглашается атаман. — Сыграй, Чикага, покажи свое искусство.

Чикага берет скрипку и начинает петь:

Когда я был мальчишкой,
Носил я брюки клеш,
Соломенную шляпу,
В кармане финский нож.

— Чего, чего ты носил? — спрашивает атаман.

— Финский нож.

— А пулемет ты с собой случайно не носил? Ну-ка, скажи, что носят примерные мальчишки?

- Галоши, — подсказывает Сашафонин.
- Вот именно. Понял, Чикага?
- Понял, — отвечает тот и запекает:

Я был таким мальчишкой,
Что лучше не найдешь.
Я надевал не пару,
А восемь пар галош.

Теперь я сильно вырос,
Но все равно хорош.
Теперь ношу я в сырость
шестнадцать пар галош.

Ну как, атаман?

— Все хорошо, Чикага. Только запомни одно: я уже не атаман. Я известный ученый, крупный физик по фамилии Плюсминус. Вот капитан спросит у меня: «Ну-ка, скажи мне, физик, закон Архимеда», а я ему отвечу: «Если тело, погруженное в жидкость, полчаса не всплывает, считайте, что оно...»

— Ну и голова у нашего шефа, — восхищается Чикага.

— Верно, — немного подумав, соглашаются Чубарик и Сашафонин.
Вступает музыка. Пираты танцуют и поют:

Ходят слухи, что наука —
Утомительная штука,
Но науку надо понима-а-ать.
По закону Архимеда
После сытного обеда
Сразу полагается поспать.

А возьмем закон Ньютона,
Тоже мудрый был ученый,
Он друзьям давал совет тако-ой:
Если яблоко упало,
То хватай, чтоб не пропало,
А то схватит кто-нибудь другой.

И в работах Торичелли
Разобраться мы сумели,
Все работы удивительно просты-ы-ы:
Денег нету, ну так что же,
Грабь на улице прохожих —
Кошелек не терпит пустоты.

Смотрят в небо Галилеи,
Что-то чертят Фарадеи,
Пишут Бремы разные тома-а-а-а.
Трудно открывать законы,
Ну, а толковать законы,
Право же, не надобно ума.

(Пираты уходят. Занавес открывается.)

В подвале сидят ученые.

— Не понимаю, — говорит Скнюзик, — зачем они взяли нашу одежду?

— И я не понимаю, — говорит Восемьнасий.

— Может, они хотели пошутить? — предполагает Тур-Непс.

— Нет, — заявляет Плюсминус, — все не так. Я как физик вам говорю: они не хотели стирать свою одежду, вот и забрали нашу.

— А зачем они взяли мой медицинский халат? — спрашивает Скнюзик. — И очки?

— И для чего им понадобились грабли? — добавляет Тур-Непс.

— Не знаю.

— Вот то-то.

Спор ученых прерывается с появлением довольных и разодетых Са-шафонины с граблями и Чубарика в белом халате и кепочке. Они под музыку спускаются по лестнице и поют:

Были мы пиратами,
А стали кандидатами
Точных и естественных наук.
Мы теперь интеллигенты,
Знаем дроби и проценты,
Треугольник вписываем в круг.

— Эй, вы, бандиты, — настороженно спрашивает Тур-Непс. — Чего это вы так нарядились?

— Это мы бандиты? Это вы бандиты, — отвечает Сашафонин. — А мы теперь знаете кто? Мы теперь ученые.

— Интеллигенты, — добавляет Чубарик.

— Это мы ученые! — кричит Плюсминус.

— Это же мы интеллигенты! — поддерживает Скнусяк.

— Какие же вы интеллигенты? — говорит Сашафонин. — Посмотрите на себя: немытые, небритые, неглаженные и за решеткой. Какой позор! А мы? Как я одет, как он одет. Приятно посмотреть. Картина!

— Разве ж в этом дело? — возмущенно говорит Плюсминус. — Вы же ничего не знаете!

— Мы не знаем?! — хвастливо заявляет Сашафонин. — Мы все знаем:

Пифагоровы штаны
На все стороны равны.

Руки мой перед едой
Кипяченою водой, —

показывает свою ученость Чубарик.

Кто болеет за «Спартак»,
Тот придурок и дурак, —

демонстрирует свои знания до сих пор молчавший Кеке.

— А ты, петух, молчи, — обижается Сашафонин. — Тебя не спрашивают.

— А ну их, — говорит Чубарик, — чего с ними разговаривать? Пошли.

— Да, действительно, — соглашается Сашафонин, — пошли. Нам ехать пора.

— Куда? — спрашивает Тур-Непс.

— На конференцию.

— Какую конференцию?

— Научную. Мы там доклады будем делать.

— Какие еще доклады?

— Разные. «А и Б сидели на трубе». Ясно?

— «Кто-кто в терямочке живет?» — добавляет Чубарик. — Понятно? Ну, и привет.

Под музыку уходят, продолжая напевать:

Мы теперь интеллигенты,
Знаем дробь и проценты,
Треугольник вписываем в круг...

— Ой, ой! Ой, ой, ой! — кричит Плюсминус. — Они же там такого наговорят. На конференции!

— Да они же нас просто опозорят! — кричит Тур-Непс.

— Бандиты! — подбегает к решетке Скнюзик.

— Что же делать? Что же делать? — хватается за голову Плюсминус.

— Есть один выход, — говорит молчавший до сих пор Афанасий Петрович. — Правда, такой выход, такой выход! Даже говорить страшно.

— Говори. Теперь ничего не страшно.

— Вот что: надо дать Кеке волшебную палочку (вынимает ее из кармана) и пусть он дотронется ею до громоотвода.

— Понял, — восклицает Плюсминус. — Был громоотвод, а станет... громопривод.

— Ну и что? — спрашивает Скнюзик.

— А если он стал громоприводом, он притянет сюда грозовые тучи, — продолжает разъяснять ученый.

— Ну и что будет дальше?

— А дальше, — говорит Афанасий Петрович, — молния ударит в замок, начнется буря. Она все здесь переломает и пиратов унесет в море.

— А мы? — спрашивает Тур-Непс.

— А мы сидим в подвале и с нами ничего не случится.

— Ура! — кричат ученые.

— Но ведь буря сломает замок, — говорит Афанасий Петрович.

— Ну и пусть, — машут руками ученые.

— Она зальет огород и лаборатории.

— Не беда!

— И на острове ничего не останется.

— Зато пираты не попадут на конференцию, — говорит Плюсминус.

— Так им и надо, — вставляет Скнюзик.

— Ура! — кричит попугай.

— Вот что, Кеке, — говорит Афанасий Петрович. — Слушай меня внимательно. Слушаешь?

— Слушаешь, — отвечает попугай.

— Вот тебе палочка. Возьми ее. Полети и дотронься до громоотвода.

Попугай забирает палочку в лапы.
— Ну, — с надеждой говорят ученые, —

Раз, два, три,
Кто играет, тот...

Попугай берется лапой за голову:
— Беги!
(Вылетает в окно.)
— Летит, — смотрят ему вслед ученые. — Теперь вся надежда на него.
Занавес закрывается. Афанасий Петрович выбегает к зрителям и предупреждает:

— Ребята, вот у меня немножко ваты есть, возьмите! Будете уши затыкать. А кому не хватит, пусть ладонями уши закроет. Сейчас начнется такое... Вы слышите?

(Раздаются громовые раскаты передвигаемых декораций.)

— Ну, я побежал. Надо еще успеть в подвале спрятаться.

(Убегает. Звуки грозы усиливаются. Занавес начинает открываться.)

А на сцене — буря в полном разгаре. Сверкает молния, грохочет гром. Сашафонин стоит под зонтиком посредине сцены. В руках у него чемодан.

— Странное дело, — говорит он, — я давно собрался, а они чего-то бегают. Мы же не успеем билеты взять.

— Шеф! — кричит Чикага с одного конца сцены. — Море вышло из берегов!

— Начальник, а начальник! — кричит Чубарик с другой стороны. — Левый угол дома обвалился!

— А корабля не видно? — спрашивает атаман.

— Нет, шеф! — отвечает Чикага.

— Ребя, — говорит Сашафонин, — я пойду в дом. Такая гроза!

— Ты что, дурак? — кричит Чубарик. — Он же сейчас рухнет.

Грохот. Часть дома рушится.

— Да? Тогда я не пойду.

— Сюда, мальчики, — приказывает атаман, укрывшийся под деревом.

Треск, удар молнии, дерево падает.

— За мной! — кричит атаман и мчится к другому дереву.

Под очередной раскат грома оно тоже валится.

Пираты собираются вокруг Сашафонина с зонтиком. Удар молнии и вместо зонтика остается палочка.

— Шеф! — кричит Чикага. — Шар уносит!

— Задержать его! — приказывает атаман.

Пираты бегут к воздушному шару.

— Влезай в корзину! — командует шеф.

— Да, но нас может унести в океан, — говорит Чикага.

— Или на Северный полюс, — предполагает Чубарик.

— Хоть на Южный, — отвечает атаман. — Лишь бы не оставаться на этом проклятом острове!

Все забираются в корзину. Сашафонин влезает в нее со своим огромным чемоданом.

— Да брось ты чемодан, — велит ему Адис-Абеба.

— Не могу, шеф, у меня там сабля.

— Давай ее сюда! — кричит атаман. — Руби! — Он дает саблю Чикаге.

— Кого? — спрашивает тот и смотрит на Сашафониного.

— Канат руби!

Чикага замахивается саблей и двумя сильными ударами перерубает канат. Но шар не трогается с места.

— Стоим, — констатирует Сашафонин.

— Шеф! — Чикага переглядывается с атаманом и молча выбрасывает за борт Сашафонины.

Шар резко подскакивает, чуть выше человеческого роста.

— Эй, я, кажется, выпал, — кричит Сашафонин. — Чубарик, Чубарик, подай мне, пожалуйста, руку.

— На! — Чубарик протягивает руку, тянет Сашафонины и шар опять опускается вниз.

Чикага и атаман снова переглядываются и, взяв Чубарика подмышки, вышвыривают вслед за недогадливым Сашафониным.

Облегченный шар с двумя головорезами взмывает вверх.

— Ой, улетели, — говорит Сашафонин.

— А мы? — спрашивает Чубарик.

— А мы, кажется, остались.

— Значит, нас предали? Бросили?

— Выходит, — соглашается Сашафонин.

— А мы им верили... Бандиты! — взрывается прозревший Чубарик. — Предатели! Разбойники!

— Негодяи! — поддерживает его приятель. — Я вас знать теперь не хочу! — кричит он вслед улетающему шару.

Раздается очередной удар грома.

— Что будем делать? — спрашивает напуганный Чубарик.

— Пошли к ученым, — предлагает Сашафонин, — они нас выручат.

Последний, самый сильный удар грома. Друзья убегают.

Вокруг сразу светлеет. Из-под обломков дома по одному начинают выбираться ученые.

— Ничего, — осматривается Плюсминус. — Ни дома...

— Ни огорода, — добавляет Тур-Непс.

— Ни лаборатории, — говорит Восемьнасий.

— Ни пиратов! — заканчивает Скнутик.

— Спасибо, — говорит Плюсминус и торжественно жмет руку Афанасию Петровичу.

— Это не я, — стесняется тот, — это все Кеке.

— Молодец, Кеке, — хвалит попугая Скнутик, — ты даже сам не понимаешь, какой ты молодец.

— Понимаю, — отвечает Кеке.

— Нет, не понимаешь!

— Нет, понимаю.

— Нет, не понимаешь.

— Нет, понимаю.

— Молчи, Кеке.

— Сам молчи.

— Тыфу, — плюется Скнюзик.
— Тыфу, — плюется попугай.
— Не ругайтесь, — говорит Плюсминус, — у нас такой праздник, а вы ругаетесь!

— Ничего себе праздник, — горестно говорит Тур-Непс, — жилья нет, работать негде, есть нечего!

Неожиданно под барабанную дровь появляются Сашафонин с Чубариком. Сашафонин держит саблю на плече. К сабле привязан белый носовой платок.

— Ага, явились, бандиты! — радостно говорит Тур-Непс. — Запрыгали!

— Нет, мы не бандиты, — объясняет Чубарик. — Вон где бандиты, — показывает в сторону воздушного шара.

— А вы? — спрашивает Афанасий Петрович.

— А мы сдаемся, — говорит Сашафонин. Он снимает белый платок, кладет его в карман, торжественно целует саблю и молча подает ее Тур-Непсу. — Держи.

— Зачем? — удивляется тот.

— На память, — объясняет Сашафонин. — Капусту рубить.

Раздается гудок корабля. Все смотрят на берег.

— Корабль подошел, — говорит Афанасий Петрович. — Тот самый, с которого я свалился. Вот что, друзья, поехали вместе со мной. К нам. У нас там и огороды есть. И дома. И лаборатории.

— А больные есть? — спрашивает Скнюзик.

— Конечно, есть. Мало ли: простуда, грипп, ангина. Катар верхних дыхательных путей.

— Нет, — говорит Плюсминус. — Мы решили не ехать!

— Почему?

— Мы не хотим ехать на все готовое. Мы сначала построим дом. Приведем здесь все в порядок. Снова сделаем подарки для людей. А уж потом сядем на воздушный шар и прилетим.

— Верно, — поддерживает Скнюзик.

— А вот этих ты заberi, — показывает Тур-Непс на Сашафони́на с Чубариком. — Сдай их там куда надо!

— Нет, нет, — пугается Чубарик, — не надо нас забирать! Не надо сдавать куда надо!

— Лучше мы здесь останемся, — просит Сашафонин.

— У вас здесь интересно, — говорит Чубарик. — Изобретения разные. И еда вкусная. Я буду любую работу делать! Ладно?

— А что? — решает Плюсминус. — У нас сейчас работы много! Может, возьмем его чернорабочим?

— Возьмем, — поддерживает Скнюзик.

— А мне нужен работник на огороде. Пойдешь? — спрашивает Тур-Непс у Сашафонины.

— Конечно, — говорит тот. — Хорошая работа, весь день на свежем воздухе! Моя мама будет только радоваться! Я ей обязательно напишу!

Снова гудит пароход.

— Ну я побегу, — говорит Афанасий Петрович, — до свидания. — Афанасий Петрович обнимается с учеными. — А это тебе, Плюсминус, — вешает ему на шею транзистор. — Если будет трудно, вызывай: Москва, Арбат, второй этаж, два звонка, Афанасию Петровичу.

— А это тебе, Восемьнасий. — Скнюзик протягивает Афанасию Петровичу попугая. — Пусть он тебе напоминает о нас. Ты его береги, не обижай...

— И на цепочку не сажай! — заканчивает Кеке.

Слышен еще один гудок.

— Беги, — говорит Плюсминус, — опоздаешь.

Восемьнасий убегает.

— Эх, — говорит Тур-Непс, — вот и Восемьнасий уехал. Грустно!

— Не беда, — обращается к друзьям Плюсминус. — Не будем терять времени. За работу!

Музыка усиливается. Ученые и бывшие пираты начинают разбирать обломки.

Ученые поют:

Пускай на нашем острове
Ни дома, ни сторожки.
Пускай у нас ни простыни
И ни столовой ложки.
Но мы построим новый дом,
Не дом, а заглядение.
И снова в нем
Изобретем
Свои изобрете-ни-я.

Пароход гудит долгим, прощальным гудком. Ученые машут ему вслед руками. С другой стороны сцены, у них за спиной, появляется Афанасий Петрович.

— Нет, не могу уехать. Что хотите со мной делайте — не могу!

— Восемьнасий? — удивляются ученые, продолжая по инерции махать вслед пароходу. — Это ты?

— Значит, ты не уехал?

— Нет, он остался, — разъясняет ученым Сашафонин.

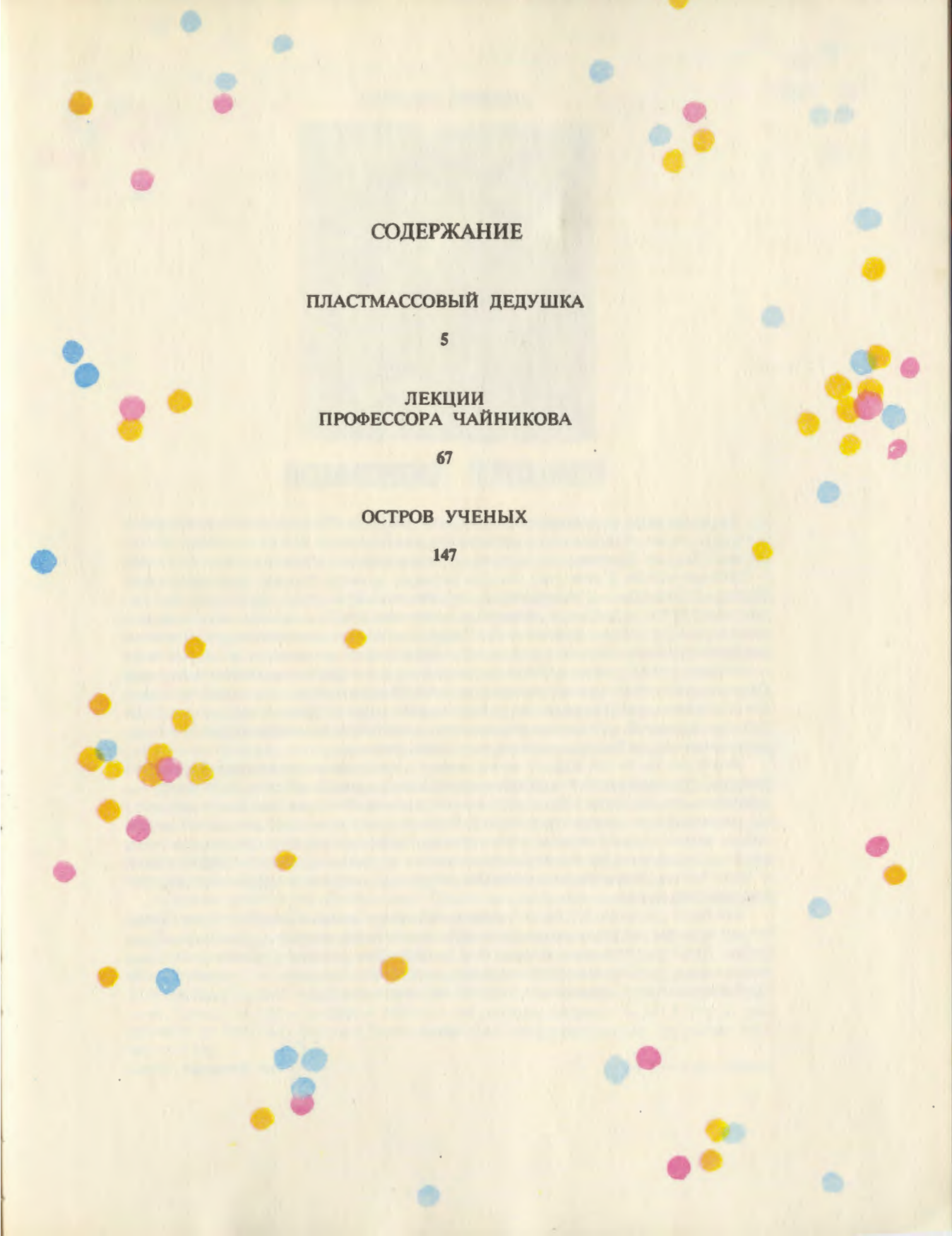
— Эх, ребята, ребята! Неужели вы могли подумать, что я уеду, когда здесь так много работы. Вместе ломали, — говорит Афанасий Петрович, — вместе будем строить!

— Но корабль же уйдет?

— Этот уйдет. Другой придет. Хватит болтать. Скинься, бери бревно, Чубарик, тащи топор, Плюсминус, помоги мне поднять это дерево!

Снова звучит та же мелодия, но звучит уже как веселый мажорный марш.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАСТМАССОВЫЙ ДЕДУШКА

5

ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА ЧАЙНИКОВА

67

ОСТРОВ УЧЕНЫХ

147

художник этой книги

НИКОЛАЙ ВОРОНЦОВ

Как помотришь на карикатуры в газетах «Час пик», или «Пятница», или на иллюстрации в детских книгах, сразу отличишь картинки Николая Павловича Воронцова, потому что его герои особенные. Они смешные, неловкие, их можно узнать по особенному выражению лиц и странным жестам. В этом томе Николай Воронцов проиллюстрировал два произведения Эдуарда Успенского — «Пластмассовый дедушка» и «Лекции профессора Чайникова». Рисуя свои сюжеты, художник не только показывает нам, какой из себя был инопланетянин, приземлившийся в подмосковном поселке Перхушково, или как именно выглядел уважаемый профессор Чайников, Воронцов воссоздает в иллюстрациях целые миры, в которых живут и действуют герои Успенского. Об этих мирах он знает все: и какая музыка звучит в созвездии Стожары, и какие галстуки носили герои повестей. Он может нарисовать портрет знакомого или родственника любого персонажа, даже если о них в произведении не сказано ни строчки. Работая над книгой, он, наверное, переселяется в места обитания своих героев и в своем воображении ведет беседы, участвует в их делах, спорит.

Иначе как бы он так хорошо изучил мимику и жесты своих персонажей. Как и автор повестей, художник мечтает о добром мире, где все разумно и красиво, и эта мечта, как доказательство «от противного» в школьных теоремах по геометрии, охватывает нас, когда мы рассматриваем картинки художника. У Воронцова много учителей, которых он выбрал себе в разных странах мира, в разных течениях искусства рисовать смешно, это очень известные художники. Но, пожалуй, самые главные авторитеты для него — Аркадий Райкин и Чарли Чаплин. Потому что персонажи этих актеров, как и персонажи художника, вызывают желание быть лучше.

Как будет развиваться дальше талант молодого художника — никто не знает. Потому что нет гарантии, что Воронцов не станет артистом, например, или исследователем морских глубин. Такой он необычный человек. Жил, учился, стал физиком, разбирался в разных тонких вещах, необходимых, чтобы, например, хорошо летал космический аппарат. А потом вдруг взял да и стал художником. А может, это у него навсегда — любить рисовать?!

художник этой книги

АНАТОЛИЙ ГУСАРОВ

Анатолий Михайлович всю свою жизнь художника посвятил двум главным делам: создавать, украшать то, что «хорошо», и высмеивать «языком плаката» то, что «плохо». Так герой одного стихотворения Маяковского твердо хотел понять для себя, что значат эти два слова в жизни.

Еще до того, как Анатолий Михайлович стал иллюстратором детской книги, он работал над художественным проектированием музеев деревянного зодчества под открытым небом, воссоздавая и сохраняя для людей культуру, которая исчезала и разрушалась многие десятилетия. Так при его участии был создан под Архангельском музей, в котором собраны уникальные деревянные постройки, церкви, дома, украшенные причудливой резьбой.

Потом Гусаров иллюстрировал детские книги, учебники, буквари. Особенно много труда и умения он вложил в работу над учебниками для детей народов Севера.

Анатолий Михайлович обладает разносторонними талантами. Так он увлекся однажды рисованием плакатов, наглядными рисунками показывая и доказывая людям, что в жизни «плохо» и как поступать не следует.

Есть у Анатолия Михайловича самое любимое занятие. Это иконопись. Сегодня это умение особенно необходимо. Многие десятилетия стирались с лица земли, уничтожались храмы. Теперь, когда церкви возрождаются, не хватает икон. Старые в большинстве своем уничтожены. А новые еще надо научиться писать. Непростое это умение — быть иконописцем. Много навыков, умений надо иметь такому мастеру. А еще надо хорошо знать святоотеческую историю и иметь к иконописи особую тягу и особую любовь.

Художник написал уже несколько икон. Одна из них находится на подворье Валаамского монастыря. Это образ Сергия и Германа Валаамских.

Пьесу—повесть о пиратах в этой книжке Гусаров проиллюстрировал по-особенному.

Столько лет он рисовал только прекрасное, участвовал в создании храмов, писал иконы, что, встретившись с иллюстрированием отрицательных персонажей, он расправился с ними одним махом. Пиратов, тупых и безобразных, он нарисовал карикатурными и отвратительными. Правда, не очень повезло и ученым в его рисунках. Видимо, считает Анатолий Михайлович, со злом надо бороться более активно, чем это делают ученые, энергичнее противостоя злу.

Фото Александра Китаева

Литературно-художественное издание

Эдуард Николаевич Успенский

**Общее собрание
героев повестей, рассказов,
стихотворений и пьес**

В десяти томах

Том восьмой

**Пластмассовый дедушка
Лекции профессора Чайникова
Остров ученых**

Ответственный редактор
О. Т. Ковалевская

Художник-редактор серии
Л. Д. Каминский

Художественный редактор
В. С. Итальянцев

Технический редактор и корректор
Т. П. Кияжицкая

Оригинал-макет
А. Г. Закиров

Формат бумаги 84×108 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 213.
Тираж 150 000 экз. Цена договорная.
Заказ № 3-138.

Торгово-издательское товарищество «Комета»
191002, Санкт-Петербург, Загородный пр., 10, офис 37.
Лицензия ЛР № 061683 от 14 октября 1992 г.

Киевское арендное полиграфическое
предприятие «Книга»
254655, ГСП, г. Киев-53, ул. Артема, 25.

ПРОСТОКВАШИНО

Люблю
мармелад

III-22-44

III-22-44

III-22-44

